РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. Н. Валиахметова

НЕФТЬ
и независимость

К истории отмены британского мандата на Ирак 1928–1932 гг.

Москва
ИВ РАН
2009

ББК 66.5(5Ир)
В15

Ответственный редактор —
доктор исторических наук, профессор
В. В. Наумкин

Рецензент —
доктор экономических наук
В. А. Исаев

В15 **Валиахметова Г. Н.** Нефть и независимость. К истории отмены британского мандата на Ирак 1928–1932 гг. — М.: Институт востоковедения РАН, 2009. —224 с.

ISBN 978-5-89282-405-7

Монография посвящена истории предоставления независимости Ираку в 1928–1932 гг. Реалии международной политики того времени тесно связаны с вопросами контроля над топливно-энергетическими ресурсами региона. Автор сосредоточил внимание на нефтяном факторе, оказавшем непосредственное влияние на решение об отмене иностранной опеки над Ираком. Сопоставляются методы, которыми великие державы реализовали свои интересы на Ближнем Востоке, а также политика отдельных стран. Исследование проведено на материалах Национального архива Великобритании (фонды внешнеполитических ведомств), многие из которых впервые вводятся в научный оборот как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Книга предназначена историкам, обществоведам и тем, кто интересуется международной политикой.

ББК 66.5 (5Ир)

ISBN 978-5-89282-405-7

© Валиахметова Г. Н.
© Институт востоковедения РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Глава 1. Иракская нефть в международных картельных соглашениях 1928 г. 9
Глава 2. Концессия ТПК в ближневосточной политике Англии и Франции, 1928–1929 гг. 44
Глава 3. Лига Наций и вопрос о перспективах разработки иракских месторождений, 1929–1930 гг. 73
Глава 4. Пересмотр концессии ИПК и изменения в британской стратегии отмены мандатного режима в Ираке, 1930–1931 гг. 106
Глава 5. Роль концессии БОД в решении Совета Лиги Наций о предоставлении Ираку независимости, 1931–1932 гг. 152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 175
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 183
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 184
ПРИЛОЖЕНИЕ I 205
ПРИЛОЖЕНИЕ II 210
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 217
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 220
SUMMARY 223

CONTENTS

INTRODUCTION 5
Chapter 1. The Iraqi Oil in the International Cartel Agreements of 1928 9
Chapter 2. The TPC Concession in the Middle East Policy of Great Britain and France, 1928–1929 44
Chapter 3. The League of Nations and the Prospects of Iraqi Oilfields Exploit, 1929–1930 73
Chapter 4. The Revision of IPC Concession and Modifications in the British Strategy of Mandatory Regime Termination in Iraq, 1930–1931 106
Chapter 5. The Role of BOD Concession in the Decision of the League of Nations on Granting Independence to Iraq 152
CONCLUSION 175
LIST OF ABBREVIATIONS 183
BIBLIOGRAPHY 184
ANNEX I 205
ANNEX II 210
INDEX OF SUBJECTS AND PROPER NAMES 217
INDEX OF GEOGRAPHICAL NAMES 220
SUMMARY 223

ВВЕДЕНИЕ

Нефтяной фактор — важный компонент системы международных отношений, и его особая роль в мировой политике изначально была обусловлена военно-стратегическим потенциалом нефти. Накануне и в годы Первой мировой войны наличие свободного доступа к нефтяным источникам стало одним из ключевых показателей национальной обороноспособности, предопределив пристальный интерес ведущих держав к вопросам самообеспечения нефтью. С этого времени нефтяное производство и распределение перестали быть делом только коммерческих компаний, ищущих прибыли, но вышли на острие внутренней и внешней политики стран, лишенных собственного углеводородного сырья. В мирной экономике нефть тоже нашла самое широкое применение и привела к поистине революционным изменениям в сфере промышленности и транспорта. Контроль над нефтяными ресурсами фактически гарантировал великим державам устойчивые военно-стратегические и экономические позиции, поэтому в рамках становления курса на нефтяную независимость каждое правительство стремилось поддержать экспансию своего национального капитала в нефтеносных районах мира.

К числу причин, способствовавших формированию нефтяного аспекта международных отношений, также следует отнести неравномерность в географическом размещении основных баз мирового снабжения нефтью. К началу XX в. из восьми великих держав только две — США и Россия — имели собственные нефтяные ресурсы, а все известные на тот момент источники были уже поделены. Открытие новых месторождений происходило в слаборазвитых странах, прежде всего на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, где к тому же владельцами недр являлись местные правительства, а не частные собственники. Стремясь поддержать свои нефтяные монополии в борьбе за контроль над новыми центрами нефтедобычи, правящие круги западных стран стали прибегать

к методам дипломатического маневрирования и давления. В итоге коммерческое нефтяное соперничество дополнилось острым политико-дипломатическим противостоянием, а нефтеносные территории, в свою очередь, были обречены на то, чтобы попасть под влияние одной или нескольких индустриально развитых держав.

Нефть, безусловно, весьма высокодоходный бизнес, но организация нефтяных предприятий связана с большими рисками и требует крупных долгосрочных инвестиций. Страны — владельцы нефтяных ресурсов в силу своей экономической отсталости объективно не могли самостоятельно создавать национальную нефтяную промышленность и были вынуждены обращаться к опыту и капиталам западных монополий. По этой причине последние, получив концессии, приобретали здесь доминирующее экономическое и подчас политическое влияние, а в случае возникновения разногласий с местными властями обращались за поддержкой к своим правительствам. Отсюда проистекала тесная связь коммерческой политики нефтяных компаний с внешнеполитическими доктринами великих держав. Об этом свидетельствует политика Великобритании на Ближнем Востоке до 1939 г. и политика США в Центральной Америке в первой четверти XX в. В регионах, где политическое влияние еще активно оспаривалось, например, между Англией и Германией в Османской империи до 1914 г., приобретение нефтяных концессий рассматривалось как прямой путь к установлению здесь своей сферы влияния. Методы нефтяного империализма, кроме того, включали целый комплекс мер по предотвращению любой возможности появления иностранных конкурентов в перспективных нефтеносных районах.

В истории имеется много примеров, когда нефтяной фактор ложился в основу национальной дипломатии. Так, например, один из традиционных принципов внешней политики Вашингтона — «открытые двери и равные возможности» изначально был инструментом, который позволял США использовать экономические преимущества и создавать свою неформальную империю по всему миру. С 1920-х годов американская формула «открытых дверей» распространилась на нефтяную сферу, и зачастую она входила в жесткое противоречие с практикой преференций и рестрикций — традиционной имперской политикой европейских метрополий. Аналогичная ситуация сложилась позже и в отношениях США со странами «третьего мира», правительства которых стремились

закрыть свои национальные экономики, чтобы они не стали ареной игр так называемых свободных рыночных сил.

Реалии нефтяной дипломатии не исчерпываются стремлением экономически развитых держав получить и сохранить гарантированный доступ к нефтяным источникам или оказать протекцию своим компаниям. Интересы нефтяных монополий и поддерживавших их правительств отнюдь не всегда совпадали. В отечественной и зарубежной историографии было много споров на тему степени влияния нефтяного капитала на формирование политических приоритетов в правящих кругах той или иной страны. История предлагает массу иллюстраций к тезису о том, что в случае конфликта между интересами государства и коммерческими интересами большого бизнеса последние всегда будут принесены в жертву стратегическим императивам нации. Особенно очевидно это на примере британской политики на Ближнем Востоке, где Уайтхолл (читай: английское правительство) неоднократно расплачивался уступками в сфере нефтяного производства за долгосрочные перспективы и стабильность в англо-американских отношениях.

Нефтяная дипломатия — это сложный, многоликий феномен, порожденный реалиями технологического развития индустриальной цивилизации в целом и военной отрасли в частности. Борьба за нефть органично вплеталась в систему международных отношений и отражала в себе как в фокусе ее текущее состояние. Национальные приоритеты в сфере энергетики, их влияние на определение внешне- и внутриполитического курса отдельных правительств, методы обеспечения сырьевой независимости страны — все эти аспекты играли и продолжают играть важную роль в современной мировой политике.

Сегодня, как и ранее, субъектами нефтяной дипломатии выступают государства, их ассоциации и компании со своими интересами. Но в эпоху глобализации тема экономической, в частности энергетической и нефтяной, безопасности выходит на первый план. Характерный для современного этапа развития мирового хозяйства технологический разрыв между отдельными группами стран сопровождается нарастанием конфликтности на международной арене особенно в связи с доступом к природным ресурсам. Ранее призрачная угроза нехватки энергоносителей ныне становится все более реальной, усиление взаимозависимости требует экономического сотрудничества на долговременной основе. Поэтому на

смену прежнему исторически сложившемуся подходу к дипломатии как «войне мирными средствами» приходит другой — более прагматичный, приемлемый для партнерских отношений в сфере экономики, включая энергетику. Но пока процесс налаживания связей между странами-производителями, странами-потребителями и странами-транзитерами остается весьма напряженным и противоречивым. Одна из причин кроется в том, что хотя содержание и методы нефтяной дипломатии многократно менялись, многие ее установки и факторы, которые берут свое начало на заре эры нефтяной индустрии, и сегодня действуют в полную силу. В условиях поиска путей устранения некоммерческих рисков с одновременным отстаиванием национальных интересов уроки прошлого приобретают особую актуальность.

История предоставления Ираку независимости является яркой иллюстрацией реалий международной нефтяной политики межвоенного периода, когда вопросы обеспечения контроля над топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки стали в основном перемещаться в политическую плоскость. Анализ влияния нефтяного фактора на процесс принятия решения об отмене иностранной опеки над Ираком в 1928–1932 гг. и сопоставление в указанном контексте методов реализации политико-стратегических и экономических интересов великих держав на Ближнем Востоке, а также национальных интересов отдельных стран региона позволяют провести определенные параллели с современной ситуацией, сложившейся вокруг Ирака, помогают лучше понять возможные пути будущего развития этого государства.

Иракский кризис 2003 г., создавший непосредственную угрозу существующей системе международной безопасности, вызвал большое число публикаций, в которых рассматривались основные политико-экономические причины и различные сценарии дальнейшего развития. Однако следует признать, что хотя нефтяной аспект проблемы нашел достаточно широкое отражение на страницах отечественных и зарубежных аналитических изданий, ее исторический контекст пока не стал предметом специального развернутого исследования. Данная работа является попыткой восполнить этот пробел. Новизна предлагаемого материала, кроме того, определяется введением в научный оборот документов из фондов Национального архива Великобритании и российских государственных архивов, а также привлечением малоизвестных и редко используемых источников.

ГЛАВА 1

ИРАКСКАЯ НЕФТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КАРТЕЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ 1928 г.

Нефтеносные территории Месопотамии привлекли внимание международного капитала в конце XIX в. Накануне Первой мировой войны в борьбу за месопотамскую нефть включились правительства Великобритании и Германии, стремившиеся обеспечить себя солидной нефтяной базой и избавиться от диктата американских трестов, которые, в свою очередь, тоже стали проявлять активный интерес к Ближнему Востоку. Создание англо-германской «Туркиш Петролеум Компани» (ТПК) в 1912 г. и ее реорганизация в марте 1914 г. стали попыткой двух европейских держав совместными усилиями закрыть американским монополиям дорогу к арабской нефти. Интересы британского правительства в ТПК представляла Англо-Персидская нефтяная компания (АПНК) с долевым участием 47,5%, германского правительства — «Дойче Банк» (25%), частные британские интересы — англо-голландский трест «Ройял Датч Шелл» (РДШ, 22,5%) и известный нефтяной магнат К. С. Гульбенкян (5%). Компания заручилась обещанием турецкого султана предоставить ей нефтяные права в вилайетах Мосул и Багдад.

Итоги Первой мировой войны обеспечили Великобритании лидирующие позиции среди претендентов на месопотамскую нефть, при этом из числа конкурентов выбыла Германия, а в борьбу за нефтяные ресурсы бывшей Османской империи включились Франция и США. Рост национально-освободительного движения в Турции и арабских странах вынуждал Лондон к поиску сильного партнера по ближневосточным делам. Поэтому доля участия в нефтяных предприятиях в Месопотамии была обещана британским правительством сначала Франции, а затем американским компаниям.

Англо-французское нефтяное соглашение, подписанное в Сан-Ремо (апрель 1920 г.), передавало Франции бывший германский холдинг в ТПК. В 1924 г. французское правительство заключило договор с «Компани Франсез де Петроль» (КФП), которая была создана годом ранее ведущими французскими банками и нефтяными фирмами. КФП получила монопольные права на французскую долю в разработке иракской нефти[1]. В июле 1922 г. начались переговоры ТПК с представителями американского капитала об условиях нефтяного сотрудничества. С этой целью по инициативе правительства США была сформирована «Нир Ист Девелопмент Компани» (НИДК), которая объединила 7 ведущих компаний страны, заинтересованных в освоении нефтяных ресурсов Ирака[2].

Готовность Великобритании к компромиссу с Францией и США в нефтяном вопросе сыграла важную роль в создании на территории Месопотамии арабского государства во главе с королем Фейсалом (август 1921 г.) и утверждении Советом Лиги Наций британского мандата на Ирак (1924 г.). Период 1924–1926 гг. характеризовался консолидацией сил британской, французской и американской дипломатии в деле урегулирования мосульского конфликта, передачи нефтеносных территорий Мосула под юрисдикцию Ирака и подписания концессионного договора между иракским правительством и ТПК.

Ирако-турецкий спор вокруг территориальной принадлежности Мосульского района вылился в крупный международный конфликт, угрожая порой перерасти в вооруженную фазу. Помимо военно-стратегической и торгово-хозяйственной значимости, повышенный интерес к Мосулу определялся наличием там крупных месторождений нефти. Многогранность мосульской проблемы и сложность ее разрешения были обусловлены тем, что в борьбу за Мосул включились крупнейшие нефтяные компании Англии, Франции и США при активной поддержке своих правительств, а в сферу нефтяной политики великих держав попал ряд восточных народов — турки, арабы, курды, ассирийцы и др. Британское правительство ясно дало понять иракским властям, что Лига Наций не оставит Мосул в составе Ирака, если ТПК не получит эксклюзивные права на спорной территории[3]. Полная зависимость Ирака от Великобритании на фоне его внешнеполитических затруднений в связи с мосульским кризисом, нестабильность внутриполитической обстановки и экономические проблемы — все эти факторы

вынудили иракское правительство санкционировать выдачу концессии на условиях, предложенных компанией.

14 марта 1925 г. было подписано первое в истории Ирака нефтяное концессионное соглашение. По его статьям (ст. 1–3) ТПК предоставлялись права на проведение исследовательских операций и эксплуатацию нефтяных месторождений в вилайетах Мосул и Багдад (за исключением «Переданных территорий»[4]) сроком на 75 лет (см. Приложение I, карта 1). Компания обязалась в течение 8 месяцев приступить к поискам нефти в трех различных районах концессии (ст. 4), в период до 32 месяцев выбрать по своему усмотрению 24 прямоугольных участка общей площадью 192 кв. мили, начать их разработку не позднее чем через 3 года, а также изучить возможности сооружения в кратчайшие сроки и с минимальными экономическими издержками нефтепровода к Средиземному морю (ст. 5). По истечении 4 лет с момента выдачи концессии оставшиеся «внешние участки» (около 76 тыс. кв. миль) подлежали сдаче в субаренду в ходе проведения тендера, организованного иракским правительством (ежегодно по 24 участка по 8 кв. миль каждый). При этом ТПК вменялось в обязанность ознакомить всех потенциальных конкурентов с результатами геологоразведочных работ на предлагаемых территориях, а затем, с началом регулярных экспортных отгрузок, предоставить в распоряжение субарендаторов 30 % мощности своего нефтепровода для транспортировки нефти, добытой на «внешних участках» (ст. 6). Финансовые статьи договора предусматривали отчисления ТПК в иракскую казну в размере 4 шиллингов (золотом) с каждой добытой и экспортированной тонны нефти. Иные выплаты со стороны ТПК не предусматривались (ст. 10). Компания должна была оставаться британским предприятием и возглавляться только британским подданным (ст. 32)[5].

По настоянию правительства Ирака ТПК обязалась снабжать внутренний рынок страны нефтепродуктами по ценам ниже мировых (ст. 14–15) и включить в состав правления компании представителя иракских властей с равным правом голоса (ст. 35). Без согласия Багдада ТПК запрещалось создавать дочерние фирмы для разработки концессии (ст. 33) и перевозить через Ирак нефть, добытую в других странах (ст. 20)[6]. Эти ограничения были неудобны и обременительны для иностранных деловых интересов, но концессионный договор в значительной степени был результатом межправительственных соглашений, поэтому по ряду параметров

отличался от обычной практики нефтяных монополий в Персии, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке[7].

Система «внешних участков» была включена в условия концессии по требованию госдепартамента США. Предполагалось, что ТПК не будет претендовать на субаренду, тогда как за ее акционерами сохранится право участвовать в торгах по собственной инициативе. «По мнению американцев, такая политика “открытых дверей” должна была убедить иракское правительство в том, что ТПК не является монополистической группой. Так создавалось впечатление, будто весь мир участвует в разработке месопотамской нефти, — комментировал этот план Гульбенкян. — На деле Мосул являлся лакомой добычей для американцев, и они намеревались не только обосноваться там, но и вытеснить европейских соперников, хотя и действовали пока под прикрытием ТПК»[8].

Принцип «открытых дверей» был ключевым во внешней нефтяной политике США, которая стала оформляться после Первой мировой войны и развивалась под знаком угрозы истощения национальных запасов нефти. Доля США составляла около 70 % мировой добычи, в то время как страна обладала всего 18 % разведанных нефтяных ресурсов земного шара. Казалось, нация идет к тому, чтобы оказаться без нефти в тот момент, когда другие еще будут обладать значительными нефтяными резервами[9]. Иными словами, США как бы вынуждались к внешней нефтяной экспансии. Таковы были официально декларировавшиеся мотивы, которыми Вашингтон оправдывал активное выступление американского капитала в новых нефтяных районах Восточного полушария[10].

В то же время в Белом доме признавали, что формула «открытых дверей» нереализуема на практике. «В большинстве стран запасы нефти настолько ограничены, что двери могут оставаться открытыми только для двух-трех компаний, которые и приобретают полный контроль над ресурсами. Необходимо рассматривать принцип “открытых дверей” относительно, а не буквально», — указывали эксперты Американского нефтяного института и отмечали, что многонациональная монополия является единственным решением иракской нефтяной проблемы. В конечном итоге госдепартамент пришел к выводу о том, что «в случае с Ираком оправдана выдача эксклюзивных прав, но в концессионном договоре ТПК все же должны содержаться статьи, предусматривающие будущее участие на конкурентной основе»[11]. Поэтому единственное, что

осталось от американского плана «открытых дверей», это право аутсайдеров подавать заявки на субаренду[12]. Система «внешних участков», по сути, лишь формально воплощала принцип «открытых дверей» и скорее являлась уступкой американцам, которые в первую очередь стремились предотвратить установление нефтяной монополии европейского капитала в Ираке[13].

Поскольку вопрос о территориальной принадлежности Мосула оставался открытым, ТПК не смогла сразу же приступить к выполнению своих концессионных обязательств, хотя предприняла первые шаги в этом направлении. В конце 1925 г. в Ирак была направлена многонациональная группа из 12 авторитетных геологов во главе с бывшим министром горной промышленности Австрии доктором Х. Бохом[14].

Мосульский конфликт окончательно разрешился 5 июня 1926 г. подписанием в Анкаре англо-ирако-турецкого пограничного договора, включившего спорный район в состав Ирака. В качестве компенсации за потерю Мосула иракское правительство обязалось перечислять Турции 10 % своих доходов, получаемых с концессии ТПК, в течение 25 лет с момента ратификации соглашения[15].

Подписание Анкарского соглашения позволило ТПК начать крупномасштабные исследовательские работы в Ираке. Летом 1926 г. на основе анализа итогов экспедиции Боха, а также отчетов германских геологических партий довоенных и военных лет был намечен план работ на 1927 и 1928 гг.[16] Кроме того, ссылаясь на запоздалое решение мосульского вопроса и связанные с этим ограничения на передвижения геологов в приграничных районах, руководство ТПК весной 1927 г. обратилось к иракским властям с просьбой отсрочить первые торги по «внешним участкам». По условиям концессии компания должна была выбрать свои 24 участка к 14 ноября 1927 г., а правительство Ирака к 14 марта 1929 г. — подготовить первый аукцион. В августе 1927 г. Багдад уступил нажиму британского правительства и продлил указанные сроки на 1 год[17].

Геологоразведочные операции компании охватывали весьма обширные территории — три нефтеносные зоны, отмеченные естественными выходами нефти на поверхность. К первой относился район Киркука, прилегающий к Ханакину; второй по перспективности считалась зона среднего течения р. Тигр от хребта Джебель-Хамрин до г. Мосул; третий нефтеносный район располагался к западу от р. Тигр до Багдада[18]. Подготовительные работы

заключались в организации средств связи, регулярной работы пассажирского и грузового транспорта для доставки к местам разведок и будущих промыслов необходимых материалов и оборудования[19].

5 апреля 1927 г. в местечке Палкана (район Киркука) состоялось торжественное открытие буровых работ ТПК. Здесь же на глубине 402 м впервые были обнаружены богатые нефтяные пласты, причем полученная нефть принадлежала к числу легких нефтей, которые дают большой выход бензина. В целом удовлетворительными считались результаты разведочного бурения в Гайяре, где нефть залегала на глубине 229 м и относилась к числу тяжелых[20].

В ночь на 14 октября 1927 г. ударил мощный нефтяной фонтан из скважины, заложенной 4 месяцами ранее в районе Киркука, в местечке Баба-Гургур, с древнейших времен известном своими «вечными огнями»[21]. Месторождение сразу было отнесено к разряду богатейших в мире. Эксперты единодушно отмечали, что Киркукский район «по своим идеальным данным должен войти во все учебники по геологии»: внутри месторождения нефть свободно перемещалась в горизонтальном и вертикальном направлениях, что позволяло производить добычу с минимальным числом скважин. Особый интерес к Баба-Гургур также был обусловлен относительно малой глубиной залегания (463,6 м) и мощностью нефтеносного слоя[22]. В конце года близ месторождения был построен небольшой нефтеперегонный завод общей пропускной способностью 120 тыс. т в год[23].

К концу 1927 г. ТПК исследовала около 108 кв. миль из 76,2 тыс. кв. миль концессионной территории. По итогам работ разведочные партии представили 40 обстоятельных докладов. Они подтвердили существование трех огромных нефтеносных зон на севере Ирака, а также доказали, что иракские месторождения являются геологически едиными с южноперсидскими, которые были известны устойчивой и высокой добычей. Кроме того, смело можно было рассчитывать на получение нефти нескольких типов — тяжелой, легкой, маслянистой, парафинистой. В 1928 г. по разведанным запасам нефти ирако-персидские месторождения заняли 4-е место в мире (6,5 млрд. барр.) после Центральной и Южной Америки (10,5 млрд.), США (8,5 млрд.) и СССР (6,8 млрд.)[24].

ТПК затруднялась выбрать свои 24 участка, поскольку их площадь не покрывала все месторождение Баба-Гургур, а также ряд других районов концессии, где разведка тоже дала обнадеживающие

результаты. Поэтому весной 1928 г. компания вновь поставила вопрос об отсрочке первой субаренды, на этот раз уже на 5 лет. ТПК мотивировала просьбу тем, что выполняла свои обязательства с максимальным усердием, но предусмотренные договором сроки невыполнимы по объективным причинам; так, например, в некоторых местах изыскательные работы были прерваны из-за политических беспорядков. Кроме того, в связи с открытием фонтанирующих скважин в Баба-Гургур правление компании настаивало на необходимости переориентировать основные усилия с разведочного бурения на строительство нефтепровода[25].

Результаты геологических исследований устранили все сомнения в целесообразности дальнейших инвестиций в нефтяное дело Ирака и ускорили процесс урегулирования разногласий между участниками ТПК, которые в сложившихся условиях пошли на взаимные уступки в спорных вопросах. Одним из ключевых являлся вопрос о «самоограничительной» политике компании. Ее инициаторами выступили французы и Гульбенкян. Париж считал, что принцип «открытых дверей», закрепленный в концессии 1925 г., сужал сферу деятельности ТПК до 24 участков (0,3 % концессионной территории) и соответственно противоречил соглашению Сан-Ремо, предоставившему Франции права на 25 % нефти Центрального и Северного Ирака. Гульбенкян, в свою очередь, видел в политике «открытых дверей» попытку лишить его части законных доходов от 5 % участия в ТПК. В обмен на включение принципа «открытых дверей» в устав компании, КФП и Гульбенкян добивались от американской группы признания пункта о «самоограничении», аналогичного тому, который фигурировал в ранних соглашениях ТПК 1912 и 1914 гг. и запрещал партнерам самостоятельно приобретать нефтяные концессии в пределах бывшей Османской империи. В 1924 г. этот пункт дополнился запретом выступать в качестве независимого конкурента при покупке и разработке «внешних участков» в Ираке. Иными словами, французы, не имевшие других источников нефти, кроме Ирака, и Гульбенкян настаивали на совместной эксплуатации всех месторождений Ближнего Востока.

Объединив 7 ведущих американских компаний в 1922 г., НИДК возражала, ссылаясь на антитрестовское законодательство США. Этот аргумент скорее был формальным, так как в предшествующие годы конгресс США провел ряд законопроектов, направленных на ликвидацию подобных ограничений в зарубежных операциях

американских нефтяных компаний. «Высокопарные фразы американцев о том, что “самоограничительные” статьи противоречат принципу “открытых дверей”, на самом деле нацелены на то, чтобы вытолкнуть других участников ТПК из будущих концессий в пределах бывшей Османской империи», — отмечал Гульбенкян[26]. В конечном итоге американская группа уступила, учитывая, что у Великобритании и Франции больше шансов получить нефтяные концессии на Ближнем Востоке, чем у США. НИДК согласилась включить пункт о «самоограничении» в устав компании при условии, что она сможет приобретать «внешние участки» в Ираке и распоряжаться ими по собственному усмотрению[27]. Компаньоны утвердили карту, представленную французами и Гульбенкяном в октябре 1927 г., на которой красным карандашом были обведены территории бывшей Османской империи, попадавшие под действие пункта о «самоограничении». В этот район вошла европейская часть Турции, полуостров Малая Азия, Аравийский полуостров (кроме Кувейта), Сирия, Палестина, Ирак и некоторые острова Средиземного моря (см. Приложение I, карта 2).

Еще одним камнем преткновения между партнерами ТПК стал вопрос о «бездоходном» статусе компании. Американцы настаивали на том, чтобы ТПК действовала как бесприбыльная организация, а именно ограничилась добычей и перекачкой сырой нефти к терминалу на морском побережье, где группы будут покупать ее по цене, покрывающей издержки производства и транспортировки. Во-первых, это позволяло небританским акционерам избежать двойного налогообложения — в Великобритании и в своих странах. Во-вторых, так львиная доля прибылей от операций с иракской нефтью реализовывалась через перерабатывающие и сбытовые филиалы участников ТПК.

Проект сразу же натолкнулся на сопротивление Гульбенкяна, единственного владельца компании, не имевшего собственных нефтеперерабатывающих и торговых предприятий и, следовательно, не заинтересованного в получении номинальной прибыли. Французская группа выступила в поддержку американского плана. Британские компаньоны — АПНК и группа «Шелл» — заняли нейтральную позицию, заявив, что в любом случае обязаны платить подоходный налог только английскому правительству. Компромисс был предложен французами, которые выразили готовность покупать у Гульбенкяна причитавшуюся ему долю сырой нефти[28].

31 июля 1928 г. в Остенде (Бельгия) в отеле «Ройял Палас» участники ТПК подписали финальный договор об условиях нефтяного сотрудничества на Ближнем Востоке, получивший название «Групповое соглашение», или «Соглашение о красной черте». Этот документ, по сути, представлял собой устав ТПК, большинство его статей регулировало отношения между владельцами. Каждый из компаньонов гарантировал, что он и его филиалы будут соблюдать условия данного соглашения, сфера действия которого распространялась на территории, обведенные на прилагаемой карте красным карандашом (ст. 1). Уставный капитал ТПК — 2 млн. ф. ст. — распределился в следующих пропорциях: «Д'Арси Эксплорейшн Компани» (филиал АПНК), «Англо-Саксон Петролеум Компани» (филиал РДШ), КФП и НИДК — по 23,75 %[29], «Партисипейшн энд Инвестмент Компани» (фирма Гульбенкяна) — 5 %. Американский пакет акций был выделен из холдинга АПНК. В качестве компенсации последней предоставлялось право получать бесплатно 10 % сырой нефти, которая будет добываться на территории 24 участков иракской концессии, оплачивая только ее транспортировку к морскому терминалу. Доля участия Гульбенкяна складывалась из равных отчислений — по 1,25 % — каждой из 4 групп (ст. 2).

Первые 4 группы, являясь основными акционерами, имели право назначать по 2 представителя в правление (Совет директоров) компании, Гульбенкян и иракское правительство — по одному. В состав правления также входил президент и генеральный менеджер[30]. Решения могли приниматься только с согласия трех основных групп (ст. 3).

За ТПК закреплялось исключительное право приобретать нефтяные концессии и добывать нефть в районе «красной черты». Если один из партнеров получал такую концессию, он был обязан допустить в дело остальные группы в той же доле, какую они имели в ТПК, даже в случае, если он действовал без согласия правления компании (ст. 5–10). НИДК, кроме того, разрешалось самостоятельно разрабатывать «внешние участки» в Ираке. Но эта оговорка имела скорее формальный характер, так как американцы были обязаны за 30 дней до начала торгов известить ТПК о своем намерении подать заявку (ст. 11). За это время европейские компаньоны могли совместными усилиями перехватить у них инициативу. Если учесть, что в вопросах субаренды компания действовала как агент иракского правительства, то очевидно, что фактически

она стала единственным распорядителем концессии. Иными словами, «открытые двери» оказались закрытыми для каждой из групп, которые теперь могли действовать только через ТПК.

Статья 13-я устава компании постулировала ее «бездоходный» статус и предусматривала, что вся добытая или купленная сырая нефть должна предлагаться группам в «основных пропорциях» в морском порту, к которому будет проложен нефтепровод, по ценам, эквивалентным себестоимости продукции[31]. Расходы на сооружение нефтепровода возмещались группами пропорционально их доли акций (ст. 14–15). Также было ограничено право на независимую переработку нефти. В соглашении указывалось, что производством нефтепродуктов в Ираке может заниматься только ТПК и их количество не будет превышать потребностей страны, то есть для экспорта готовой продукции не должно оставаться излишков. Компания могла строить нефтеперерабатывающие заводы в районе «красной черты» только с письменного согласия всех 4 групп и на принципе «равного дележа». Партнерам разрешалось самостоятельно сооружать заводы на Средиземноморском побережье, но каждая группа имела право использовать эти производственные мощности для переработки своей доли иракской нефти (ст. 16).

Условия сбыта касались главным образом ограничения операций ТПК, а не групп. Обладая исключительным правом на сбыт сырой нефти в Ираке (в количествах, достаточных для удовлетворения местных потребностей), компания не могла прямо или косвенно заниматься сбытовыми операциями за пределами страны, где группы действовали самостоятельно; также ей запрещалось конкурировать с торговыми организациями своих владельцев (ст. 17)[32]. Эти две статьи представляли в истинном свете «бездоходный» статус ТПК. Взимая с групп произвольно низкие цены, компания выплачивала минимальные налоги английскому правительству и фактически давала возможность перерабатывающим и сбытовым филиалам своих акционеров получать основную долю прибылей с нефтяной концессии в Ираке.

«Соглашение о красной черте» стало крупным шагом к установлению монополии ТПК в нефтяном деле Ирака. Оно примирило соперничавших между собой владельцев компании и в значительной степени закрыло аутсайдерам доступ к иракской нефти. «Пресловутые “открытые двери” были герметично закрыты, и никто даже слова не сказал», — писал впоследствии Гульбенкян и отмечал,

что при выработке условий сотрудничества компаньоны стремились предотвратить переход нефтяных источников Ирака в руки независимых фирм[33]. Тот факт, что под договором подписались лидирующие компании мира («Стандард оф Нью-Джерси», «Стандард оф Нью-Йорк», РДШ и АПНК), облегчал процесс приобретения ими контроля над нефтяными ресурсами Ближнего Востока и ограничивал конкуренцию в регионе. Именно поэтому «Соглашение о красной черте» стало прототипом аналогичных нефтяных комбинаций, но уже в мировых масштабах[34]. В то же время оно не устранило важных противоречий, в связи с чем вопрос иракской нефти остался в числе сложных международных проблем. Как отмечал Кэдман, ТПК была предприятием, созданным на основе компромиссов; каждая группа имела свои цели и задачи, которые с трудом увязывались с планами других компаньонов[35]. Новые разногласия между партнерами ТПК и поддерживавшими их правительствами сразу же проявились в вопросе о темпах и масштабах разработки иракских месторождений.

Уайтхолл считал «Соглашение о красной черте» эффективным инструментом сдерживания активности американского нефтяного капитала в жизненно важном для Британской империи регионе, а также средством уклонения от соблюдения здесь принципа «открытых дверей». ТПК формально была британской компанией; совместный холдинг АПНК, РДШ и Гульбенкяна составил 52,5 %, что обеспечило британским держателям контрольный пакет акций. Учитывая, что АПНК, кроме того, имела монополию на разработку нефти в Ханакине и Южной Персии, подавляющее английское влияние в нефтяном производстве Ирака, а также всего Ближнего и Среднего Востока не вызывало сомнений[36].

Полуправительственная АПНК играла ключевую роль в британской нефтяной политике, специфика которой в конце 1920-х годов сводилась к увеличению импорта готовых нефтепродуктов при сокращении ввоза сырой нефти. Модернизация и увеличение мощности нефтеперерабатывающего комплекса в Абадане, а также расширение программ строительства танкерного флота стали одними из первых мероприятий нового нефтяного курса Великобритании в 1928–1929 гг. Нефтепромыслы Персии в целом обеспечивали потребности британского флота в жидком топливе, поэтому Уайтхолл выступил сторонником неспешной разработки иракской концессии. Кроме того, британская дипломатия

рассматривала иракские месторождения как ценный нефтяной резерв, который в случае необходимости мог быть использован как средство давления на иранского шаха, «если бы тот стал слишком смелым в своих притязаниях»[37].

Не менее значимым событием «Соглашение о красной черте» стало и во Франции. Участие в нефтяных предприятиях Ирака (а в перспективе — и всего Ближнего Востока) наравне с Великобританией и США позволяло Франции, практически лишенной собственных источников нефти, занять заметное место в кругу субъектов международной нефтяной дипломатии, давало ей определенные преимущества при решении вопросов мировой и региональной политики, создавало условия для освобождения своего нефтяного рынка от иностранной нефтяной зависимости. В этой связи французское правительство сочло необходимым внести серьезные коррективы во все звенья государственной нефтяной политики. Мероприятия разрабатывались также с учетом изменений в международной обстановке, а именно охлаждением в англо-французских отношениях и назревавшим конфликтом с Италией, которая приступила к активному военно-морскому строительству, создавая тем самым непосредственную угрозу колониальным владениям Франции в районе Средиземного моря.

Первым шагом на пути к урегулированию нефтеснабжения страны стал закон 1928 г., вводивший систему лицензирования для операций, связанных с импортом сырой нефти и нефтепродуктов. В нем отчетливо выступало усиление роли государства в нефтяных делах. Новый курс был нацелен на сокращение импорта готовых нефтепродуктов при увеличении объемов ввоза сырой нефти, привлечение иностранных инвестиций в строительство объектов нефтеперерабатывающей отрасли при одновременном вытеснении англо-американского капитала с ключевых позиций на нефтяном рынке страны. Надежным партнером в плане нефтеснабжения оставался СССР. В нефтяном импорте Франции советской нефти отводилось третье место (15 %) после американской (50 %) и персидской (16 %), и объемы этих поставок неуклонно возрастали[38]. Советско-французское нефтяное сотрудничество вызывало жесткое противодействие со стороны английских и американских трестов[39]. Развитие торговых отношений с СССР было экономически целесообразным и позволяло ослабить диктат иностранных монополий, но все же не давало Франции желанной нефтяной независимости.

Несмотря на проявленную правительством энергию, разведки на территории Франции и ее колоний на протяжении 1920-х годов, а затем 1930-х не дали ощутимых результатов, поэтому в центре внимания оставалась иракская нефть[40]. О том, какие надежды возлагались Парижем на нефтяную концессию в Ираке, можно судить по эмиссиям КФП. Ее первоначальный капитал составлял 25 млн. фр. Весной 1927 г., когда в Ираке начались изыскательные работы, он увеличился до 75 млн.; в феврале 1928 г., когда были проанализированы результаты разведочного бурения, — до 450 млн.; летом 1930 г., когда были определены сроки начала экспортных отгрузок иракской нефти, — до 600 млн. фр.[41] В 1929 г. по настоянию парламента в дополнение к базовому соглашению 1924 г. был разработан второй договор с КФП. Правительство приобрело четверть акций компании с перспективой их увеличения до 35% и 10%-ный холдинг в ее нефтеперерабатывающем филиале «Компани Франсез де Раффинаж»[42].

Стремление к сокращению ввоза готовых продуктов за счет увеличения переработки сырой нефти внутри страны вызвало к жизни несколько проектов постройки заводов с участием и французского, и иностранного капитала[43]. В стране также началось сооружение обширных резервуаров для хранения сырой нефти и мазута, чтобы обеспечить бесперебойную работу новейших крекинг-установок в случае войны. Необходимость постоянного пополнения запасов выдвигала проблему морского нефтетранспорта. Франция приступила к энергичному строительству своего нефтеналивного флота, как непосредственно принадлежавшего морскому ведомству, так и частного. Для этого правительство предоставляло судовладельцам льготные кредиты и использовало поставки, выполняемые Германией в счет репарационных платежей[44].

Таким образом, иракская нефть была ключевым звеном в процессе перехода Франции к самостоятельной нефтяной политике. Предполагалось, что в первые годы разработки иракской концессии на долю французской группы будет ежегодно приходиться до 900 тыс. т нефти, или около половины всего французского импорта сырой нефти, который в 1927 г. составил 2 млн. т. Поэтому Париж настаивал на максимальном увеличении добычи нефти в Ираке и организации ее экспорта в кратчайшие сроки[45].

Американские нефтяные компании, поставившие свои подписи под «Соглашением о красной черте», получили то, к чему

стремились изначально, а именно — точку опоры на Ближнем Востоке. Благодаря усилиям госдепартамента США американский капитал сумел потеснить британские позиции в этом регионе, хотя американцам пришлось пойти на значительные уступки и пока согласиться на роль «младшего партнера» Англии в ближневосточных делах[46]. В то же время «самоограничительная» политика ТПК позволяла участникам НИДК сохранить объемы своих нефтяных поставок в Европу и соответственно — свои прибыли. Этот вопрос был весьма актуален ввиду состояния мирового нефтяного рынка, который с 1927 г. вошел в полосу затяжного кризиса. Открытие новых месторождений в США и их немедленный ввод в эксплуатацию привели к перепроизводству сырой нефти и резкому падению цен на это сырье. Депрессия на внутреннем рынке США, который оказывал решающее влияние на образование мировых цен на нефть, вызвала сдвиг в общемировой нефтяной конъюнктуре. В сложившихся условиях американские владельцы ТПК считали весьма нерациональным затрачивать миллионы долларов, чтобы получить новый нефтедобывающий район. «В Месопотамии надлежит проводить политику постепенного, отнюдь не поспешного развития добычи», — открыто заявлял президент «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» У. Тигл[47].

Таким образом, в 1927—1928 гг. между британскими и американскими компаньонами наметилось сближение, в основе которого лежало стремление ограничить масштабы нефтяного производства в Ираке. Другой не менее важной причиной стало желание мировых трестов, входивших в состав ТПК, не допустить появления крупных партий иракской нефти на французском рынке с тем, чтобы затормозить переход Франции к самостоятельной нефтяной политике, а также совместными усилиями разрушить советско-французское нефтяное сотрудничество. Подписание «Соглашения о красной черте», которым завершился многолетний конфликт между ведущими компаниями Англии и США из-за мосульской нефти, способствовало формированию англо-американского нефтяного альянса и консолидации усилий его участников в деле проведения согласованной политики в мировых масштабах.

В августе 1928 г. в Шотландии состоялась встреча глав «Большой тройки» — Г. Детердинга, Дж. Кэдмана и У. Тигла[48]. Пресса не располагала сведениями о содержании переговоров. Исходя скорее из собственных логических конструкций, нежели из информации

довольно скупых на интервью «охотников на куропаток», обозреватели верно предположили, что основными проблемами, обсуждавшимися в Акнакарри, были картелирование нефтяной отрасли мировой экономики, регулирование нефтяного рынка и вопрос об отношении к советской нефти[49].

Действительно, 27 сентября 1928 г. участники встречи подписали секретный договор под названием «Объединенная ассоциация», впоследствии известный как Акнакаррийское соглашение. Суть его сводилась к мерам по осуществлению контроля над мировой нефтяной промышленностью, в том числе в области разведки и добычи нефти, ее переработки, транспортировки и сбыта. В основу соглашения легли «7 руководящих принципов», главным из которых был принцип прикрепления рынков сбыта к географически тяготеющим к ним нефтедобывающим районам. Он предусматривал обмен поставками нефти между участниками Международного нефтяного картеля (МНК) на основе сравнительно сложного метода. Прямые поставки с близлежащих промыслов позволяли снизить стоимость транспортировки, устранить встречные перевозки и ослабить тенденцию к постройке дублирующих объектов. Положение о соблюдении статуса-кво означало «сохранение за каждым членом картеля текущего объема деловых операций и их доли в удовлетворении любого увеличения спроса в будущем». Кроме того, были разработаны меры по предотвращению перепроизводства нефти, созданию объединенного фонда транспортных средств и т. д.[50]

Акнакаррийские принципы воплотились на рубеже 1920–1930-х годов в серии англо-американских коммерческих соглашений и комбинаций на европейских рынках, особенно в тех странах, где встал вопрос о введении государственной нефтяной монополии и ужесточении протекционистских мер (Франция, Германия, Италия, Австрия, Венгрия, Чехословакия и др.). Общность производственной политики мировых трестов стала доминировать при разработке их концессий в Мексике и Латинской Америке, а также в США, где группы «Стандард Ойл» и «Шелл» в равной степени были заинтересованы в нажиме на «независимых» и максимальном ограничении нефтедобычи в стране[51].

Хотя иракская нефть не являлась главным фактором при образовании МНК, вопрос о темпах и масштабах освоения нефтяных ресурсов Ирака решался англосаксонскими владельцами ТПК

в рамках их объединенной политики, которая была нацелена на стабилизацию нефтяного рынка путем задержки ввода в эксплуатацию новых нефтедобывающих районов. Эту позицию продемонстрировала речь президента ТПК и АПНК Дж. Кэдмана на ежегодном собрании Американского нефтяного института в декабре 1928 г. «Нефтяная промышленность осознала свою ответственность перед обществом, — сказал он. — Расточительное производство нефти равносильно краже достояния будущих поколений. Необходимо перейти от хищнических, варварских способов добычи нефти к осмысленным и здоровым, что сейчас имеет место в Ираке». Заключительная часть речи также была пронизана духом Акнакаррийского соглашения. Кэдман заявил, что «недра земли являются самым надежным нефтехранилищем», консервация месторождений приведет спрос и предложение в равновесие, а также предотвратит нефтяной кризис в будущем[52].

Однако ТПК не могла полностью законсервировать скважины в Ираке. Это вызвало бы протест со стороны французского правительства и Гульбенкяна, а также послужило бы Багдаду поводом для аннулирования концессии. Кроме того, без движения оставались капиталы, которые уже были вложены в геологоразведочные работы. Поэтому британские и американские директора настаивали на том, чтобы приоритетным в политике ТПК стал вопрос об изыскании экономически выгодного способа переброски ограниченных (до 4 млн. т в год) партий иракской нефти на мировые рынки.

В рамках Акнакаррийского соглашения была также пересмотрена производственная политика АПНК на севере Ирака, где владельцем концессии являлся ее филиал «Ханакин Ойл Компани» (ХОК). Изыскательные работы здесь начались еще в 1923 г. и сконцентрировались на ирако-персидской границе в местечках Нафт-Хана (45 км к юго-востоку от Ханакина) и Чиа-Сурх. На территории первого на глубине более 900 м вскоре были обнаружены крупные нефтеносные пласты[53]. Летом 1928 г. буровые операции были приостановлены. Для переработки добытой здесь нефти, объемы которой не превышали 80 тыс. т в год, в 1927 г. АПНК построила небольшой завод в г. Альванди в 32 милях от месторождения. Сырая нефть из Нафт-Хана транспортировалась на завод по нефтепроводу и продукты ее переработки поступали на потребительские рынки Центрального и Северного Ирака через распределительный аппарат ХОК по фиксированным низким ценам. Южные районы Ирака

продолжали снабжаться на тех же условиях продукцией Абаданских промыслов, поскольку в таком случае транспортные расходы компании были ниже, чем если бы нефть поставлялась из Ханакина.

Сложившаяся на «Переданных территориях» ситуация сразу же вызвала серьезные возражения со стороны иракских властей. АПНК апеллировала к условиям концессии[54] и утверждала, что двух действующих скважин в Нафт-Хана, мощность которых в любой момент могла быть увеличена, вполне достаточно для удовлетворения нефтяных потребностей Ирака. Компания также заявляла, что дальнейшее развитие промыслов целесообразно лишь при наличии нефтепровода к Средиземному морю, который позволил бы отгружать нефть на мировые рынки. Но концессия в Ханакине не предусматривала подобных обязательств со стороны АПНК[55].

Подписание «Соглашения о красной черте» и создание Международного нефтяного картеля были охарактеризованы зарубежной аналитической печатью как новый этап отношений между нефтяными монополиями, как процесс англо-американского нефтяного урегулирования и даже как «нефтяной мир»[56]. Но можно ли было на этом основании ожидать прекращения борьбы мировых трестов за сферы влияния? Долговечность, прочность и эффективность экономических соглашений определяется не только миролюбием сторон, его заключивших. Нефтяной сектор мировой экономики характеризуется чрезвычайной подвижностью и динамичностью всех его составляющих и в значительной степени зависит от международной обстановки. Поэтому можно сказать априори, что со временем под влиянием объективных факторов достигнутое равновесие будет нарушено.

С начала XX в. неотъемлемой чертой мировой нефтяной политики стало соперничество между ведущими трестами, в основе которого лежал исторический и сохранявшийся в конце 1920-х годов антагонизм между английским и американским капиталом. В силу этого группы «Стандард Ойл» и РДШ, вокруг которых концентрировались не принадлежавшие непосредственно к этим объединениям американские и английские компании, представляли собой своеобразные штабы, где непрерывно шла разработка стратегии, нацеленной на коммерческую экспансию и вытеснение конкурента с ключевых рынков сбыта. Напряженность в отношениях между нефтяными монополиями в определенной степени являлась и причиной, и результатом нараставших противоречий между

находившимся на подъеме империализмом США и закатным империализмом Британской империи.

В те периоды, когда экономические и политические силы мировых трестов находились в неком оптимальном соотношении, создавались предпосылки для равновесия, которое и фиксировалось в форме экономических соглашений. Но в силу природных, экономических, политических и иных факторов мощь английских и американских компаний росла в различном темпе, что создавало благоприятные условия для воспроизводства основных противоречий. Акнакаррийские договоренности в этом плане не были исключением.

Позиции американского нефтяного капитала на мировых рынках оставались вполне устойчивыми, но тревожные симптомы все же имелись. Нефтяной экспорт США удовлетворял 33,3 % мировых потребностей в 1925 г., 27,3 % — в 1930 г. и 17,5 % — в 1933 г. Это падение относительных показателей американского участия в мировой нефтеторговле в значительной степени объяснялось увеличением нефтепереработки в странах Европы, которые были основными потребителями экспортной продукции США, но со второй половины 1920-х годов стали отдавать предпочтение закупкам сырой нефти из Персии, СССР и Южной Америки[57].

В сфере нефтедобычи дело обстояло сложнее. Во-первых, характерное для мировой нефтепромышленности первой четверти XX в. лидерство двух стран (США и Россия) постепенно стало уступать место децентрализации мировой добычи с выделением четырех главных очагов — Североамериканского, Южноамериканского, Ближневосточного и Кавказского (СССР), а также нескольких производственных фокусов местного назначения (см. Приложение II, таблицы 1, 2)[58]. Во-вторых, хотя на США приходилась основная доля мировой нефтедобычи (68,2 % в 1928 г.), за пределами страны в 1922 г. американские компании контролировали 50,4 % производства сырой нефти, английский и голландский капитал — 31,4 %, в 1927 г. — соответственно 29,7 % и 39,7 %, в 1932 г. — 23 % и 38,4 % (см. Приложение II, таблица 3). При этом концентрация иностранных нефтяных источников в руках американских групп имела место в основном в Западном полушарии, в то время как англо-голландские конкуренты активизировались и в Западном, и в Восточном полушариях (см. Приложение II, таблица 4)[59]. Это свидетельствовало о том, что большая часть нефтяных резервов,

расположенных близ самых емких и развивающихся потребительских рынков, находилась вне американского контроля.

При своей внешней объективности базовый принцип снабжения каждого рынка из ближайшего производственного района, предложенный Детердингом, по сути, имел проанглийский характер. Его осуществление на практике действительно вело к внушительному сокращению транспортных расходов, что в свою очередь снижало себестоимость нефтепродуктов на многих рынках. Иное дело, в чью пользу предоставлялась эта экономия — потребителя или нефтяных компаний? И здесь возникал другой вопрос: почему в поисках экономии нужно ограничиться транспортными расходами, а не стремиться также к экономии за счет основных издержек производства, например, путем замены дорогой нефти более дешевой? Это предполагало бы перегруппировку в мировой нефтедобыче — увеличение производительности районов с дешевой нефтью и ее сокращение там, где нефть имела более высокую себестоимость[60]. Но «Большая тройка» не рассматривала подобные меры. Поэтому если принцип районирования действительно являлся экономически здравым, то выдвинут он был не только из-за его экономического содержания, ставшего скорее предлогом, а вследствие определенных тактических соображений, по которым он обеспечивал ряд преимуществ именно англо-голландскому капиталу.

Этот принцип позволял перевести Европу в основном на нефтеснабжение из Северной Америки и Венесуэлы при сокращении поставок из районов Индийского океана. «Шелл» и АПНК уже сделали первые шаги в этом направлении, что выразилось в снижении объемов переработки персидской нефти в Англии. В свою очередь для индийского, ближневосточного и средиземноморского рынков, а также частично для региона Дальнего Востока предусматривался отказ от продажи американских нефтепродуктов и замена их в основном азиатской нефтью, т. е. фактически продукцией АПНК и группы «Шелл».

Но этот наиболее, как казалось, простой метод был совершенно неприемлем для американских компаний. На азиатских рынках установление цен во многом зависело от соглашений между конкурентами, в то время как в Европе, где «независимые» играли весомую роль, нефтяные монополии являлись отнюдь не всемогущими в своей политике цен. Перераспределение рынков указанным образом позволило бы английским компаниям реализовать особенно

высокую прибыль на восточных рынках, не предоставляя столь же благоприятных условий «Стандард Ойл». Кроме того, осуществление принципа районирования таким путем отвечало бы и задачам британской внешней политики, поскольку пресекало американскую экспансию в Азии и, следовательно, облегчало сохранение британского влияния в этих странах. Американцам подобное районирование не давало никаких выгод, и при постановке в таком ключе вопроса о перераспределении рынков сбыта его провал был бы обеспечен.

Однако проект группы «Шелл» был направлен не только против американского нефтяного капитала, но и против советского нефтеэкспорта. Детердинг настаивал, чтобы советские нефтепродукты, которые компании группы «Стандард Ойл» закупали для индийского, египетского и других рынков, рассматривались как столь же неблагоприятствуемые, как и американские. При этом для указанных районов, а также для Европы СССР был ближайшей производственной базой. Это еще раз подтверждает, что главная цель Детердинга не сводилась исключительно к вопросам экономии.

Намечался и другой путь, при котором задачей ставилось районирование не реализации, а только снабжения. При этом «Стандард Ойл» и «Шелл» сохраняли свои позиции на рынках в неизменном виде или с некоторыми поправками, но без коренной ломки существовавшего положения. На практике это выражалось в том, что «Стандард Ойл» на азиатских рынках стал бы продавать английские нефтепродукты, которые он мог получать с производственных баз РДШ и АПНК, а английские компании стали бы продавать в Европе американский товар, который в значительной доле был стандардовским. В этом случае экономия на фрахте сохранялась, и вместе с тем различные условия реализации на европейских и азиатских рынках не отражались односторонне на интересах «Стандард Ойл». В таком виде районирование мирового нефтеснабжения уже представлялось более реальным и также в целом соответствовало курсу британской внешней политики[61].

В то же время вопрос о сферах влияния на потребительских рынках Восточного полушария оставался открытым. Вряд ли в этих условиях можно говорить о намечавшемся «нефтяном мире», скорее это был переход на новый этап борьбы, гарантировавший всем ее участникам короткое перемирие. В этой связи особое

значение приобретал процесс картелирования в рамках национальных нефтяных групп. В английском лагере это прежде всего выражалось в дальнейшем сближении между трестом РДШ и АПНК. Его первым результатом стали решения 1928 г. о сокращении переработки персидской нефти в Англии и форсировании сбыта персидских нефтепродуктов на азиатских рынках через торговый аппарат группы «Шелл». В октябре 1928 г. ведущими английскими нефтяными компаниями были проведены финансовые перегруппировки, общей целью которых также была консолидация сил[62].

В американском лагере имели место аналогичные процессы. В ноябре 1928 г. по инициативе «Стандард оф Нью-Джерси» был создан экспортный картель в составе 15 крупных нефтяных компаний для активизации экспорта и превращения его в регулирующий фактор в области установления цен на внутреннем рынке США[63]. Иностранная печать считала, что образование этого картеля есть акт самозащиты не столько от неблагоприятной конъюнктуры, сколько от тех атак, которые американский капитал ожидал со стороны английского объединения. Дальнейшее картелирование в нефтяной отрасли США привело к слиянию «Стандард оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл». Помимо рационализации и удешевления управленческого аппарата, в качестве его официальной причины упоминалась жесткая конкуренция со стороны английских соперников. Заграничные операции обеих стандардовских групп в основном были связаны с азиатскими рынками, где англо-американский нефтяной антагонизм был более стойким, нежели в других районах[64].

Эти процессы свидетельствовали о том, что ни английские, ни американские компании не считали «нефтяной мир» окончательно установленным, несмотря на достигнутые в Акнакарри договоренности. Важной составляющей во взаимоотношениях между ними был также вопрос о советской нефти. К 1928 г. СССР восстановил предвоенный уровень нефтяного производства царской России. При этом советская нефтяная промышленность осталась в стороне от всех попыток ограничения мировой добычи нефти, так как экономическая политика страны диктовала необходимость форсирования нефтедобычи и экспорта, который являлся крупнейшим источником твердой валюты. «Если до последнего времени на мировом рынке нефти господствовали три фирмы — “Стандард”, “Шелл” и АПНК, то теперь это время безвозвратно прошло, — рассуждал

французский журнал «Ле Курье де Петроль» в передовице от 17 ноября 1928 г. — Советская нефть своими выступлениями сводит на нет соглашения этих групп. Вполне естественно, что они стремятся к сотрудничеству для того, чтобы общими силами бороться с советской нефтью»[65].

Английские и американские монополии, возможно, могли бы успешно противостоять советской конкуренции, если бы они сохраняли единство, но именно его и не было. В то время как Детердинг в соответствии с британской политикой антибольшевистского фронта пытался осуществить план всеобщего бойкота советской нефти, группа «Стандард Ойл» развивала противоположную идею о заключении соглашения с Нефтесиндикатом, чтобы постепенно направить советскую нефтеторговлю по каналам своего распределительного аппарата[66]. По сути, это были разные методы решения одной проблемы: либо путем торгово-политической изоляции принудить советскую нефтепромышленность к капитуляции, либо коммерчески связать и включить ее в качестве неравноправного партнера в нефтяную политику мировых трестов.

Американские поставки советского керосина в Индию привели к «войне цен» между «Стандард оф Нью-Йорк» и РДШ, что вызвало резкое падение доходов обеих групп[67]. Этот конфликт показал, что контроль над нефтяными источниками не гарантирует победы над конкурентом. Поэтому соперничество за контроль над нефтяными месторождениями стало перерастать в борьбу за контроль над рынками сбыта. Менялись и методы этой борьбы. Конкуренция в ценах дополнилась строительством разветвленной торгово-сбытовой системы, скупкой фирм, которые могли продавать советские нефтепродукты, захватом участков для сооружения нефтяных объектов, централизацией в сфере транспортировки. Эти меры требовали крупных вложений капиталов, которыми соперники, в том числе и СССР, не располагали в необходимых объемах.

Нефтяная война 1927–1928 гг. закончилась поражением треста РДШ. В феврале 1929 г. было подписано англо-советское нефтяное соглашение[68]. Суть его сводилась к признанию советской нефти де-юре, что кардинально меняло расстановку сил на нефтяном фронте. Допуск на английский рынок советской продукции, часть которой проходила через распределительный аппарат «Стандард Ойл», фактически трактовал в желательном для американцев духе и вопрос о ее допуске на восточные и средиземноморские рынки.

«Моральный» бойкот советской нефти, от которого в конечном итоге отказались в Англии, не мог уже в дальнейшем поддерживаться в других районах[69]. Это свидетельствовало о том, что англо-американский и англо-советский антагонизм продолжал существовать и развиваться.

В то же время англо-американское политическое сближение не могло не оказать влияния на взаимоотношения между нефтяными трестами обеих стран. В свою очередь, урегулирование разногласий между последними на почве общей проблемы — перепроизводства — стало одной из предпосылок активизации контактов между правительствами США и Великобританией в конце 1920-х годов. При этом наметившееся англо-американское политическое сотрудничество также было связано с англо-французским отчуждением. Во внешней же политике Франции экономические, прежде всего нефтяные, интересы играли далеко не последнюю роль.

В 1929 г. в отечественной и зарубежной печати появились сведения о содержании протестов, заявленных Парижем Лондону и Вашингтону. В них указывалось, что расширяющиеся контакты между нефтяными компаниями Англии и США равносильны образованию англо-американского нефтяного блока, совместная политика которого оказывает самое неблагоприятное для Франции влияние на решение вопроса о начале и темпах разработки Мосульского района. Аналитики считали, что это вынуждало французское правительство к поиску союзников, способных противостоять давлению мировых трестов. В числе таких потенциальных партнеров Париж видел Германию, Италию и Испанию (которые, как и Франция, апробировали различные методы достижения нефтяной независимости), а также СССР[70].

«Мы надеялись, что “Соглашение о красной черте” станет началом нефтяного мира, но это была лишь первая стадия настоящей борьбы», — так охарактеризовал новый расклад сил в ТПК президент КФП Э. Мерсье в своем отчете для французского парламента. Он также отмечал, что у иракской концессии изначально был политический контекст, в связи с чем неустойчивая система компромиссов, заложенная в уставе ТПК, усугублялась влиянием политических факторов, а именно активным вмешательством британского и французского правительств[71]. Если в коммерческом плане задача АПНК, РДШ и НИДК заключалась в образовании общего фронта против Франции, которая стремилась к скорейшей

разработке иракской нефти, то с точки зрения международных отношений ситуация оказывалась намного сложнее: воздействие «высокой» политики должно было ослабить антифранцузский блок англосаксонского капитала даже в случае, если бы он не имел никаких внутренних изъянов.

Таким образом, к концу 1920-х годов в мировой нефтяной политике наметился ряд новых тенденций. К их числу следует отнести концентрацию сил нефтяных монополий Великобритании и США путем объединения своих филиалов и их слияния с крупными независимыми и полузависимыми компаниями в ходе поиска «организованного» выхода из кризиса. Хотя соглашения между английскими и американскими группами в отдельных районах имели место (Ирак, Мексика, страны Латинской Америки, ряд потребительских рынков Европы), они не разрешили принципиальных исторических противоречий. База этих разногласий не сужалась, а скорее расширялась и отражала характер отношений между западными державами, поскольку политика мировых трестов была тесно связана с внешней политикой последних.

«Соглашение о красной черте» в целом завершило длительную борьбу за контроль над иракской нефтью между ведущими нефтяными компаниями и поддерживавшими их правительствами Великобритании, Франции и США. Оно послужило первым шагом к урегулированию англо-американских нефтяных противоречий в значительной степени за счет нефтяных интересов Франции и оформлению картельных связей между нефтяными монополиями Великобритании, Голландии и США. Вместе с тем подписание этого соглашения не привело к установлению прочного «нефтяного мира» ни между великими державами, ни между трестами. Оно скорее свидетельствовало об установлении относительного, кратковременного равновесия политических сил на Ближнем Востоке.

Картельные соглашения 1928 г. наносили удар по интересам поставленных в положение аутсайдеров некоторых финансово-промышленных групп США, Великобритании и Франции, а также оставляли за бортом растущие нефтяные потребности Германии и Италии. Поэтому 1928 год можно считать началом очередного этапа борьбы за нефть Ирака и других арабских стран. Теперь она развернулась не только между крупнейшими нефтяными компаниями, вошедшими в ТПК и МНК, но также между последними и компаниями-аутсайдерами, независимыми и действовавшими

при поддержке своих правительств, которые стремились проникнуть на Ближний Восток в обход «красной черты».

---

1 Convention between France and the Compagnie Francaise des Petroles, 17 May 1924 // The Middle East and North Africa in World Politics: A Documentary Record. Vol. 2 / Ed. by J. Hurewitz. New Haven, 1979. С. 425–428.

2 В состав НИДК вошли: «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Стандард Ойл оф Нью-Йорк», «Тексас Ойл», «Мексикэн Петролеум», «Галф Рифайнинг», «Атлантик Рифайнинг», «Синклер Ойл Корпорейшн».

3 АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 46–47, 53; там же. Д. 15. Л. 1–2.

4 Нефтеносный район Ханакина на турецко-персидской границе был включен в персидскую концессию д'Арси 1901 г. В ходе демаркации границ между Османской империей и Персией эта территория вошла в состав Мосульского вилайета. По условиям Пограничного протокола от 4–7 ноября 1913 г. османские власти признали нефтяные права АПНК на «Переданных территориях». Договор с правительством Ирака от 30 августа 1925 г. и дополнительное соглашение от 24 мая 1926 г. окончательно оформили концессионные права компании на этот район.

5 В научной литературе это условие фигурирует как «национальный», «британский» или «контрольный пункт». Он предусматривал, что компания, претендующая на получение эксклюзивных прав, вне зависимости от ее состава должна быть и оставаться британской — зарегистрированной в Англии или Британской империи. Председателем правления и исполнительным директором должны быть только подданные Его Величества. Ни компания, ни права и привилегии, полученные ею, не должны были прямо или косвенно контролироваться иностранным капиталом.

6 Agreement between the Iraqi Government and Turkish Petroleum Company, Ltd. of 14 March 1925 // Special Report on the Progress of Iraq During the Period 1920–1931. L., 1931. — Appendix L(1). С. 305–315.

7 *Al-Qaysi H.* An Economic Appraisal of Iraq Petroleum Concessions. A Comparative Study. Ph.D thesis, Columbia University. 1966. С. 187–190; *Mikdashi Z.* A Financial Analysis of Middle Eastern Oil Concessions: 1901–1965. N.Y., 1966. С. 67–71; *Stocking G.* Middle East Oil. A Study in Political and Economic Controversy. Nasville, 1970. С. 124–125.

8 Цит. по: *Hewins R.* Mr. Five Per Cent: The Biography of Caloust Gulbenkian. L., 1957. С. 135–136.

9 Так, например, в 1920 г. Геологическое бюро США опубликовало данные о нефтяных запасах страны, из которых следовало, что при современном уровне потребления американцам хватит собственных нефтяных ресурсов на 18 лет, в то время как остальной мир столкнется с про-

блемой нефтяного «голода» лишь через 250 лет. Глава Геологического бюро видел решение проблемы в установлении американского контроля над нефтяными районами мира, среди которых Месопотамия упоминалась как самый перспективный (*Уайт Д.* Будущее нашего нефтеснабжения // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 1–4. С. 232–234; *Уайт Д.* Мировые запасы нефти // Там же. 1923. № 1. С. 35–41). На протяжении XX в. тезис об угрозе истощения нефтяных ресурсов еще неоднократно поднимался во внешнеполитических доктринах стран Запада. Однако реалии развития нефтяной отрасли — обнаружение нефтяных структур на территориях, не признававшихся ранее нефтеносными, эксплуатация более глубоких горизонтов, эффект которой равносилен новым открытиям, внедрение новейших технологий в процесс добычи, переработки и транспортировки нефти, а также усовершенствование двигателей с целью более экономного использования топлива и снижения потребности в сырой нефти и т. д. — каждый раз опровергали пессимистические прогнозы.

10 *Lens S.* The Forging of the American Empire. N.Y., 1974. С. 217–235; *Fanning L.* American Oil Operations Abroad. N.Y., 1947. С. 3–10*; Kokxhoorn N.* Oil and Politics: The Domestic Roots of US Expansion in the Middle East. Frankfurt/Main, 1977. С. 33–44; *Bryson Th.* American Diplomatic Relations with the Middle East 1784–1975. Metuchen, 1977. С. 97–109.

11 Цит. по: *Randall S.* United States Foreign Oil Policy, 1919–1948. Kingston, 1985. С. 37–38.

12 Американские партнеры не стали возражать против внесения в текст концессионного соглашения оговорок, которые позволяли ТПК сохранить контроль над процессом выдачи лицензий. Так, конкурс на приобретение участков во «внешних» районах должен был осуществляться путем предоставления запечатанных предложений, а не путем открытых торгов. Как правительственный агент ТПК оставила за собой право рекламировать участки, вскрывать предложения и выносить решения по ним в присутствии полномочного представителя правительства Ирака. При этом компании было разрешено участвовать в тендере (ст. 6). Указанные изменения обеспечили ТПК право налагать вето на любое предложение и возможность перехватить инициативу у любого покупателя без затрат для себя, так как поступления от продаж возвращались ей как главному концессионеру.

13 *DeNovo J.* On the Sidelines: the US and the Middle East between the Wars // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., 1988. С. 232; *Schulzinger R.* American Diplomacy in the Twentieth Century. N.Y., 1994. С. 128.

14 Report on Administration of Iraq for the Year 1927. L., 1928. С. 37; Petroleum Times. 29 July 1928. С. 580–581.

15 Frontier Treaty: The United Kingdom and Iraq with Turkey, 5 June 1926 // The Middle East and North Africa in World Politics. С. 372–374. В дополнительном соглашении, подписанном в тот же день, указывалось, что если Турция в течение 12 месяцев пожелает заменить упомянутую долю доходов от иракской нефти на единовременную выплату, то Ирак не позднее чем через 30 дней после получения соответствующего официального запроса передаст ей сумму в 500 тыс. ф. ст. Турецкое правительство от предложенной капитализации отказалось. Анкарский договор был ратифицирован 18 июля 1926 г.

16 Формально первым операционным годом ТПК считается 1926 г., но поскольку вопрос об ирако-турецкой границе разрешился поздно — через 14 месяцев после оформления нефтяной концессии, этот год, как и первый квартал 1927 г., рассматривался как подготовительный период (Special Report. С. 219; АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 199).

17 Special Report. С. 219; *Hewins.* Op. cit. С. 138; Международный нефтяной картель. М., 1954. С. 89.

18 Примитивная кустарная добыча и переработка нефти в этих районах велась уже с древнейших времен, о чем неоднократно упоминали античные и средневековые авторы. В годы османского владычества здесь собирали нефть в незначительных количествах и переправляли ее в кожаных резервуарах на вьючных животных в Киркук, Мендели, Туз-Хурматли, Хит и Рамади на примитивные перерабатывающие предприятия. Смолянистая нефть широко использовалась местным населением в бытовых нуждах. Первые буровые работы относятся к периоду 1916–1918 гг., когда в Мосул была направлена группа германских геологов с заданием организовать снабжение турецкой армии жидким топливом и попутно изучить геологию страны. Работы немцев сконцентрировались в районе Гайяры, где их внимание привлекло большое асфальтовое озеро, свидетельствовавшее о наличии битумов. Закладка 5 скважин подтвердила наличие нефтяных структур на глубине 40 м. Перемена военной обстановки в 1918 г. прервала работу германской экспедиции. Турецкие, а затем иракские власти получали доход с мест просачивания нефти на поверхность и неглубоких колодцев не путем взимания налогов с добытого количества нефти, а время от времени передавая с торгов право на их эксплуатацию. В 1924–1926 гг. этот источник дохода в бюджете Ирака не превышал 60–65 тыс. рупий (20–22 тыс. долл.). — АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 68–69, 196, 200–202; РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 42–44; *Шульце Э.* Борьба за персидско-месопотамскую нефть. М., 1924. Гл. 1; *Клингшпор В.* Месопотамские месторождения // Нефтяное хозяйство. 1926. № 2. С. 296–298.

19 К концу 1927 г. ТПК построила в Ираке 470 км шоссейных дорог, 141 км водопроводных и канализационных сооружений, проложила 195 км телефонных линий. Личный штат компании к этому времени состав-

лял 1644 чел., из них 76 европейцев, 51 американец, 1222 иракцев, 199 персов, 96 индийцев. По условиям концессии компания отдавала предпочтение местным кадрам. — Report on Administration of Iraq for the Year 1928. L., 1929. С. 114–115.

20 Special Report. С. 220; Petroleum Times. 29 Sept. 1928. С. 580; Нефтяное хозяйство. 1928. № 6. С. 852; № 8. С. 268; там же. 1929. № 5. С. 765–766.

21 Высота фонтана достигала 25 м; по утверждениям очевидцев, его можно было наблюдать в радиусе 20 км. Это был первый случай в истории нефтедобычи, когда пришлось погасить огни, чтобы предотвратить взрыв. Нефть вырывалась из скважины с невероятной по тем временам скоростью 60–95 тыс. барр. в сутки (7–12,5 тыс. т) и залила все окрестности, образовав большое нефтяное озеро. Ситуацию усугубляла разыгравшаяся песчаная буря: ветер еще больше разжигал пламя и разносил клубы черного дыма, нефтяные испарения и ядовитый газ заволокли местность в радиусе 16 км. Кроме того, начинался сезон осенних дождей и велика была опасность, что нефтяные потоки смешаются с водными и устремятся в Тигр; это привело бы к катастрофическим последствиям. «Впервые со времен Навуходоносора поблекли даже “вечные огни”. Песок, газ, порывистый ветер и рев фонтанирующей нефти — все это могло стать прекрасным пейзажем, если бы не требовалось колоссальное напряжение человеческих сил, — вспоминал генеральный менеджер ТПК Г. Булл. — В газовых масках и в касках, с которых капала нефть, в пропитанной нефтью одежде буровики лихорадочно работали, по 2–3 раза в день теряли сознание из-за отравления газом, но снова и снова возвращались в строй». Лишь через 8 дней нефтяной фонтан удалось заглушить, при этом погибли 3 американских инженера и 2 иракских рабочих. Подробнее см.: *Longhurst H.* Adventure in Oil. The Story of British Petroleum. L., 1959. С. 87–91; *Mosley L.* Power Play. L., 1973. С. 66–71.

22 Petroleum Times. 14 July. С. 82; 29 Sept. С. 581. 1928; The Near East and India. 25 Nov. С. 535–536, 597. 1927.

23 Report on Administration of Iraq for the Year 1928. С. 28; В дальнейшем ежегодная продукция завода не превышала 38 тыс. т нефти в год и в полном объеме предназначалась лишь для обеспечения операций ТПК (Special Report. С. 220).

24 Нефтяное хозяйство. 1929. № 5. С. 765–766; *Корсун Н.* Арабский Восток. Ирак. М., 1928. С. 204.

25 Negotiations between Iraqi Government and TPC: Memorandum by FO, 11 Feb. 1932 // PRO. FO 371/16042, E697/250/93; Special Report. С. 222.

26 Цит. по: *Hewins.* Op. cit. С. 136.

27 Ibid. С. 136–137; Международный нефтяной картель. С. 77–81; *Randall.* Op. cit. С. 40. По мнению европейских акционеров, эта уступка их ни

к чему не обязывала: аутсайдеры, в том числе и американцы, не могли конкурировать с ТПК в Ираке, поскольку компания имела возможность перехватить на торгах «внешние участки» у «неугодного» покупателя без затрат для себя.

28 Международный нефтяной картель. С. 81–82.

29 К моменту подписания «Соглашения о красной черте» держателями акций АПНК были: английское правительство (66 %), «Бирма Ойл Компани» (22 %) и другие британские частные фирмы (12 %). Капитал РДШ распределялся между голландской «Ройял Датч» (60 %) и британской «Шелл Транспорт энд Трейдинг Компани» (40 %). Французское правительство в 1929 г. приобрело четверть акций КФП, а затем в 1931 г. увеличило ее до 35 % при 40 % контроля в Совете директоров. Из 7 американских нефтяных компаний, которые в 1921 г. объединились в корпорацию НИДК, в 1928 г. осталось лишь 5: «Стандард оф Нью-Джерси», «Стандард оф Нью-Йорк», «Галф Рифайнинг», «Атлантик Рифайнинг» и «Пан-Американ Петролеум энд Транспорт Компани», которая заняла место «Мексикэн Петролеум» в феврале 1927 г. В 1930 г. «Вакуум Ойл Компани» и «Стандард оф Нью-Джерси» скупили акции НИДК, принадлежавшие «Пан-Американ» и «Атлантик Рифайнинг». В 1931 г. «Стандард оф Нью-Йорк» объединилась с «Вакуум Ойл» и была переименована в «Сокони-Вакуум Ойл Компани». В итоге к концу 1931 г. акциями ТПК через НИДК владели 3 американские компании: «Стандард оф Нью-Джерси», «Сокони-Вакуум» (по 9,8958 % в ТПК и по 41,6667 % в НИДК) и «Галф Ойл» (3,9584 % в ТПК и 16,6666 % в НИДК). Косвенное участие НИДК в ТПК составляло 2 % за счет того, что «Стандард оф Нью-Джерси» через свои филиалы владела 9 % акций «Компани Франсез де Петроль». В 1934 г. «Галф Ойл» продала свою долю оставшимся двум компаниям, которые в дальнейшем и представляли американские нефтяные интересы в Ираке (Международный нефтяной картель. С. 72–73).

30 Президентом ТПК стал Джон Кэдман, который также возглавлял АПНК. Правительство Ирака решило, что его интересы в правлении компании будет представлять глава иракской дипломатической миссии в Англии. В 1927 г. на этот пост был назначен М. Пачачи, бывший премьер-министр Ирака, подписавший в 1925 г. концессионный договор с ТПК.

31 В тот же день, 31 июля 1928 г., КФП подписала сепаратное соглашение с Гульбенкяном, в соответствии с которым обязалась покупать принадлежавшую ему в ТПК долю сырой нефти или очищенных нефтепродуктов (Agreement between La Compagnie Francaise des Petroles and Participation and Investment and C.S. Gulbenkian, 31 July 1928 // PRO. POWE 33/1709); По соглашению с АПНК, РДШ и НИДК от 4 марта 1929 г. французская группа должна была продавать каждому из своих

англосаксонских партнеров по 25% сырой нефти и нефтепродуктов, получаемых ею у Гульбенкяна. Кроме того, без письменного согласия трех групп КФП не могла заключать соглашение с Гульбенкяном о постройке нефтеперерабатывающих предприятий. В течение некоторого времени это соглашение хранилось втайне от Гульбенкяна (Международный нефтяной картель. С. 83).

32 The Group (Red Line) Agreement of the Turkish Petroleum Company, 31 July 1928 // The Middle East and North Africa in World Politics. С. 401–411.

33 Цит. по: *Hewins*. Op. cit. С. 141.

34 *Blair J*. The Control of Oil. N.Y., 1976. С. 141; *Penrose E*. The Large International Firms in Developing Countries. L., 1968. С. 57–58; *Miller A.D*. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980. С. 12, 220; *Stocking*. Op. cit. С. 126–128; *Kokxhoorn*. Op. cit. С. 46–49, 51–53.

35 Cadman to Board of IPC, 22 April 1931 // PRO. CO 730/160/8, file 88001, part 3.

36 Memorandum by PD, 11 Aug. 1933 // Ibid. FO 371/17831, E4540/487/25; Oil Board: Tenth Annual Report, 14 Dec. 1935 // Ibid. FO 371/18925, E7269/9269/65; Petroleum Times. 11 Aug. С. 239. 1928.

37 *Dann U*. British Persian Gulf Concepts in the Light of Emerging Nationalism in the Late 1920-s // The Great Powers in the Middle East. С. 55–56; Petroleum Times. 5 Jan. С. 31; 19 Jan. С. 89–93; 2 Feb. С. 171; 16 Feb. С. 307–310; 20 July. С. 135; 10 Aug. С. 241–242; 7 Sept. С. 434. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 10. С. 606; № 11–12. С. 788–790; там же. 1930. № 3. С. 493–494; № 5. С. 860.

38 Новое распределение сил на нефтяном рынке Франции выглядело следующим образом. На первом месте остался американский капитал (около 29% участия) в лице группы «Стандард» и филиалов таких крупных корпораций, как «Синклер Ойл», «Галф Ойл» и «Атлантик Рифайнинг». Далее следовал британский капитал — группа «Шелл» и АПНК (менее 25%), а затем французские фирмы, ввозившие в том числе советскую нефть (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 20–22; Petroleum Times. 25 Aug. С. 349–350. 1928; Ibid. 2 Feb. С. 188, 199; 9 Feb. С. 249–250; 30 March. С. 554; 13 April. С. 663; 18 May. С. 899. 1929; Нефтяное хозяйство. 1928. № 7. С. 105–107; там же. 1929. № 1. С. 125–127; № 2. С. 294; № 3. С. 460; № 7. С. 125–126; № 8. С. 277).

39 В 1920-е гг. Г. Детердинг, глава треста РДШ, который потерял свои вложения в нефтяную промышленность России после ее национализации в 1918 г., развернул масштабную антисоветскую кампанию, обвинив СССР в продаже «краденой» нефти, а французов — в пособничестве. Позицию правящих кругов Франции в данном вопросе иллюстрирует стенограмма заседания парламентской нефтяной комиссии от 7 марта

1928 г. Парламентарии потребовали от правительства гарантий, что в случае, «если Советы предложат сырую нефть для урегулирования долгов, она будет переработана на заводах Франции». Министр торговли и промышленности Бокановский заявил, что страна уже является одним из наиболее крупных покупателей советской нефти, и произнес фразу, ставшую впоследствии расхожей: «Для нас нефть не пахнет!» Солидарный с ним Шарль Барон продолжил: «Может быть, именно советская нефть поможет нам освободиться от экономических тисков Англии и Америки». Относительно вопроса о законных владельцах Бакинских промыслов позиция французского парламента была обозначена в речи Ш. Барона: «СССР был бы вправе ответить, что «краденая нефть» составляет не более 2% суммарной советской добычи. Даже став на точку зрения Детердинга, необходимо было бы констатировать, что когда покупается 100 тонн советской нефти для французского флота, ибо, к счастью, морское министерство продолжает покупать советское нефтетопливо для судов, то в них имеется 98 тонн из советских скважин и 2 тонны «краденой» нефти... Нельзя допустить, чтобы это послужило препятствием к установлению сотрудничества с великой страной, сбросившей свои цепи» (Из официальной стенограммы парламентской нефтяной комиссии // Нефтяное хозяйство. 1929. № 1. С. 130–131). О советско-французском нефтяном сотрудничестве также см.: Petroleum Times. 6 Oct. С. 619; 13 Oct. С. 668; 17 Nov. С. 911–912; 10 Nov. С. 859–960; 24 Nov. С. 953. 1928; Ibid. 2 March. С. 370; 13 July. С. 81; 11 Dec. С. 1108. 1929.

40 Petroleum Times. 15 Dec. С. 1087–1088; 29 Dec. С. 1167. 1928; Ibid. 5 Jan. С. 23; 11 May. С. 869. 1929.

41 Ibid. 30 March. С. 567; 27 April. С. 755; 20 July. С. 121–122. 1929; Нефтяное хозяйство. 1928. № 8. С. 267–268; там же. 1929. № 5.С. 766; там же. 1931. № 10–11. С. 297.

42 Law Ratifying the Convention between France and the Compagnie Francaise des Petroles, 25 July 1931 // The Middle East and North Africa in World Politics. С. 425–431; Petroleum Times. 23 Feb. С. 345; 2 March. С. 387; 11 May. С. 860; 25 May. С. 945. 1929. КФП, кроме того, отказывалась от розничной продажи нефтепродуктов и обязывалась сдавать их другим фирмам, которые, в свою очередь, должны были приобретать у нее не менее 25% всего реализуемого ими количества нефтепродуктов. Позиция парламента в данном вопросе свидетельствовала о стремлении оградить интересы французской нефтяной промышленности как от давления иностранного капитала, так и от чрезмерного нажима государства на частный капитал.

43 Из наиболее крупных следует отметить два современных завода (близ Марселя и на нижнем течении Сены) общей пропускной способностью 1,5 млн. т в год. Они сооружались с участием правительства через

КФП, оборудовались крекинг-установками и были ориентированы на переработку исключительно иракской нефти. Программа строительства КФП превосходила по своим масштабам все заводские проекты остальных французских компаний вместе взятых. Строительство двух других нефтеперерабатывающих комплексов взял на себя американский капитал в лице группы «Стандард Ойл». Правительство обязало компании, строившие новые заводы, заказывать 80% необходимого оборудования французским фирмам (Petroleum Times. 1 Sept. C. 385; 22 Sept. C. 511; 27 Oct. C. 763. 1928; Ibid. 11 May. C. 850. 1929; Нефтяное хозяйство. 1930. № 3. С. 495).

44 Petroleum Times. 8 Sept. C. 431; 17 Nov. C. 911–912. 1928; Ibid. 5 Jan. C. 24; 13 April. C. 663; 15 May. C. 945; 10 Oct. C. 273. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 9. С. 434; там же. 1931. № 10–11. С. 297–298.

45 Petroleum Times. 9 Feb. C. 249–250; 20 April. C. 713; 18 May. C. 899; 20 July. C. 103–104. 1929; Нефтяное хозяйство. 1928. № 8. С. 267–268; там же. 1929. № 5. С. 766.

46 *Rubin B.* America as a Junior Partner: Anglo-American Relations in the Middle East, 1919–1939 // The Great Powers in the Middle East. C. 239–245; *Baram Ph.* The Department of States in the Middle East 1919–1945. Philadelphia, 1978. C. 49–53; *Iriye A.* The Cambridge History of American Foreign Relations. Vol. 3. N.Y., 1993. C. 96; Encyclopedia of US Foreign Relations. Vol. 3. N.Y., 1997. C. 305.

47 Цит. по: Нефтяное хозяйство. 1928. № 10. С. 560.

48 «Большая тройка» — РДШ, АПНК и «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» — лидеры мировой нефтяной промышленности. Встреча проходила в Акнакарри, фамильном замке Детердинга. Стремясь сохранить максимальную секретность, участники встречи прибыли в Шотландию тайно, что, впрочем, не ускользнуло от внимательного взгляда журналистов, которым в конечном итоге Детердинг был вынужден дать объяснения, заявив, что пригласил гостей поохотиться на куропаток в окрестных угодьях.

49 Petroleum Times. 15 Sept. C. 452; 22 Sept. C. 509; 29 Sept. C. 541–543; 6 Oct. C. 600. 1928; Ibid. 27 April. C. 744. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 1. С. 121; № 4. С. 594.

50 Международный нефтяной картель. С. 243–256.

51 Подробнее см.: там же. Гл. VIII.

52 Petroleum Times. 15 Dec. C. 1083–1084. 1928. С аналогичными публичными заявлениями выступили также Детердинг, Тигл и руководители группы «Шелл» (Ibid. C. 1089–1094; 6 Oct. C. 60; 10 Nov. C. 829–834, 839–840; Ibid. 2 March. C. 383–384; 27 April. C. 749–750; 22 June. C. 1106–1112, 1132; 29 June. 1149–1151, 1171–1172; 20 July. C. 131. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 2. С. 254–256).

53 Результаты бурения в Чиа-Сурх оказались не столь успешны; лишь в 1931 г. здесь были обнаружены месторождения промышленного масштаба и намечен план их разработки. К 1931 г. ХОК на своей концессионной территории пробурила около 40 тыс. футов (13 км), причем 75% объема буровых работ было выполнено в период 1925–1928 гг.

54 Концессионеру вменялось в обязанность построить завод для переработки добытой нефти в количествах, достаточных для удовлетворения потребностей Ирака в нефтепродуктах. При этом цены подлежали согласованию с иракским правительством и должны были быть ниже мировых. В пользу правительства Ирака устанавливались фиксированные долевые отчисления в размере 4 шиллинга (золотом) с каждой добытой тонны нефти.

55 Special Report. С. 222–223; Report on Administration of Iraq for the Year 1928. С. 112–115; Report on Administration of Iraq for the Year 1929. L., 1930. С. 115–116; Report on Administration of Iraq for the Year 1930. L., 1931. С. 100–101; Report on Administration of Iraq for the Year 1931. L., 1932. С. 59–60; Economic Conditions in Iraq 1933–1935. L., 1935. С. 21.

56 Petroleum Times. 11 Aug. С. 239, 245–246. 1928; Ibid. 2 March. С. 383–384; 11 May. С. 847–948. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 4. С. 594.

57 В 1929 г. доля Европы составляла 62,5% американского экспорта горючего, 43% керосина, 63,6% смазочных масел и 22,5% мазута. О тенденции к снижению роли США в нефтеснабжении Европы свидетельствуют следующие цифры. Во Франции на долю американской продукции приходилось 80% в 1918 г., 66% — в 1926 г., 56% — в 1927 г. и чуть более 50% — в 1928 г. Не менее внушительное падение имело место в Англии — до 35% в 1928 г. против 68% в 1913 г. Аналогичное понижение наблюдалось также на германском, итальянском и скандинавских рынках, правда, в меньшей степени. При этом доля советской нефти, например, во Франции составляла в 1925 г. только 4,5%, а в 1928 г. — свыше 11%, в Германии за те же годы — 5,5% и 17%, в Англии — 4,5% и 7%, в Италии — 13,5% и около 18%. По темпам увеличения удельного веса нефтяного импорта в этих странах СССР безусловно оставлял за собой всех прочих экспортеров, повышая вместе с тем с каждым годом свои абсолютные показатели (*Kokxhoorn*. Op. cit. С. 44–45; Нефтяное хозяйство. 1929. № 10. С. 609).

58 Как видно из приведенных таблиц, исключительно быстро выдвигался Южноамериканский район, где прирост добычи за 5 лет составил 373,1%, хотя динамика роста имела несколько затухающий характер. Следующее место по темпам роста занимал СССР: здесь он составил около 77%, участие же в мировой добыче повысилось с 5% до 6,5%. Увеличение добычи на Ближнем и Среднем Востоке шло медленно и за пятилетие составило 30%. Крупные нефтепромыслы имелись только в Южной Персии, где АПНК была монополистом. К концу 1920-х гг.

ближневосточный регион в целом продолжал играть роль резерва на будущее.

59 Так, например, в 1928 г. в Западном полушарии помимо США (в основном в Мексике и Венесуэле) американские компании контролировали 60,5% нефтедобычи, англо-голландские — 35,8%. На европейском континенте лидирующие позиции оставались за СССР — 68,6%, американские группы имели 2,7%, англо-голландские — 8,7%, национальные фирмы европейских стран — 20%. На Ближнем и Среднем Востоке 100% нефтедобычи находилось в руках АПНК и РДШ; в странах Индийского океана (Голландская Ост-Индия, Бирма и др.) — 91%, у американских конкурентов — 3,5%.

60 Полностью сокращать добычу даже дорогой нефти нельзя, потому что в промыслы уже вложены капиталы. Но если последовательно стремиться к экономии, то, не прекращая добычи нефти с высокими издержками, можно было постановить, чтобы увеличение добычи в меру возраставших потребностей производилось лишь за счет районов с более дешевой нефтью.

61 Petroleum Times. 16 Feb. C. 302; 23 Feb. C. 344; 6 April. C. 609–610; 16 Nov. C. 943–944; 9 Dec. C. 920. 1929.

62 Группа английских компаний — АПНК, «Шелл» и «Бирма Ойл» — провела ряд финансовых комбинаций с целью заинтересовать акционеров одной фирмы в операциях другой и тем самым внести некоторое единство в их нефтяную политику. Так, например, на паритетных началах АПНК и «Эйшиэтик Компани», филиалом РДШ было организовано нефтяное общество «Консолидейтед Петролеум» с районом деятельности в Западной и Южной Африке, Египте, Судане, Сирии, Палестине и некоторых странах Ближнего Востока. В последующем сращивание английских компаний усилилось при явном участии и поддержке английского правительства, что привело к образованию ими единой группы, в которой «Бирма Ойл» и АПНК получили 21% акций, «Шелл» — 33%, голландские акционеры РДШ — 46%. При этом зарубежная печать единодушно утверждала, что у этой группы боевой задачей, наряду с регулированием добычи, стабилизацией цен, рационализацией и расширением сбыта, стала борьба с советской нефтью (Petroleum Times. 2 March. C. 367–368; 16 March. C. 155. 1929; The Near East and India. 13 June 1929. C. 755; Нефтяное хозяйство. 1929. № 1. С. 121).

63 В этот картель вошли и независимые американские фирмы («Галф Ойл Корпорейшн», «Тексас Ойл»), и стандардовские компании, в том числе недавние непримиримые враги РДШ — «Стандард оф Нью-Йорк» и «Вакуум Ойл».

64 Petroleum Times. 17 Nov. C. 888; 1 Dec. C. 971–972. 1928; Ibid. 26 Jan. C. 131; 7 Sept. C. 460. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 1. С. 120–121; там же. 1930. № 5. С. 860.

65 Цит. по: Нефтяное хозяйство. 1929. №1. С. 120. О возрастании роли советского экспорта в формировании конъюнктуры мирового рынка нефти свидетельствует тот факт, что ведущее аналитическое издание мира, английский еженедельник «Петролеум Таймс», в каждом номере публиковал развернутые статьи, посвященные различным аспектам развития нефтяной промышленности СССР.

66 В этой связи следует отметить, что применявшийся Дж. Рокфеллером, основателем группы «Стандард Ойл», метод трестирования нефтяных предприятий заключался в захвате прежде всего сбыта нефтепродуктов, затем — в установлении косвенного контроля над их распределением, далее постепенно поглощалась переработка и, наконец, добыча нефти.

67 На европейских рынках советская нефть не была предметом раздора между «Стандард Ойл» и группой «Шелл», поскольку интересы обоих трестов в данном вопросе совпадали и сводились к защите своей монополии от конкуренции советского нефтеэкспорта (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 45–48).

68 Переговоры между компанией «Англо-Америкэн Ойл» (английский филиал «Стандард оф Нью-Джерси»), действовавшей по поручению английского «Комбайна» (совместное предприятие АПНК и группы «Шелл»), с одной стороны, и РОП'ом, представителем Нефтесиндиката СССР, — с другой, завершились разрывом в сентябре 1928 г. Его формальным поводом стало требование «Комбайна» об отчислении с советских поставок нефти 5% в пользу бывших собственников Бакинских и Грозненских промыслов. В январе 1929 г. переговоры возобновились и завершились 28 февраля подписанием соглашения о поставках 1 млн. т советских нефтепродуктов в Англию. При этом «Комбайн» отказался от принципа 5%-ной компенсации.

69 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 18; Petroleum Times. 27 Oct. C. 266. 1928; Ibid. 12 Jan. C. 79; 30 March. C. 566; 27 April. C. 744; 18 May. C. 877–879. 1929.

70 Petroleum Times. 15 Sept. C. 475; 27 Oct. C. 763; 8 Dec. C. 1041. 1928; Ibid. 12 Jan. C. 70; 27 April. C. 744; 9 Dec. C. 920. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. №9. С. 433.

71 Mercier's Report, Feb., 1931 // PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

ГЛАВА 2

КОНЦЕССИЯ ТПК В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ, 1928–1929 гг.

Первым конкурентом ТПК стала нефтяная компания «Бритиш Ойл Девелопмент» (БОД), в состав ее акционеров вошли влиятельные представители Лондонского Сити, чьи интересы были проигнорированы при создании ТПК. Компанию представлял отставной адмирал В. Вемисс, который прибыл в Ирак в мае 1928 г.[1] БОД желала выбрать 24 участка в Киркуке из числа тех, что будут предложены ТПК и иракскими властями для сдачи в субаренду. В случае успешного прохождения тендера компания обещала Багдаду заем в размере 2 млн. ф. ст. и финансовую помощь в строительстве железной дороги к Средиземному морю[2].

В ноябре 1928 г. истекало время отсрочки, предоставленной ТПК на выбор участков, по второму запросу компании решение пока принято не было. С одной стороны, очередная задержка разработки уже открытых месторождений не отвечала интересам иракского правительства, которое рассчитывало, что нефтедобывающая отрасль станет залогом экономического процветания страны. С другой стороны, финансовая состоятельность, лидерство на мировом рынке нефти и многонациональный характер ТПК обеспечивали ей преимущественные позиции по сравнению с потенциальными конкурентами, гарантировали сбыт иракской нефтяной продукции и дипломатическую помощь Багдаду в случае необходимости[3]. Еще один важный фактор скрывался в сфере «высокой» политики. В своем стремлении к независимости Ирак был бессилен перед нежеланием Англии пойти на компромисс. В период с осени 1927 г. до осени 1929 г. главным камнем преткновения во взаимоотношениях между иракским и британским правительствами был вопрос

обороны. Лондон не мог позволить Ираку защищать себя самостоятельно и поставить под угрозу британские стратегические позиции в регионе. В конечном итоге иракские власти решили использовать нефтяной фактор и попытались надавить на Англию, столкнув ТПК с БОД[4].

Король Фейсал открыто демонстрировал БОД свою благосклонность, в то время как иракский кабинет, предварительно отклонив несколько контрпредложений ТПК, потребовал твердых гарантий постройки железной дороги на Хайфу в обмен на 5-летнюю отсрочку первой субаренды. Тем самым БОД лишалась своего главного преимущества при переговорах, а Багдад получал дополнительную возможность сооружения железной дороги за счет ТПК и повод для отказа аутсайдеру[5].

В связи с появлением конкурента британские группы ТПК поставили вопрос о целесообразности изъятия из договора 1925 г. принципа «открытых дверей» и выступили с инициативой «просить правительство Ирака изменить условия концессии, аннулировав обязательство о предложении «внешних участков» для аукциона с тем, чтобы эти участки могли быть твердо включены в единую иракскую концессию»[6]. Американские партнеры поддержали англичан, французские директора первоначально заняли нейтральную позицию[7].

31 июля 1928 г., в день подписания «Соглашения о красной черте», правление ТПК известило иракский кабинет о своей готовности построить железную дорогу Багдад — Хайфа без финансового участия Ирака в обмен на дополнительные концессии и/или изменение условий действующего договора. В связи с проведением исследовательских работ по определению трассы нефтепровода и железной дороги компания просила отложить первый аукцион на 2 года. В случае, если иракское правительство согласится на ревизию концессии, такая отсрочка должна составить 5 лет[8].

Багдад опасался «нездоровой» конкуренции в бурении и того, что соперничающие компании быстро и за сравнительно короткий период исчерпают месторождение Баба-Гургур, возможно единственное на территории страны. Ирак мог получить крупную сумму долевых отчислений, но избыточное предложение иракской продукции на рынке привело бы к снижению мировых цен на сырую нефть. Поэтому иракские министры признавали, что систематическая разработка одной нефтяной структуры одним концессионером

позволит стране получать фиксированный доход с экспорта нефти и предотвратит преждевременное истощение нефтяных ресурсов[9]. Лондон полностью разделял опасения Багдада[10].

Вместе с тем иракские власти хотели сдать в аренду другие потенциальные нефтеносные районы, расположенные за пределами Киркука. Но это было возможно лишь путем изменения договора с ТПК, на что последняя, в свою очередь, не согласилась бы без значительной компенсации. Кроме того, обязанность придерживаться принципа «открытых дверей» ограничивало свободу действий Багдада при выборе концессионера и определении условий его работы. Прежнее концессионное соглашение, таким образом, не устраивало ни ТПК, ни иракское правительство, желание пересмотреть рамки сотрудничества также было обоюдным, хотя и по разным причинам.

В ноябре 1928 г. Багдад информировал ТПК о предоставлении ей второй отсрочки на 1 год. Заявка, сделанная компанией в июле, обсуждалась до конца года; затем последовал правительственный кризис, и новый кабинет вернулся к этому вопросу лишь весной 1929 г. В письме премьер-министра Ирака на имя Кэдмана от 17 мая указывалось, что предварительным условием ревизии концессии 1925 г. должна стать помощь ТПК на лондонском рынке долгосрочных капиталов, где Багдад собирался получить заем в 1 млн. ф. ст. под гарантии будущих доходов с экспорта нефти. Правление компании отклонило это предложение[11].

Все это время БОД продолжала ходатайствовать о получении нефтяной концессии. В декабре 1928 г. она сменила тактику и заявила о незаконности отсрочки аукциона «внешних участков», а также потребовала его проведения в марте 1929 г. в соответствии со сроками, предусмотренными концессией ТПК, но иракское правительство отказалось обсуждать этот вопрос[12].

В январе 1929 г. внимание правящих кругов Ирака привлек частный визит Чарльза Крейна, американского нефтяного магната, ранее уже имевшего отношение к иракской нефтяной проблеме[13]. Хотя Крейн «не демонстрировал желания вкладывать свою энергию и средства в улучшение экономики и финансов Ирака», он «был восторженно встречен местными националистами»[14]. Появление в Багдаде столь известной в нефтяных кругах персоны, как Крейн, свидетельствовало о наличии вполне определенного интереса к Ираку со стороны американских компаний-аутсайдеров,

не вошедших в ТПК. Это способствовало активной деятельности и ТПК, и БОД.

8 апреля 1929 г. Рауф аль-Чадарчи, уполномоченный БОД в Багдаде, направил письменное представление премьер-министру и министру коммуникаций Ирака. В нем указывалось, что ТПК не выполнила концессионные обязательства, нарушив срок выбора своих 24 участков, поэтому договор 1925 г. потерял законную силу. «От имени БОД имею честь передать иракскому правительству заявку на получение нефтяных прав в районах, которые входили в истекшую концессию ТПК», — писал Чадарчи. В своих следующих письмах от 18 мая, 1 и 4 июня он продолжал настаивать на аннулировании соглашения с ТПК и требовал обсудить «предложения, сделанные лордом Вемиссом в декабре 1928 г.». Намекая на отвергнутый проект строительства железной дороги, Чадарчи отмечал: «Я уверен, иракское правительство хотело использовать наши инициативы, чтобы добиться уступок от другой компании, и не соблюдало наши права». В кратких и лаконичных ответах министра коммуникаций от 5 мая и 3 июня говорилось, что кабинет «не может рассматривать заявку на районы, которые включены в действующую концессию ТПК»[15].

Ввиду отказа иракских властей сесть за стол переговоров, БОД решила придать конфликту международный характер. В петиции на имя Генерального секретаря Лиги Наций от 27 мая 1929 г. компания заявляла, что в Ираке преднамеренно задерживается разработка уже открытых уникальных месторождений нефти. БОД требовала признать недействительными нефтяные права ТПК ввиду невыполнения последней условий концессии, настаивала на незаконности отсрочки торгов на «внешние участки» и сообщала о нежелании Багдада вести переговоры с фирмами, которые готовы к взаимовыгодному сотрудничеству. «Правительство Ирака весьма благосклонно отнеслось к предложениям БОД, — говорилось в петиции. — Но кабинет подвергся жесткому прессингу, чтобы дать следующую 5-летнюю отсрочку ТПК без утверждения ее в парламенте». В заключительной части своего письма БОД выражала протест против нарушения принципа «открытых дверей» на мандатных территориях и призывала Лигу Наций «предотвратить установление монополии в деле развития важных природных ресурсов Ирака»[16]. 3 и 6 июня секретариат Лиги Наций известил британское правительство и БОД о том, что петиция принята к рассмотрению и будет

обсуждаться в ноябре на сессии Постоянной мандатной комиссии (ПМК). Державе-мандатарию вменялось в обязанность предоставить в Женеву ответ на указанный протест в течение 6 месяцев[17].

«БОД подала петицию в Лигу Наций. Это означает, что компания потеряла надежду решить вопрос своими силами, — отмечалось на заседании британского министерства по делам колоний 5 июня. — Действия БОД направлены на то, чтобы мы открыто встали на сторону ТПК или же в конечном итоге поддержали БОД. Время для этого демарша выбрано крайне неудачное, именно сейчас мы пытаемся занять позицию полного нейтралитета в отношениях между ТПК и иракским правительством»[18]. Участники совещания согласились в том, что британское правительство должно оказать максимальную поддержку ТПК, сохраняя при этом видимость свободы действий Багдада и непричастности Уайтхолла к нефтяным делам в Ираке. Следовало представить дело так, «будто выдача новой концессии приостановлена по инициативе иракских властей до разрешения всех разногласий с ТПК, а затем потребовать от Постоянной мандатной комиссии утвердить легитимность подобных действий»[19].

Юристы министерства попытались обосновать законность концессии ТПК. Они утверждали, что, во-первых, в соответствии с конституцией Ирака правительство может пересматривать отдельные положения концессионных соглашений без санкции парламента в случае, если их срок превышает 3 года. Во-вторых, отсрочка тендера была вызвана форс-мажорными обстоятельствами (статья 39 договора ТПК), а именно длительным процессом урегулирования мосульского конфликта. В результате компания не могла провести разведочное бурение в приграничных районах, а затем была вынуждена форсированными темпами проводить исследовательские операции, чтобы уложиться в сроки, прописанные в соглашении. В-третьих, вместо того чтобы начать освоение уже открытых месторождений и приступить к изучению трассы нефтепровода, ТПК, выполняя свои обязательства, тестировала разрозненные участки на обширных территориях. В итоге на повестку дня вставал весьма спорный вопрос о том, что в большей степени задерживает развитие нефтяной отрасли Ирака — политика «открытых дверей», зафиксированная в концессии 1925 г. в виде системы участков, или очередная отсрочка, о которой ходатайствует ТПК.

Эксперты предлагали и другую тактику защиты прав ТПК — свести проблему к процедурным аспектам дела и по возможности отложить его рассмотрение в Женеве. В этом с ними были солидарны коллеги из Форин Оффис: «Петиция БОД поставила перед Лигой Наций вопрос, который не имеет прецедентов — протест компании державы-мандатария против действий подмандатного правительства, находящегося под контролем державы-мандатария. Это нечто новое в практике мандатной системы»[20]. В данном контексте можно было представить проблему как конфликт между двумя британскими субъектами, который в рамках традиционной юридической практики следовало разрешать в британском суде, а не на международном уровне. Если же ПМК признает, что у БОД имеются основания для апелляции к мировому сообществу, единственное, в чем полномочна комиссия — это дать свое заключение Совету Лиги, который будет принимать решение с учетом мнения трех сторон — БОД, британского правительства и ПМК. Но тут Лига снова сталкивалась бы с прецедентом, поскольку только британское правительство могло представлять интересы своей компании, т. е. Лондон должен был выступить в качестве и истца, и ответчика. Аналогичная ситуация складывалась и в случае, если бы БОД подала жалобу в Гаагский международный суд.

Отложить обсуждение петиции БОД в Женеве не представляло особых трудностей. Англия должна была предоставить ответ в течение 6 месяцев, т. е. до 6 декабря 1929 г. К этому времени осенняя сессия ПМК уже завершила бы свою работу, и в соответствии с процедурой дело переносилось на летнюю сессию 1930 г. Указанная линия легла в основу действий британского правительства в Лиге Наций в вопросах, связанных с нефтяной политикой державы-мандатария в Ираке[21].

Между тем Багдад уведомил правление «Ирак Петролеум Компани»[22] о своей готовности начать переговоры: «Премьер-министр и другие члены кабинета высказались за удовлетворение всех требований ИПК, так как Ирак действительно ожидает от этой фирмы разработки его нефтяных ресурсов. Если ИПК пожелает изменить или уточнить соглашение о концессии, в особенности статьи 5 и 6, то правительство Ирака будет радо обсудить с ИПК любые соображения, имеющиеся у нее в этой связи»[23].

В конце июля 1929 г. в Лондоне состоялась встреча главы иракской дипломатической миссии Дж. аль-Азхари и Кэдмана. ИПК

предлагала сократить территорию своей концессии до 12 % (10 тыс. кв. миль) и полностью изъять из нового договора статьи, связанные с проведением политики «открытых дверей», т. е. аннулировать систему участков. Оставшиеся 88 % площади концессии 1925 г. возвращались бы в распоряжение иракского правительства, которое могло сдать их в аренду любому претенденту на свое усмотрение. При этом ИПК оставляла за собой право выбрать в состав новой концессии лучшие, с ее точки зрения, участки в качестве компенсации за уже затраченные на исследовательские работы 3 млн. ф. ст. Кэдман отмечал, что пока сложно с точностью утверждать, какие именно земли являются лучшими, ими вполне могли оказаться те, что вернутся под контроль иракских властей[24]. По сути, ИПК претендовала на эксклюзивные права в перспективных нефтеносных районах Ирака, куда уже не было бы доступа аутсайдерам (см. Приложение I, карта 3).

Уайтхолл одобрил инициативу ИПК, поскольку она логично вписывалась в новую стратегию Великобритании в отношении Ирака. Со второй половины 1920-х годов Лондон, исходя из соображений стратегического и тактического порядка, изучал возможности изменения формы политического контроля над страной. Ввиду подъема антибританских настроений на арабских территориях у Англии возрастали издержки военного, финансового и морального характера. Волну национализма не смогла сбить даже замена первоначального прямого административного контроля на косвенные формы управления. И хотя мандатная администрация в целом убедилась в лояльности иракских властей, нельзя было отрицать тот факт, что национализм превалировал даже среди этого прозападного доминирующего меньшинства, выросшего под сенью британской опеки. Слово «мандат» стало чрезвычайно непопулярным на Ближнем Востоке и ассоциировалось со словами «колония» и «протекторат»[25].

Отмена мандатного режима позволяла Англии сократить колониальные расходы и стабилизировать положение в Ираке без ущерба для своих стратегических и экономических позиций. Правовые положения мандатной системы, кроме того, регламентировали британскую нефтяную политику, обязывая державу-опекуна соблюдать принцип «открытых дверей» и допускать иностранный капитал к экономическим ресурсам подконтрольного государства. Столкнувшись со стесняющими условиями мандата, Уайтхолл

предпринял шаги, чтобы предотвратить проникновение конкурентов в сферу жизненных интересов Британской империи[26].

Лондон заявил о своем намерении пересмотреть формальную сторону отношений с Ираком и отменить мандат при подписании англо-иракского союзного договора 1926 г. Через год Англия подтвердила свое намерение в письменном виде. К концу лета 1929 г. британское правительство планировало официально известить Багдад о своей готовности поддержать кандидатуру Ирака в Лиге Наций в обмен на новый союзный договор. Даже по признанию английской печати, он предусматривал определенное ущемление интересов Ирака, а также прочно гарантировал британские позиции в военной и экономической сферах[27]. Пересмотр концессии 1925 г. в плане расширения нефтяных прав ИПК органично вписывался в общие усилия британской дипломатии изъять политику «открытых дверей» из международных обязательств Ирака, который, получив формальную независимость, де-факто оставался бы под британским контролем. Поэтому Уайтхолл увязывал сроки отмены мандатного режима с уступчивостью иракских властей в нефтяных вопросах.

В связи с начавшимися переговорами Багдад запросил мнения Лондона о том, следует ли задержать подписание нового соглашения с ИПК до того, как ПМК примет решение по петиции БОД. Иракские политики не исключали вероятность того, что на Даунинг-стрит ведут двойную игру и БОД действует по указанию Уайтхолла, который таким путем пытается установить британскую монополию в нефтяной отрасли страны. Министры считали, что Ирак уже выполнил свои международные обязательства в отношении политики «открытых дверей», когда предоставил нефтяные права многонациональной ТПК. Поэтому теперь, по их мнению, пересмотр концессии 1925 г. являлся делом двусторонних консультаций между иракским правительством и ИПК, и третья сторона — БОД или Лига Наций — была неполномочна контролировать и оценивать их результаты[28].

Ответ на запрос Багдада был составлен в ходе межведомственных совещаний с участием представителей Форин Оффис, министерства по делам колоний и нефтяного департамента. Суть его сводилась к тому, что следует форсировать ревизию концессии ИПК, не дожидаясь решения ПМК по петиции БОД. «С политической точки зрения очень важно, чтобы ИПК расширила свои нефтяные

права в Ираке», — отмечал Форин Оффис и заявлял, что для иракских властей это была бы «вполне продуманная и выгодная сделка», которая, кроме того, создавала видимость более широких возможностей для проведения политики «открытых дверей» на оставшихся территориях[29]. Британская дипломатия, со своей стороны, выражала готовность предотвратить упреки в адрес Багдада или ИПК в дискриминации прав других претендентов на иракскую нефть[30].

Предложения ИПК обсуждались 6 октября на заседании совета министров Ирака, который принял решение отказать компании в очередной отсрочке, обязать ее сделать выбор своих участков и подать письменное ходатайство о проведении переговоров по пересмотру концессии. 24 октября ИПК изложила свои инициативы в представлении на имя министра коммуникаций Ирака. В ответном письме от 25 октября указывалось, что компании следует уточнить, какие именно территории она хотела бы получить в состав своей новой концессии, а также конкретизировать размер ренты и будущих отчислений с экспорта нефти. Кроме того, ИПК не упомянула о строительстве железной дороги и обязательстве снабжать внутренний рынок страны нефтепродуктами по заниженным ценам.

Комментируя ответ иракского правительства, Кэдман сообщил британскому министру по делам колоний, что возражения Багдада непринципиальны, компания пойдет на уступки и новый договор будет подписан в ближайшее время. Стремясь сохранить свой легальный статус и соблюсти все формальности, 28 ноября, в последний день отсрочки, ИПК известила иракские власти о том, что выбрала для себя 24 участка[31]. 30 декабря 1929 г. компания представила свои новые предложения в форме проекта соглашения, который был передан в Багдад, а также правительствам Англии и Франции для уточнения и одобрения[32].

В связи с пересмотром концессии ИПК на Даунинг-стрит ожидали политических осложнений. Прежде всего просчитывалась реакция США и Франции. «Сейчас нет причин ожидать американских протестов в случае изъятия принципа “открытых дверей” из концессионных обязательств ИПК, — полагали в министерстве по делам колоний. — Для Вашингтона принцип “открытых дверей” — это всего лишь цена, которую заплатили европейские группы, чтобы купить отказ американцев от оппозиции против предоставления эксклюзивных нефтяных прав в Ираке». Американский

капитал получил равную с европейскими фирмами долю участия в ИПК, поэтому, по мнению британских аналитиков, госдепартамент США скорее воздержится от вмешательства в процесс модификации условий концессии, которая фактически должна расширить права компании и закрепить ее позиции в нефтяной отрасли Ирака[33].

Столь оптимистичная оценка возможных ответных действий со стороны Белого дома была вполне обоснованной. После напряженного конфликта из-за иракской нефти, завершившегося допуском группы американских нефтяных компаний в ИПК, британские внешнеполитические ведомства стремились уклониться от вовлечения в «борьбу за нефть» с США и предпочитали не испытывать на прочность англо-американские отношения. Аналогичной политики придерживался и госдепартамент США[34]. Результатом взаимного желания Лондона и Вашингтона избежать конфронтации стало согласие Уайтхолла допустить в британскую сферу влияния (на Бахрейн) американскую компанию «Стандард Ойл оф Калифорния» (СОКАЛ), которая не входила в состав НИДК и ИПК[35]. Это решение было принято после длительных дискуссий на Даунинг-стрит в начале марта 1929 г. и на три недели опередило официальные запросы американского МИДа, которые, в свою очередь, имели скорее формальный характер и разительно отличались от открытого дипломатического прессинга 1920–1921 гг. по поводу Ирака[36]. Среди многих причин, которыми была мотивирована уступчивость Англии в этом вопросе, следует отметить ее ставку на то, что американская концессия на Бахрейне приведет к политической поддержке США британской политики на Ближнем Востоке[37].

Серьезные проблемы могло создать французское правительство, и в этом вопросе выделялось два аспекта. Во-первых, соглашение Сан-Ремо 1920 г. гарантировало Франции 25% участия в разработке месопотамской нефти. В ходе дальнейшей англо-французской дипломатической переписки стороны уточнили, что речь шла о вилайетах Мосул и Багдад. Однако некоторые французские политики трактовали договоренности в Сан-Ремо как доступ Франции к нефтяным месторождениям всего Ирака. При любом раскладе Париж мог воспротивиться пересмотру территории концессии ИПК или потребовать гарантированного допуска КФП на освободившиеся районы. Но в рамках политики «открытых дверей»

иракское правительство должно было объявить тендер, обеспечить всем претендентам равные условия конкуренции и сделать выбор в пользу тех нефтяных компаний, которые предложат наиболее выгодные для Ирака условия. После серии консультаций между министерством по делам колоний, Форин Оффис и нефтяным департаментом была выработана принципиальная позиция Лондона в отношении возможных французских протестов: британское правительство выполнило свои обязательства перед Францией, когда допустило полуправительственную КФП в состав ТПК с долей акций, равной холдингу английских, голландских и американских групп[38].

Вторая проблема также была связана с выполнением Англией обязательств по соглашению Сан-Ремо и касалась маршрута будущего нефтепровода. В обмен на участие в ТПК правительство Франции выражало готовность обеспечить благоприятные условия для прокладки двух нефтепроводов, сопровождаемых железными дорогами, через французские мандатные территории для транспортировки нефти из Месопотамии и Персии к портам на восточном побережье Средиземного моря. Фактически в соглашении 1920 г. речь шла о создании англо-французской «нефтяной Антанты», которая закрывала американскому капиталу путь на Ближний Восток, поэтому Лондон и Париж шли на взаимные уступки. К концу 1920-х годов международные реалии изменились, изменилось и британское видение региональных проблем.

На завершающей стадии эпохи мандата роль хашимитского Ирака как государства, способного активно влиять на политические настроения арабов, существенно возросла. Внешняя политика молодого государства выстраивалась в соответствии с имперскими планами Великобритании на Ближнем Востоке, суть которых сводилась к установлению контроля над обходными путями в Индию — территориями от побережья Леванта до Персидского залива. В основу региональной политики Ирака англичане положили принципы двух главных идеологических направлений общественно-политической мысли Ближнего Востока — панарабизма и местного (иракского) национализма. Предоставляя Ираку независимость, Англия выдвигала его на роль лидера в решении стратегических задач общеарабского масштаба, где первостепенное значение имела проблема освобождения подмандатных территорий и их дальнейшее объединение с Ираком в единую федерацию. Первым

шагом к гегемонии Ирака на территории «Благодатного полумесяца» должно было стать восстановление правления Хашимитов в Дамаске[39].

Главным противником этой схемы являлась Франция, которая не собиралась уступать своих позиций в Леванте и настаивала на беспрекословном выполнении всех послевоенных договоренностей, прежде всего соглашения Сан-Ремо, гарантировавшего выход иракской нефти по двум нефтепроводам в сирийском порту. Но у англичан имелись серьезные основания опасаться, что французы попытаются использовать контроль над средиземноморским терминалом для расширения своей сферы влияния. Кроме того, нефтеснабжение британского военно-морского флота не должно было зависеть от Франции и Сирии. Поэтому к концу 1920-х годов Уайтхолл предпочитал, чтобы ИПК строила только один нефтепровод и выбрала обходное направление через Трансиорданию и Палестину в порт Хайфа. Предполагалось, что нефтепровод также окажет стимулирующее воздействие на реализацию железнодорожного проекта Багдад — Хайфа, который представлял исключительную значимость для укрепления британских стратегических позиций на Ближнем Востоке[40].

Первая исследовательская партия ИПК изучала будущую трассу по двум направлениям — на Александретту* и Триполи (Ливан). Экспедицию возглавлял британский инженер Хэй, в ее состав также входили французские и американские специалисты. Маршрут на Александретту был отвергнут практически сразу ввиду того, что нефтепровод прошел бы слишком близко от турецко-сирийской границы и мог оказаться под угрозой в случае вооруженного конфликта. Весной 1928 г., через несколько недель после начала работы, Хэя срочно вызвали в Палестину, где он получил инструкции Верховного комиссара приступить к исследованию трассы на Хайфу. Вскоре Хэй скоропостижно скончался, и во главе партии встал британский офицер Холт. В конце года он представил правлению ИПК отчет, в котором утверждал, что направление на Хайфу является более целесообразным. Французский инженер Коттин от своего имени составил противоположный отчет в пользу маршрута на Триполи как самого экономичного, безопасного и короткого[41].

---

* Французское название древнего турецкого города Искандеруна.

Летом 1928 г. британская мандатная администрация от имени палестинских властей объявила тендер на оборудование гавани в Хайфе, а английский парламент, со своей стороны, санкционировал предоставление займа в размере 4,5 млн. ф. ст. на реализацию этого проекта. В ноябре было отобрано 11 английских фирм, заявки других иностранных компаний были отклонены. Это вызвало волну протестов со стороны правительств США, Италии и Франции, которые утверждали, что методы проведения конкурса противоречили духу мандата и принципу «открытых дверей». Париж вполне обоснованно считал, что речь идет о строительстве английской военно-морской базы у границ французской сферы влияния. По сведениям американских и итальянских дипломатов, Франция готова была снять свои возражения, если реализуется проект сооружения нефтепровода из Ирака к сирийскому порту на побережье Средиземного моря[42].

Имея мандат на Сирию, Франция, естественно, настаивала на сирийском направлении. Помимо стимулирующего воздействия на местную торговлю, доставка нефти на сирийское или ливанское побережье имела особое военно-стратегическое значение. Даже если бы Англия во время войны сохраняла благожелательный нейтралитет, Франция не имела бы в Хайфе, находившейся под британским контролем, такой свободы действий для организации погрузки нефти на свои танкеры, какую она имела бы в сирийском порту. В этой связи следует отметить, что вопрос о том, какая из двух гаваней — Хайфа или Триполи — более удобна для размещения морского терминала, являлся спорным. Ветра, господствовавшие в Триполи, создавали трудности для нефтеналивных судов на причале; условия якорной стоянки в Хайфе также были достаточно сложными[43].

В данной ситуации британская дипломатия делала ставку на иракское правительство, позиция которого подавалась как решающая при определении трассы нефтепровода. Лондон ссылался на англо-французскую переписку (16 ноября 1928 г. — 29 апреля 1929 г.), в ходе которой стороны, уточняя взаимные обязательства по нефтяному соглашению Сан-Ремо, договорились воздерживаться от вмешательства в отношения между ИПК и правительством Ирака, чтобы исключить влияние политических факторов на решение вопросов, связанных с разработкой иракской концессии. Уайтхолл трактовал данные обещания как признание за иракскими

властями права самостоятельно расставлять приоритеты в своей нефтяной политике[44].

Желания Франции и Ирака в определенной степени совпадали: обе страны хотели, чтобы нефть стала поступать в средиземноморский порт как можно скорее. Но в вопросе о том, какой это должен быть порт — сирийский или палестинский, — их позиции кардинально расходились. Багдад, заручившись поддержкой Лондона, энергично защищал маршрут на Хайфу[45]. Иракское правительство руководствовалось различными мотивами и прежде всего настаивало, чтобы нефтепровод обязательно сопровождался железной дорогой[46]. Магистраль Багдад — Хайфа обеспечила бы Ираку значительную долю прибыли от транзитной перевозки европейских и американских товаров в Персию, которые пока поставлялись окружным путем через Красное море и Персидский залив в Басру, а затем по железной дороге через Багдад в Ханакин. Такая экономия вместе с ускорением доставки привлекала бы товары в Хайфу и сохраняла за Ираком доход от транзита, оставляя персидским линиям перевозку грузов из Индии и Дальнего Востока.

Ирак также надеялся, что железная дорога и нефтепровод на Хайфу, построенные международной компанией, гарантируют ему свободный выход к Средиземному морю. Между Евфратом и Иорданом трасса должна была пройти по почти необитаемой пустыне, и без железной дороги постройка и эксплуатация нефтепровода представлялась весьма затруднительной. Багдад утверждал, что в этих районах вероятность нападения бедуинов на строительные бригады ИПК была невелика: помня об угрозе бомбардировок с воздуха, местные племена не рискнули бы далеко уходить от своих баз[47]. Иными словами, настаивая на хайфском направлении нефтепровода, Ирак надеялся получить железную дорогу к Средиземному морю, которая целиком пролегала по британским мандатным территориям и сооружалась за счет ИПК.

В случае прокладки нефтепровода по северному маршруту с конечным пунктом в Триполи или Александретте железная дорога Багдад — Хайфа не имела бы столь важного значения, т. к. трасса, проходя по пустыне, не отстояла более чем на 100 миль от действовавших сирийских линий Алеппо — Насибин и Алеппо — Хомс. Более того, весной 1929 г. в Сирии началось строительство железной дороги Хомс — Дэйр-эз-Зор. Париж заявил, что намерен создать транспортную систему, которая соединила бы Триполи

с Мосулом и Северной Персией через Пальмиру, Дэйр-эз-Зор и Абу-Кемаль (см. Приложение I, карта 4). В Лондоне считали, что это решение было ответом французского правительства на вмешательство Уайтхолла в переговоры между Ираком и ИПК с целью обязать компанию строить нефтепровод и железную дорогу на Хайфу[48]. Реализация французского проекта означала, что сирийские линии станут серьезным конкурентом проектируемой магистрали Багдад — Хайфа, перетянув на себя основной железнодорожный трафик между Средиземным морем и Персидским заливом. Соответственно крупный иностранный капитал, прежде всего британский, потеряет интерес к указанному проекту даже в случае сооружения в дальнейшем второго трубопровода на Хайфу.

Багдад не хотел зависеть от французской политики для сообщения с Европой и усматривал в строительстве нефтепровода по северному маршруту прямую угрозу не только своим экономическим, но и стратегическим интересам. Железная дорога Багдад — Хайфа гарантировала Ираку получение британской военной помощи в кратчайшие сроки, без задержки от окружного пути через Суэцкий канал, Красное море и Персидский залив. Такую помощь не обеспечивали сирийские линии. В случае нападения на Ирак одного из его соседей Франция и Сирия, даже оставаясь нейтральными, могли отказать в использовании своей транспортной системы для переброски в Ирак британских войск и военных грузов. Поэтому Багдад придавал исключительное значение тому, чтобы железная дорога до Средиземного моря проходила по территориям, принадлежащим Ираку и его союзникам.

Британское правительство, со своей стороны, пыталось не допустить Францию на командные высоты на Ближнем Востоке и не собиралось отказываться от идеи получить стратегически важные коммуникации за счет частных инвестиций. В перспективе Адмиралтейство рассчитывало, что АПНК, являясь акционером ИПК, построит в Хайфе перерабатывающий завод, который будет снабжать горючим британский военно-морской флот в Восточном Средиземноморье. Кроме того, как держава-мандатарий Англия была заинтересована в интеграции своих подопечных территорий и их экономическом процветании. Предполагалось также, что железная дорога станет обслуживать нужды британского химического треста, который собирался разрабатывать минеральные ресурсы Мертвого моря[49].

Если бы ИПК имела свободу действий, она, возможно, склонилась в пользу короткого сирийского маршрута, поскольку вопрос о размере инвестиций мог перевесить все остальные доводы. Во-первых, ближайшим к месторождению Баба-Гургур был порт Басра в Персидском заливе (450 миль), но сборы, взимаемые с танкеров на Суэцком канале, оставались настолько высоки, что выгоднее было избежать их даже ценой прокладки дополнительных 200 миль трубопровода, которые требовались для средиземноморского пути. Во-вторых, ИПК, считая себя нефтяной, а не инженерно-строительной фирмой, в принципе не хотела сооружать Багдадскую магистраль, которая к тому же была бы нерентабельна в случае реализации франко-сирийского железнодорожного проекта. Технический персонал компании утверждал, что даже на Хайфу нефтепровод можно проложить без железной дороги, а с помощью использования новейших достижений в сфере тяжелого транспорта. В-третьих, и без того высокая стоимость нефтепровода обременялась крупными расходами на строительство железной дороги, и ИПК была бы вынуждена включить их в себестоимость иракской нефти, которая могла стать неконкурентной на мировых рынках, тем более в условиях текущей экономической депрессии. Кроме того, на сооружение железной дороги ушло бы несколько лет, что надолго задерживало начало нефтяного экспорта из Ирака[50].

Таким образом, уже предварительные консультации по вопросу о строительстве нефтепровода выявили серьезные разногласия между ИПК, британским, французским и иракским правительствами по целому ряду аспектов. Летом 1929 г. по предложению Кэдмана правление ИПК сформировало англо-франко-американскую паритетную комиссию во главе с американским инженером Дэн-Тоули, которая должна была определить наиболее выгодный с экономической и технической точки зрения маршрут. В течение года экспедиция работала в Ливане, Сирии, Ираке, Трансиордании и Палестине при активной поддержке местных властей, а также британских и французских ВВС[51].

Осенью 1929 г. проблемы, связанные с предоставлением Ираку независимости и пересмотром концессии ИПК, осложнились новым демаршем БОД. 17 сентября компания подала в Лигу Наций вторую петицию, которая кратко повторяла положения первого протеста, но основное внимание уделяла вопросу о несоблюдении

иракскими властями принципа «открытых дверей и равных возможностей». БОД обращалась к Совету Лиги Наций и ПМК с просьбой «потребовать от иракского правительства открыть доступ к нефтяным полям всем фирмам и физическим лицам, которые хотят и могут их разрабатывать». В заключение компания призывала предпринять все усилия, чтобы «перевести политические договоренности в конкретные экономические соглашения и достичь экономической свободы на деле»[52].

БОД не случайно сместила акценты на нарушение в Ираке принципа «открытых дверей» — одного из ключевых положений мандатной системы. События 1928—1929 гг. убедили руководство компании в целесообразности расширения состава своих участников. Правление исходило из целого ряда соображений. Во-первых, иракские министры явно отдавали предпочтение международным предприятиям. Во-вторых, БОД нуждалась в финансовой подпитке и прямых выходах на мировые рынки; следовательно, новые акционеры должны были поддерживать тесные контакты с правительствами европейских стран. В-третьих, новыми компаньонами должны были стать аутсайдеры, т. е. нефтяные фирмы, не находившиеся в зависимости от мировых трестов. В итоге выбор БОД пал на представителей крупного итальянского и германского капитала, близкого к правящим кругам своих стран[53].

По условиям Версальского мира Германия потеряла важные источники минерального сырья[54]. Добыча нефти в собственных промысловых районах играла незначительную роль в нефтеснабжении страны. Во второй половине 1920-х годов в Германии добывалось не более 100 тыс. т нефти в год при ежегодном потреблении нефтепродуктов свыше 2 млн. т. По этой причине Германия была крупнейшим в Европе нефтеимпортером. Внушительная часть ввоза (30—40 %) приходилась на сырую нефть и полуфабрикаты, поступавшие на 34 нефтеперегонных завода (до войны их было 46)[55]. В период Веймарской республики нефтяная политика страны находилась на стадии формирования, и правительство апробировало различные методы достижения нефтяной независимости — от протекционистских мер до попыток ввести государственную монополию. Германия также шла по пути строительства крупных заводов и активного внедрения крекинг-метода, благодаря которому увеличение выхода бензина достигалось без дополнительного импорта сырой нефти.

Отличительной чертой этого периода стал курс на стимулирование научных исследований в области получения искусственных нефтепродуктов. Проблема сжижения каменного угля и переработки его в жидкое топливо в 1920-е годы приобрела особую актуальность[56]. Германия первая стала экспериментировать с углем и добилась весьма значительных результатов[57]. В этой связи правительство возлагало большие надежды на «тяжелую химию», которая была организована в крупный химический трест «ИГ Фарбениндустри», с каждым годом все более утверждавшийся в роли хребта германской промышленности и экономики. Трест монополизировал производство синтетического бензина по методу Бергиуса, а в 1929 г. принял предложения «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» и РДШ о сотрудничестве в области гидрогенизации. Новые методы «ИГ Фарбен» после проверки их на крупнейших заводах США внедрялись в технологии нефтеперегонных процессов по всему миру. Фактически Германия, поглощая англо-американские, в основном американские инвестиции, в то же время шла довольно уверенно по пути вывоза капитала за границу. Это свидетельствовало об установлении определенного баланса интересов между германскими промышленниками и группой работавших на нефтяном рынке Германии филиалов мировых монополий[58].

Однако развитие «тяжелой химии» не снимало с повестки дня нефтяную проблему. В официальных отчетах «ИГ Фарбен» указывалось, что мощность заводов по производству синтетических нефтепродуктов, построенных к концу 1920-х годов, составляла 120 тыс. т в год. Кроме того, несоответствие между уровнем цен на бензин, которые вследствие мирового экономического кризиса резко понизились, и себестоимостью синтетического горючего привело к нерентабельности его производства[59].

Выход из затруднительного положения предложила дипломатия. С момента своего вступления в Лигу Наций в 1925 г. Германия получила место в Постоянной мандатной комиссии как держава, имеющая опыт колониального управления. На заседаниях ПМК Людвиг Кассль, бывший колониальный администратор и глава репарационного отдела министерства финансов Германии, неоднократно подвергал критике монопольные позиции британского нефтяного капитала в Персии и Ираке, настаивая на допуске иностранных компаний к контролируемым Англией минеральным ресурсам Ближнего Востока. Очередной международный ажиотаж

вокруг иракской нефти и грядущая ликвидация мандатного режима в Ираке позволяли Германии, считавшей потерю своей доли в ТПК несправедливой, поднять вопрос о восстановлении своих прав на ближневосточную нефть[60].

Проблема свободного доступа членов Лиги Наций к источникам сырья подмандатных территорий была также актуальна для Италии. В связи с курсом страны на индустриализацию ее нефтяной рынок со второй половины 1920-х годов находился в состоянии постоянного роста. Подъем итальянской промышленности представлял собой примечательное явление в свете ее жесткой зависимости от ввоза нефти, угля и руды. В 1929 г. общее потребление нефтепродуктов в Италии достигло 1,3 млн. т, а нефтяной импорт возрос на 50 % по сравнению с 1926 г. и на 275 % — с 1913 г. В стране имелось 6 небольших перерабатывающих заводов, которые оперировали почти исключительно на привозной нефти, поступавшей в основном из СССР и Персии. Однако ввиду слабого развития нефтеперегонного дела в Италии ввоз сырой нефти был незначителен и в 1928 г. составлял лишь 50 тыс. т, или 5 % от общего объема нефтеимпорта. Господствующее положение «Стандард Ойл» (до 40 % участия), РДШ и АПНК на итальянском нефтяном рынке делало его одним из самых дорогих в Европе[61].

Диктат англо-американского капитала побуждал правительство и промышленные круги Италии к кардинальному пересмотру национальной нефтяной политики. После долгих колебаний страна избрала комбинированные формы борьбы, когда государство подает инициативу, организует финансовые и технические ресурсы, содействует объединению национальных фирм и таким путем пытается создать единый фронт против натиска иностранного капитала. Оставляя при этом рынок формально свободным, правительство устанавливает над ним контроль методами финансового воздействия и организации мощного торгово-технического аппарата.

Проводником новой стратегии стала полугосударственная нефтяная корпорация «Ациенда Дженерале Италиана Петроли» (АДЖИП), основанная в апреле 1926 г. с целью приведения нефтяной политики в соответствие с национальными интересами Италии. За 4-летний период деятельности компания достигла заметных успехов[62]. С целью изменения товарной структуры и снижения общей стоимости нефтеимпорта путем увеличения ввоза дешевой

сырой нефти (прежде всего из СССР) в 1928 г. АДЖИП приступила к реализации программы строительства новых и модернизации уже имевшихся в Италии заводов. Вместе с подчиненными ей группами компания увеличила свое участие в нефтеснабжении страны до 25 %, несколько ослабив тем самым монопольные позиции мировых трестов. В результате осенью 1929 г. цены на нефтепродукты на итальянском рынке упали до уровня мировых. Однако рассчитывать на дальнейшие серьезные подвижки в нефтяной отрасли не приходилось ввиду отсутствия собственных крупных источников нефти.

Большая активность была проявлена в деле изыскания, бурения и разработки битумных залежей и лигнитов внутри страны, итальянские химики-технологи проводили опыты по сжижению угля. Но мало кто всерьез ожидал, что результаты лабораторных исследований помогут решить национальную нефтяную проблему. Трезвый учет фактов приводил Италию к поиску чужих источников нефти. АДЖИП акцентировала внимание на Албании и Румынии, но достижения здесь имели скорее морально-политический характер, в том числе из-за нехватки финансовых средств. Тем не менее правящие круги Италии главные надежды возлагали именно на концессионную политику, причем не только в Европе, но и в других регионах, прежде всего на Ближнем Востоке[63].

Нефтяной фонтан в Киркуке подтвердил самые смелые прогнозы в отношении нефтяного потенциала Ирака и возродил болезненную для Рима тему. В течение 1920-х годов Италия неоднократно заявляла о том, что ее права не были учтены при разделе ближневосточных нефтяных источников. Но будучи по итогам Первой мировой войны «побежденной в стане победителей», Италия не смогла заинтересовать Англию в своем партнерстве, как это сделали США, и говорила лишь о невыполненных обязательствах союзников[64]. Подготовка отмены британского мандата на Ирак позволяла Риму начать новое наступление на позиции держав-победительниц и мировых трестов, пытавшихся монополизировать иракскую нефть. В этом деле особый оптимизм внушал тот факт, что действующим председателем Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций являлся Маркус Теодоли, бывший заместитель министра колоний Италии.

В августе 1929 г. БОД передала 40 % своих активов итальянской полугосударственной АДЖИП, три представителя которой вошли

в совет директоров[65]. В Форин Оффис вполне обоснованно полагали, что БОД стремится придать компании международный статус. Но 40 % итальянского участия было недостаточно для рассмотрения исков БОД в Гаагском международном суде, для этого требовалось, чтобы контрольный пакет акций принадлежал иностранным группам. Британские владельцы БОД не хотели уступать Италии контроль над компанией, поэтому, как и ожидали на Даунинг-стрит, предложили долю участия еще одному иностранному партнеру — Германии[66]. В августе 1929 г. полковник Стэнли, доверенное лицо адмирала Вэмисса, от имени БОД обратился к германскому поверенному в делах в Багдаде Литтену с предложением рассмотреть вопрос об участии германского капитала в разработке иракской нефти. Он делал особый акцент на перспективах получения крупных заказов для заводов Германии и ссылался на большой опыт страны в проведении геологоразведочных работ в Ираке[67].

Тот факт, что БОД сумела заинтересовать в реализации своих проектов в Ираке правительства Германии и Италии, означал, что компания приобрела в Женеве влиятельных союзников в лице германских и итальянских членов ПМК. В сложившихся условиях Уайтхолл был вынужден признать, что теперь придется считаться с БОД[68]. 4 ноября 1929 г. британское правительство официально поставило в Женеве вопрос о вступлении Ирака в Лигу Наций, что подразумевало автоматическую отмену мандатного режима.

Таким образом, выдвигая идею предоставления Ираку политической независимости, Великобритания фактически стремилась трансформировать форму своего контроля над страной и в то же время закрепить монополию ИПК на разработку иракской нефти. Поэтому пересмотр нефтяной концессии этой компании стал одним из ключевых факторов в общей британской стратегии отмены мандата на Ирак. Но еще на этапе предварительных консультаций Англия натолкнулась на серьезную оппозицию Франции, которая тоже стремилась за счет нефтяной концессии в Ираке укрепить свои военно-стратегические и экономические позиции на Ближнем Востоке. Политические аспекты дела дополнялись желанием Ирака добиться максимальных уступок от Англии и при этом обеспечить себе лидирующую роль среди арабских стран с помощью интеграции британских подмандатных территорий вокруг своего нефтяного сектора. В результате первый же спорный вопрос — о выборе маршрута нефтепровода — оказался непосредственно

связан с общими проблемами развития стратегических коммуникаций в регионе, повлек за собой рост напряженности во франко-иракских отношениях и продемонстрировал наличие острых англо-французских противоречий в рамках соперничества двух держав на Ближнем Востоке. В этих условиях тактика Багдада сводилась к использованию противоречий между всеми заинтересованными в иракской нефти сторонами, круг которых стал расширяться сначала за счет британских компаний, не вошедших в состав ИПК, затем — правительств Германии и Италии. Тот факт, что вопрос о предоставлении Ираку независимости должен был решаться международным сообществом в лице Лиги Наций, позволял аутсайдерам возродить проблему на этот раз уже повторного «открытия дверей» на нефтеносные территории Ближнего Востока.

---

1 БОД была зарегистрирована 1 марта 1928 г. в Лондоне с уставным капиталом 82,5 тыс. ф. ст. Ведущие промышленники и финансисты Англии выразили готовность инвестировать свои капиталы в БОД — А. Уолкер, Р. Элпайн, Д. Леттер, Ч. Бэрри, Ф. Бэйкер, Э. Мэнвилл, Э. Маунтейн и др. Вестер Вемисс занимал пост Первого лорда британского Адмиралтейства в 1917–1919 гг.; к концу 1920-х гг. он являлся членом правления каменноугольного треста и «Бритиш Юнион Ойл», а также входил в Совет директоров 22 других промышленных, в том числе нефтяных, компаний. Ключевую роль в создании БОД сыграл лорд Инверфорс, известный британский финансист и весьма влиятельная в Лондонском Сити персона, член правления трех крупных британских нефтяных компаний («Бритиш Мексикэн Ойл», «Бритиш Юнион Ойл», «Рэд Лайн Ойл»). Лорд Инверфорс, однако, не афишировал своей причастности к БОД. Британское правительство, опасаясь, что компания получит финансовую и общественную поддержку, также стремилось скрыть факт его участия в делах БОД. Интересы лорда Инверфорса в БОД представлял У. Браун, директор «Бритиш Юнион Ойл» (Cadman (IPC) to CO, May 1931; CO to FO, 20 May 1931 // PRO. CO 730/160/2, file 88001B; Hall (CO) to PD, 6 March 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1; Inverforth to the Editor of the «Nineteenth Century and After», 12 Sept. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2).

2 Negotiations between Iraqi Government and TPC: Memorandum by FO, 11 Feb. 1932 // Ibid. FO 371/16042, E697/250/93; *Grobba F.* Die Manner und Machte im Orient. Gottingen, 1967. C. 87–88.

3 IPC. Review of negotiations 1929: Memorandum by PD, Feb. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

4 *Sluglett P.* Britain and Iraq, 1914–1932. L., 1976. C. 162–164, 196–197.

5 Багдад известил правление БОД о том, что ее предложения неприемлемы: иракское правительство не может гарантировать свою поддержку в тендере, поскольку это противоречит политике «открытых дверей» (IPC. Review of negotiations 1929, Feb. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1).

6 Цит. по: Международный нефтяной картель. С. 92.

7 Там же. С. 90, 92; Mercier's Report (CFP), Feb. 1931 // PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

8 IPC. Review of negotiations of 1929, Feb. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1; Negotiations between Iraqi Government and TPC, 11 Feb. 1932 // Ibid. FO 371/16042, E697/250/93.

9 Memorandum by Iraqi Ministry of Justice (Baghdad), 18 July 1929; Iraqi Ministry of Communications and Works to the Council of Ministries (Baghdad), 28 July 1929 // Ibid. CO 730/147/1, file 68354A.

10 Report on Administration of Iraq for the Year 1929. С. 117; Special Report. С. 220–221; *Dobbs H.* Mosul Oil and the Pipe-Line // Nineteenth Century and After. Sept. 1930. С. 286.

11 IPC. Review of negotiations of 1929: Feb. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

12 Minutes of the Eighteenth Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1930. Annex 6. С. 177, 179.

13 В вопросе о разделе «османского наследства» на Парижской мирной конференции 1919 г. США выдвигали себя на роль арбитра и предложили отправить на Ближний Восток международную комиссию для изучения общественного мнения относительно будущей администрации этих территорий. Поскольку европейские державы саботировали отправку комиссии, ее американская секция в составе Ч.Р. Крейна и известного миссионера Ч.К. Кинга самостоятельно посетила арабские провинции бывшей Османской империи летом 1919 г. Представленный по итогам поездки отчет свидетельствовал о планах США по созданию обширной американской империи на Ближнем Востоке. Подробнее см.: *Howard H.* The King-Crane Commission: An American Inquiry in the Middle East. Beirut, 1963; *Валиахметова Г.Н.* Иракская нефть и великие державы, 1912–1928 гг. Уфа, 2000. С. 47–52.

14 The Near East and India. 7 Feb. 1929. С. 165.

15 Minutes of the Eighteenth Session of the PMC. Annex 6. Appendix I–VI. С. 180–182.

16 Ibid. Annex 6. С. 177–179.

17 Secretary-General of the League of Nations to FO, 6 June 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A.

18 Minute of Hall (CO), 5 June 1929 // Ibid.

19 Minutes of CO, 5 June, 7 June 1929 // Ibid.

20 FO to CO, 12 July 1929 // Ibid.

21 Minute of Bigg (CO), 17 July 1929; HCr for Iraq to Iraqi Prime Minister, 6 Oct. 1929; CO to HCr for Iraq, 19 Oct. 1929: HCr for Iraq to Iraqi Council of Ministers, 28 Nov. 1929 // Ibid.

22 8 июня 1929 г. ТПК сменила свое название на «Ирак Петролеум Компани, Лтд» (ИПК).

23 Цит. по: Международный нефтяной картель. С. 91.

24 Memorandum by FO, 2 Nov. 1929; Minutes of CO, 5 Nov., 15 Nov. 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A; IPC. Review of negotiations of 1929, Feb. 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

25 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3115. Л. 115; The Near East and India. 13 June. С. 740; 27 June. С. 814–816; 26 Dec. С. 709. 1929.

26 *Мирский Г.* Ирак в смутное время. М., 1961. С. 12–14; Survey of International Affairs. 1934 / Ed. by A. Toynbee. L., 1935. С. 112–115; *Silverfarb D.* Britain's Informal Empire in the Middle East. A Case Study of Iraq, 1929–1941. Oxford, 1986. С. 11–22; *Tripp Ch.* A History of Iraq. Cambridge, 2002. С. 61–65; *Fieldhouse D.K.* Western Imperialism in the Middle East 1914–1948. Oxford, 2006. С. 94–97.

27 The Near East and India. 21 Feb. С. 238–239; 10 Oct. С. 391. 1929; Ibid. 7 Aug. С. 144; 18 Dec. С. 685. 1930.

28 Iraqi Minister of Communications and Works to Iraqi Minister of Justice, 12 July 1929; Memorandum by Ministry of Justice (Baghdad), 18 July 1929; Minister of Communications and Works to the Council of Ministers (Baghdad), 28 July 1929; Consular Secretary (Baghdad) to HCr for Iraq, 19 Aug. 1929; HCr for Iraq (Baghdad) to CO, 26 Aug. 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A.

29 Memorandum by FO, 2 Nov. 1929 // Ibid.

30 FO to CO, 23 Aug., 2 Nov., 22 Nov. 1929; CO to PD, 27 Sept. 1929; Minutes of CO, 26 Aug., 5 Nov., 15 Nov. 1929 // Ibid.

31 IPC to Iraqi Minister of Communications and Works: Draft Agreement, 30 Dec. 1930; Iraq Oilfield Operations in 1929: Memorandum by PD, Feb. 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part I. ИПК выбрала 13 участков в Киркуке, 3 — в Палкана, 2 — в Джебель-Хамрин и по одному — в Кор-Мор, Джамбур-Таук, Гайяре, Наджма, Бей-Хассан и Чемчемаль. Их большая часть располагалась на восточном берегу р. Тигр, и вместе они образовали узкую полосу около 100 миль в длину, которая шла от р. Малый Заб на юго-востоке Ирака и примыкала к концессии ХОК в Ханакине на севере страны.

32 IPC. Review of negotiations of 1929, Feb. 1930 // Ibid.

33 Minute of Bigg (CO), 26 Aug. 1929 // Ibid. CO 730/147/1, file 68354A.

34 *Bilovich J.* The Quest for Oil in Bahrain, 1923–1930 // The Great Powers in the Middle East. C. 261–265; *Baram Ph.* The Department of States in the Middle East 1919–1945. Philadelphia, 1978. C. 171–172, 179; *Miller A.* Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980. C. 12–13; *Jones G.* The «Old Aunts»: Governments, Politicians and the Oil Business // Businessmen and Politics / Ed. by J. Turner. L., 1984. C. 154.

35 До 1928 г. соперничество за нефтяные концессии в странах Персидского залива разворачивалось главным образом между компаниями в основном с английским капиталом. В 1923–1925 гг. британская «Истерн энд Дженерал Синдикейт» (ИДС) приобрела исключительные права на разведку и добычу нефти на Бахрейне, в Неджде и Нейтральной зоне. Ввиду недостатка финансовых средств ИДС обратилась сначала к английским, а затем к американским корпорациям, и по соглашению 30 ноября 1927 г. передала свои права «Галф Ойл Корпорейшн оф Пенсильвания». Это было первое в череде событий, в ходе которых американский капитал в конечном итоге втянулся в нефтяное соперничество с Англией на Аравийском полуострове. «Галф», будучи членом НИДК, 30 октября 1928 г., после подписания «Соглашения о красной черте», предложила ТПК концессию на Бахрейне, но европейские группы отказались ее разрабатывать, сочтя данные геологических разведок малоубедительными. Если бы «Галф» воспользовалась своим правом, любая нефть, самостоятельно добытая ею, должна была делиться между акционерами ТПК, что фактически исключало возможность дальнейшей деятельности «Галф» на этом острове. Так впервые было применено «Групповое соглашение» ТПК для ограничения независимых действий своих акционеров. В итоге «Галф» и ИДС передали опцион на Бахрейне американской компании-аутсайдеру СОКАЛ за 50 тыс. долл. Финальное соглашение было подписано 12 июня 1930 г. между шейхом Бахрейна и канадским филиалом СОКАЛ «Бахрейн Петролеум Компани» (БАПКО), который в том же году приступил к исследовательским работам и в 1932 г. обнаружил нефть в промышленных количествах. В декабре 1934 г. первый танкер с бахрейнской нефтью был отправлен на мировые рынки. В 1936 г. СОКАЛ продала половину акций БАПКО американской корпорации «Тексас Ойл».

36 FRUS. 1929. Vol. 3. Washington, 1944. C. 80–83.

37 *Clarke A.* Bahrain Oil and Development, 1929–1989. Boulder, 1990. Ch. 1; *Venn F.* Oil Diplomacy in the Twentieth Century. L., 1986. C. 68–69; *Bilovich.* Op. cit. C. 260–267; *Miller.* Op. cit. C. 14–15; *Fanning L.* American Oil Operations Abroad. N.Y., L., 1947. C. 92; *DeNovo J.* On the Sidelines: The United States and the Middle East Between the Wars, 1919–1939 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., 1988. C. 232; *DeNovo J.* American Interest and Politics in the Middle East, 1900–1939. Minneapolis, 1963. C. 202–204; *Соболев Е.* Американский

капитал в нефтяных предприятиях Персидского залива (1923–1938 гг.). Уфа, 2007. С. 22–68.

38 FO to CO, 2 Nov., 22 Nov. 1929; Minute of Bigg (CO), 5 Nov. 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A.

39 *Khadduri M.* Independent Iraq 1932–1958: A Study in Iraqi Politics. L., 1960. С. 156–160; *Туманян Т.Г.* Ирак в системе международных отношений на Ближнем Востоке 1921–1941. Автореферат дисс... к.и.н. СПб., 1996. С. 13–14; АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 12. Л. 2, 3, 5; The Near East and India. 12 Feb. 1931. С. 179.

40 Negotiations between Iraqi Government and TPC, 11 Feb. 1932 // PRO. FO 371/16042, E697/250/93; *Dobbs.* Op. cit. С. 285; *Rabinovich I.* Oil and Local Politics: The French-Iraqi Negotiations of Early 1930s // The Great Powers in the Middle East 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L. 1988. С. 173–175; *Худадов В.* Иракский нефтепровод и перспективы развития иракской нефтяной промышленности // Нефтяное хозяйство. 1931. № 8–9. С. 176.

41 Mercier's Report (CFP), Feb. 1931 // PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

42 FRUS. 1929. Vol. 3. С. 61–70; РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 17, 41.

43 *Dobbs.* Op. cit. 282–283; Petroleum Times. 11 Aug. 1929. С. 249–250; РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 44–47, 41; На зарубежном Востоке. 1933. № 3–4. С. 157–158, 161.

44 Negotiations between Iraqi Government and TPC, 11 Feb. 1932 // PRO. FO 371/16042, E697/250/93; FO to French Embassy: Memorandum by FO, 29 Apr., 9 Sept. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

45 Minutes of CO, 10 March 1929 // Ibid. CO 730/146, file 68354B, part 1.

46 Единственные железнодорожные пути находились в восточной части страны, где имелись узкоколейные линии Басра — Багдад и Багдад — Киркук. Другая железная дорога стандартной колеи пролегала от Багдада вдоль западного берега Тигра до Байджи в 100 милях к югу от Мосула (Report on Administration of Iraq for the Year 1928. С. 41–42; АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 15–17, 21).

47 *Dobbs.* Op. cit. С. 283–285. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3115. Л. 19–20, 121. Хотя Англия и Ирак утверждали, что безопасность маршрута на Хайфу больше, чем на Триполи, в дальнейшем насосные станции на трассе трубопровода возводились вдали от бедуинских поселений. Тем не менее бедуины неоднократно нападали на строительные лагеря ИПК и на палестинской, и на сирийской ветках (*Gulbenkian N.* Pantaraxia. L., 1965. С. 162–163; Нефтяное хозяйство. 1932. № 9. С. 179).

48 Negotiations between Iraqi Government and TPC, 11 Feb. 1932 // PRO. FO 371/16042, E697/250/93.

49 British Embassy (Paris) to FO, 1 Feb. 1930; Minute of Hall (CO), 28 July 1930 // Ibid. CO 730/158/6, file 78354, part 3; Minutes of CO, Feb. 1930; CO to HCr for Iraq, 19 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; British Embassy (Paris) to FO, 1 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3; РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 54.

50 *Dobbs*. Op. cit. С. 281–282, 285, 289; *Gulbenkian*. Op. cit. С. 160, 162; Нефтяное хозяйство. 1929. № 5. С. 765.

51 CO to Ritchi (IPC), 25 July 1929 // PRO. CO 730/146, file 68354; Extract from the Report by HCr for Iraq, 27 March 1930; Skliros (IPC) to CO, 7 March, 22 March 1930; CO to Skliros (IPC), 21 March 1930; CO to HCr for Palestine, 13 March, 1 April 1930; HCr for Palestine to CO, 15 March, 19 March, 4 April, 5 April 1930 // Ibid. CO 730/158/13, file 78354E.

52 Minutes of the Eighteenth Session of the PMC. Annex 6. С. 179–180.

53 *Mejher H*. Die Politic und das Ol im Nahen Osten. Bd. I. Stuttgart, 1980. С. 40–41.

54 Польше отошло более 60% запасов свинца и цинка, а также около 80% германских месторождений угля в Силезии. Франция получила германские калиевые рудники и нефтяные месторождения Эльзаса; с Лотарингией Германия потеряла крупные залежи железа. По данным Лиги Наций, из 20 минералов, которые были отнесены к категории наиболее важных, в Германии осталось только 7 — уголь, железо, медь, свинец, цинк, графит, калиевые соли (Economist. 3 July. 1937. С. 6–7).

55 В 1913 г. ввоз нефтепродуктов в страну составлял 22,2% всего европейского импорта, уступая по показателям только Англии (31%). Послевоенный экономический и финансовый кризис втрое сократил германский нефтеимпорт (1,3 млн. т в 1913 г. и 484 тыс. т в 1923 г.), в 1927 г. его объемы начинают расти, и в 1929 г. он почти вдвое превысил уровень 1913 г. (Petroleum Times. 11 Aug. С. 229–231; 3 Nov. С. 812; 22 Dec. С. 1128. 1928; Ibid. 9 Feb. С. 254; 6 July. С. 6; 27 July. С. 143–144; 7 Sept. С. 425–429; 19 Oct. С. 764; 23 Nov. С. 996. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 10. С. 612; там же. 1930. № 3. С. 493–495; там же. 1932. № 11–12. С. 311; Внешняя торговля. 1931. № 24. С. 18–20; там же. 1932. № 20. С. 25; *Бронштейн В.Б., Розенблюм Г.* Нефтяная эпопея. М.–Л., 1935. Гл. X).

56 Стремление использовать каменноугольные залежи для их переработки в нефтепродукты было обусловлено дисбалансом учтенных энергетических ресурсов тех лет — наличием громадных запасов угля и ограниченного количества разведанных запасов нефти. По оценкам Лиги Наций, при текущем уровне потребления Германия располагала запасами угля на 500 лет, лигнитов — на 400 лет (Economist. 3 July. С. 6–7. 1937; Petroleum Times. 13 July. С. 49–52; 13 Aug. С. 39. 1929).

57 Опыты по гидрогенизации угля проводились еще до Первой мировой войны. Морская и экономическая блокада, в которой оказалась Германия в годы войны, дала основательный стимул к практическому разрешению этого вопроса. В ходе успешных опытов германских ученых (Ф. Бергиус, К. Бош, К. Фишер) было найдено технологическое решение проблемы гидрогенизации угля и приближения физико-химических свойств сжиженного угля к продуктам природной нефти. В 1929 г. в одном из своих выступлений Фридрих Бергиус сформулировал значимость развития химической отрасли следующим образом: «Работы по сжижению угля показали, что фактически возможно заменить природную нефть угольными маслами. Это не означает, что природная нефть будет вытеснена искусственной, но это уменьшает зависимость бедных собственной нефтью стран от импорта бензина и других нефтепродуктов». Цит. по: Нефтяное хозяйство. 1929. № 6. С. 914.

58 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 25; Petroleum Times. 12 Jan. С. 56; 20 April. С. 703–704; 4 May. С. 838; 11 May. С. 838; 13 July. С. 49–52; 14 Sept. С. 506; 28 Sept. С. 621–622. 1929.

59 Petroleum Times. 20 April. С. 703–704; 7 Sept. С. 447–448. 1929; Нефтяное хозяйство. 1930. № 8–9. С. 337–338. В 1931 г. синтетическая нефть удовлетворяла всего около 10 % потребностей Германии в бензине. Убытки, понесенные трестом «ИГ Фарбен», были настолько велики, что пришлось резко сократить производство искусственного горючего, ограничив его сбыт в основном поставками государственным учреждениям по повышенным ценам.

60 The League from Year to Year. Geneva, 1931. С. 154–156; *Grobba*. Op. cit. С. 87–88; *Mejcher*. Op. cit. С. 38–39, 147–148; *Schacht H*. 76 Jahre meines Lebens. Bad Worishofin, 1953. С. 476; *Hildebrand K*. Vom Reich Weltreich Hitler. NSDAP und koloniale Frage 1919–1945. München, 1969. С. 147.

61 Petroleum Times. 9 March. С. 414; 6 July. С. 7. 1929; Нефтяное хозяйство. 1929. № 7. С. 123–124; там же. 1930. № 3. С. 496; № 8–9. С. 336; Внешняя торговля. 1932. № 22. С. 6–7, 11–12.

62 В 1929 г. АДЖИП уже принадлежало 12 отделений и 76 агентур, 146 складов и 4 тыс. бензоколонок, 15 морских терминалов, емкость которых составляла 15 % всех итальянских резервуаров, 4 собственных танкера и несколько зафрахтованных.

63 Petroleum Times. 20 April. С. 712; 18 Aug. С. 300. 1929; Tribuna. 15 May 1932 // PRO. FO 371/16043, E2914/250/93; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 19; Нефтяное хозяйство. 1929. № 7. С. 124; там же. 1930. № 8–9. С. 336.

64 Впервые Рим поставил вопрос об итальянских правах на иракскую нефть в мае 1922 г., когда пригрозил сорвать Генуэзскую конференцию, если Англия не включит Италию в нефтяное соглашение Сан-Ремо на равных условиях с Францией. В этой связи летом того же года в Лондоне

состоялась серия встреч итальянского министра иностранных дел К. Шанцера с представителями Форин Оффис. Ввиду неурегулированности нефтяного вопроса с США и мосульского спора с Турцией Англия не хотела пока отказывать итальянцам. Осенью 1922 г. на Лозаннской конференции Муссолини потребовал подписания англо-итальянского нефтяного соглашения по Мосулу. В результате лорд Керзон в устной форме известил члена итальянской делегации М. Гаррони о том, что после окончательного разрешения мосульской проблемы британское правительство передаст Италии долю акций в ТПК. В 1925 г., в разгар мосульского конфликта, это неофициальное предложение Керзона было опубликовано в итальянской печати с комментариями о том, что между Лондоном и Римом якобы существуют письменные договоренности об итальянском участии в мосульской нефти. Британское правительство неоднократно опровергало подобные заявления и не считало себя связанным какими-либо обязательствами с Италией в нефтяных вопросах на Ближнем Востоке (FO to MEW, 18 Dec. 1939 // PRO. FO 371/23215, E7798/1079/93; *Kent M.* Moguls and Mandarins: Oil, Imperialism and the Middle East in British Foreign Policy, 1900–1940. L., 1993. С. 131–139).

65 BOD to Macdonald (Prime Minister), 22 Aug. 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A.

66 Minute of Williams (CO), 23 Aug. 1929; Williams (CO) to Wilson (APOC), 23 Aug. 1929; Williams (CO) to Rendel (FO), 23 Aug. 1929 // Ibid.

67 *Grobba*. Op. cit. С. 87–88.

68 Minute of Williams (CO), 23 Aug. 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A; IPC. Review of negotiations 1929, Feb. 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

ГЛАВА 3

ЛИГА НАЦИЙ И ВОПРОС О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗРАБОТКИ ИРАКСКИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ, 1929–1930 гг.

Из 14 территорий, включенных в состав мандатной системы, Ирак был первым претендентом на статус независимого государства и, естественно, Лига Наций столкнулась с некоторыми сложностями, поскольку речь шла о создании прецедента. Тот факт, что членство в Лиге Наций несовместимо с мандатным режимом, не вызывал сомнений[1]. Когда эмансипация Ирака вышла на уровень практической политики, перед Советом Лиги встала проблема определения принципиальных (применимых в дальнейшем для других мандатных стран) и специфических (отражающих конкретный случай Ирака) условий отмены мандата. Эта задача была поручена Постоянной мандатной комиссии.

На 16-й сессии (6–26 ноября 1929 г.) ПМК не могла предметно рассматривать петицию БОД ввиду отсутствия официального ответа британского правительства. «Прецедента аналогичного протестам БОД еще не было, и комиссия не знает, что делать», — сообщали британские дипломаты из Женевы[2]. Вместе с тем в ходе обсуждения ежегодного отчета державы-мандатария за 1928 г. внимание членов ПМК привлек тот факт, что по условиям концессии ИПК уже должна была начать добычу и экспорт нефти, а на «Переданных территориях» ХОК приостановила разведочное бурение. Создавалось впечатление, что заявления БОД о преднамеренной задержке разработки нефтяных источников Ирака вполне обоснованны.

Отвечая на поставленные вопросы, британский представитель Бардиллон указывал, что ИПК не ведет добычу, поскольку ХОК полностью обеспечивает потребности Ирака в нефтепродуктах. Экспортные отгрузки иракской нефти обусловлены строительством

нефтепровода к Средиземному морю, но его маршрут пока не определен. Форсирование буровых операций нецелесообразно с экономической точки зрения, так как уже имеющиеся у ХОК и ИПК скважины могут обеспечить полную загрузку нефтепровода. Далее Бардиллон заявил, что сроки разведочного бурения, заложенные в концессии ИПК, базировались на ошибочных расчетах, поэтому Багдад предоставил компании отсрочку. Кроме того, ИПК и иракское правительство согласились в том, что во избежание конкурентного бурения уже открытые месторождения должны разрабатываться одним концессионером. Но в настоящий момент компания не может установить точные границы некоторых нефтяных структур, и это стало одной из причин, почему был отложен первый аукцион.

Подводя итог дискуссии, председатель ПМК итальянец М. Теодоли отметил, что у комиссии возникли сомнения в «процветании Ирака», поскольку Багдад, очевидно, ориентирован на установление монополии одной компании, которая, в свою очередь, явно не спешит создавать нефтяную отрасль страны. Будучи ответственной за соблюдение норм мандатной системы, предусматривавших, в том числе, развитие экономического потенциала подопечных территорий в полную силу, ПМК решила подробно изучить состояние нефтяных дел в Ираке, а также проанализировать нефтяную политику иракского правительства и державы-мандатария[3].

Поскольку комиссия лишь обозначила проблемы, которые следовало предметно обсуждать в дальнейшем, ее доклад Совету Лиги Наций по итогам сессии был выдержан в самый общих формулировках. ПМК выражала готовность разработать критерии оценки уровня развития подмандатных территорий в целом и Ирака в частности и определить условия отмены мандата. Она также сообщала, что «получила информацию от аккредитованных представителей некоторых стран» о наличии в Ираке препятствий в деле освоения нефтяных ресурсов, и рекомендовала «обязать державу-мандатария в следующем ежегодном отчете подробно осветить этот вопрос». Далее ПМК отмечала исключительную значимость нефтяного сектора для экономики молодого государства и в этой связи считала, что Багдад, действуя под контролем мандатной администрации, должен «рассмотреть возможности для обновления старой концессии и выдачи новых концессий, наложив на компании такие обя-

зательства, которые будут способствовать становлению нефтяной индустрии Ирака»[4].

Содержание и тон доклада свидетельствовали о том, что ПМК была намерена связать вопрос предоставления Ираку независимости с перспективами развития нефтяной отрасли его экономики. 13 января 1930 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию, обязав комиссию «изучить проблему и наметить в первом приближении общие критерии отмены мандатного режима, которые могли бы послужить основой для обсуждения»[5].

Ответ британского правительства на петицию БОД от 27 мая был передан в секретариат Лиги Наций в виде меморандума 3 декабря 1929 г., уже после завершения сессии ПМК. В нем указывалось, что иракское правительство, предоставляя ИПК отсрочку, не превышало своих полномочий, прописанных в конституции страны. Речь шла не об увеличении 75-летнего срока концессии, но лишь о продлении первого, подготовительного периода, поэтому в санкции парламента не было необходимости. «Требуемая ИПК отсрочка нужна не для выбора участков, но чтобы сконцентрировать усилия компании на изучении условий коммерческого развития уже обследованных районов, маркетинга, организации изыскательных работ по сооружению нефтепровода к Средиземному морю», — отмечалось в меморандуме. Кроме того, ИПК, по мнению Лондона, не должна «растрачивать энергию и финансовые средства на исследование участков, которые в дальнейшем будут сданы в аренду другим компаниям».

Относительно предложений БОД, отвергнутых Багдадом, британская сторона утверждала, что они были изложены в устной форме, «не содержали ничего конкретного, что могло бы стать предметом переговоров», и имели целью «обеспечить интересы компании на публичных торгах». По этим причинам они стали неприемлемы для иракских властей. Также Лондон считал безосновательными заявления БОД о том, что мандатная администрация создавала благоприятные условия для ИПК и на иракский кабинет было оказано давление. Далее Уайтхолл квалифицировал петицию БОД как «протест британской компании против иракского правительства, которое действует в полном соответствии с политикой британского правительства». Поэтому ПМК следовало рекомендовать БОД «переадресовать свои претензии в британский суд, в компетенцию которого входит урегулирование

разногласий по экономическим соглашениям» между двумя британскими субъектами[6].

Поскольку заседания ПМК и Совета Лиги Наций проходили при закрытый дверях, о запросе БОД пошли разнообразные слухи[7]. Так, например, 13 ноября 1929 г. влиятельный печатный орган французских промышленных кругов «Журнэ Индустриэль» сообщил, что на вопрос Совета Лиги о состоянии нефтяных дел в Ираке английский представитель якобы ответил полным молчанием. Редакция расценивала это как признание того факта, что в стране приостановлены все исследовательские работы[8]. Заявления подобного рода не могли остаться незамеченными, они требовали ответа, который был дан на страницах британского нефтяного официоза «Петролеум Таймс» и французского «Ле Курье де Петроль». Ответ этот явно исходил с Даунинг-стрит и Кэ д'Орсэ*, причем был назван «нейтральный» и внушающий доверие источник — дипломатические донесения американского консула в Багдаде Рэндольфа, основанные на конфиденциальных отчетах ИПК иракскому правительству. Из материалов обоих журналов следовало, что в 1927—1929 гг. общий объем буровых операций в Ираке составил 73 тыс. футов (21 900 м), в том числе 13—14 тыс. м в Баба-Гургур и Нафт-Хана (примерно в равных количествах). В 1930 г. ИПК планировала увеличить объемы пробного бурения до 20 тыс. м[9].

Через несколько месяцев мировой общественности были представлены уточненные цифры, опубликованные в ежегодных британских отчетах Совету Лиги Наций по Ираку за 1928 и 1929 гг., а также в докладе Кэдмана на собрании акционеров АПНК по итогам деятельности компании за 1929 г. Во всех документах приводились одинаковые показатели буровых работ ИПК: 1927 г. — 14 647 футов (4833 м), 1928 г. — 17 781 фут (5868 м), 1929 г. — 43 747 футов (14 436 м). ИПК исследовала 21 район, и в 11 из них (в Киркуке) были обнаружены нефтяные структуры промышленного масштаба (см. Приложение I, карта 3). В целом компания пробурила 76 175 футов (22 852 м), более чем вдвое превысив требуемый по соглашению объем, и основная часть работ была выполнена в 1929 г.[10] Эти данные совпадают с цифрами, имеющимися в архивах британского нефтяного департамента. Анализируя обширные статистические отчеты ИПК за 1929 г., эксперты указанного ведомства, кроме

* Набережная в Париже, где находится МИД Франции.

того, отмечали, что компания полностью укомплектовала 7 продуктивных скважин, которые уже могут начать добычу нефти на экспорт и обеспечить полную загрузку будущего нефтепровода[11].

Таким образом, следует признать, что изыскательные работы в Ираке в 1927–1929 гг. велись достаточно интенсивно, несмотря на депрессию на мировом рынке нефти. Но правление ИПК не афишировало масштабы и результаты своих исследований, чтобы не привлекать внимания конкурентов и не форсировать проведение первого аукциона «внешних участков»[12]. Почти все скважины действительно были законсервированы до пуска в эксплуатацию нефтепровода, но условия его сооружения пока не были согласованы. Вместе с тем как бы ИПК ни стремилась к конспирации, под давлением внешних политических факторов она была вынуждена постепенно приподнимать завесу секретности. О размахе ее операций в те годы можно было судить по отчетам АПНК и КФП, которые, имея в составе акционеров соответственно британское и французское правительства, были подотчетны своим парламентам, и по этой причине их деятельность не могла полностью ускользнуть от общественного контроля.

Отрывочные и противоречивые сведения, проникавшие в печать, слабая информированность заинтересованных правительств и финансово-промышленных групп ряда европейских стран в очередной раз породили в широких кругах мировой общественности разговоры о нежелании ИПК в ближайшем будущем разрабатывать нефтяные ресурсы Ирака. В качестве аргументов в пользу данного предположения аналитическая печать конца 1920-х — начала 1930-х годов указывала на низкую конъюнктуру мирового рынка нефти и стремление ведущих трестов, которые уже располагали достаточным количеством источников для удовлетворения текущего спроса, стабилизировать добычу. В условиях, когда были открыты и введены в эксплуатацию богатые месторождения в США, Венесуэле и Колумбии, консервация которых являлась весьма затруднительной, считалось нерациональным дополнять их новым производственным районом[13].

Действительно ли дело обстояло таким образом? Возможно ли, чтобы ИПК, будучи коммерческой организацией, инвестировала крупные суммы в нефтяную отрасль Ирака и удовлетворилась лишь разведкой? Помимо непреложной истины о том, что капиталы должны быть в обороте и не оставаться без движения, отметим

ряд новых факторов, которые вступили в действие к концу 1929 г. и создавали благоприятные условия для начала форсированной разработки иракских месторождений.

Во-первых, мировая добыча нефти продолжала расти. В 1929 г. ее объемы увеличились на 22,3 млн. т по сравнению с 1928 г., в течение 10 лет — на 136,9 млн. т (74,3 млн. т в 1919 г. и 211,2 млн. т в 1929 г.) или в среднем — на 13,7 млн. т в год. Первые партии иракского экспорта не должны были превышать 4 млн. т в год, что составляло менее 2 % мировой добычи 1929 г., около 18 % увеличения предыдущего года и менее 30 % среднегодового прироста 1920-х годов. Столь незначительные по сравнению с мировыми показателями объемы иракской нефти не могли играть решающей роли в ценообразовании и повлиять на стабилизацию добычи в особенности, когда в ряде стран она продолжала быстро повышаться[14]. Фактически стабилизация отсутствовала. В условиях, когда потребности в нефтепродуктах постоянно возрастали благодаря развитию автомобилизма, моторного судостроения, военной отрасли и т.п., по сути, речь уже велась не о стабилизации, а рационализации, т. е. предотвращении слишком большого временного расхождения между спросом и предложением. Рационализация же добычи не противоречила вводу в эксплуатацию нефтепромыслов Ирака[15].

Во-вторых, по сравнению с традиционными нефтедобывающими центрами Киркук имел ряд преимуществ, прежде всего выгодное географическое положение (см. Приложение II, таблица 5). Бесспорную транспортную ренту нефть Северного Ирака могла дать для всего Средиземноморья и Ближнего Востока. Нефтяные поставки из Америки, Румынии, СССР, Персии и Голландской Ост-Индии в эти районы шли через узкие каналы (Суэц, Дарданеллы, Гибралтар), которые оказывались под угрозой закрытия во время войны. Этот стратегический фактор, помимо низкой себестоимости киркукской нефти и экономии во фрахте, имел для средиземноморских стран и прилегавших к ним рынков, а тем более для таких ведущих держав, как Англия и Франция, исключительное значение. Сирия, Ливан, Палестина, Трансиордания, французская Северная Африка относились к территориям, где в силу политических и географических условий иракская нефть получала монопольное положение. С географической точки зрения естественными для нефтяного экспорта Ирака были динамично развивающиеся Греция и Турция. В целом, учитывая высокую емкость указанных нефтяных

рынков, можно было предположить, что с момента своего появления здесь иракская нефть становилась чрезвычайно важным фактором нефтяной торговли этих двух регионов[16].

В-третьих, когда Международный нефтяной картель начал на практике проводить в жизнь принципы Акнакаррийского соглашения, принцип прикрепления рынков сбыта к географически тяготеющим к ним производственным районам изменил соотношение сил в ИПК. В этой связи вопрос о темпах разработки иракской концессии стал приобретать особое значение для английских и американских владельцев компании.

Нефть группы «Стандард Ойл» на 98 % была американского происхождения, т. е. добывалась вдали от основных рынков сбыта Восточного полушария. Это обеспечивало преимущества ее традиционному сопернику — тресту РДШ, который располагал здесь довольно внушительной производственной базой. Прямая выгода диктовала американскому капиталу стремление добывать нефть по соседству с рынками сбыта, и уже поэтому он должен был быть заинтересован в развитии иракских промыслов. Стоило американским компаниям с началом интенсивной разработки Киркука стать «законными» производителями нефти в этой части света, как они получали основание не только для защиты своих позиций в Европе и на Ближнем Востоке, но также для энергичной экспансии в районе Индийского и Тихого океанов.

Предназначавшаяся НИДК доля иракской нефти распределялась между американскими владельцами следующим образом: до 350 тыс. т — для «Сокони-Вакуум», которая ориентировалась на ближневосточные и балканские рынки; до 650 тыс. т — для «Стандард оф Нью-Джерси» и «Галф Ойл». Последние проявляли особый интерес к Франции и намеревались направить туда большую часть своего экспорта из Ирака. С этой целью ими был построен нефтеперегонный завод близ Гавра мощностью около 1 млн. т в год[17]. Иными словами, американские, впрочем как и английские, участники иракской концессии связали себя с новой нефтяной политикой Франции, построив там крупные перерабатывающие комплексы. Аналогичная ситуация складывалась и в других странах Европы, например в Италии. Хотя иракская продукция не могла потеснить советский нефтеэкспорт и повлиять на увеличение доли участия «Стандард Ойл», РДШ и АПНК в нефтеснабжении страны, все же часть сырой нефти, ввозимой мировыми трестами

в Италию, могла поставляться не из Персии, Южной Америки и США, а из Ирака.

Англо-голландский капитал тоже искал новые средства борьбы с угрожающей активностью американского конкурента в Западной Азии, которая не только для английской нефтеторговли, но и для британской имперской политики имела ключевое значение. В арсенале этих средств важная роль отводилась принципу районирования нефтеснабжения. АПНК, заменяя часть персидского экспорта в Европу нефтяной продукцией Киркука, могла миновать высокие тарифы Суэцкого канала. Основные объемы своей доли иракской нефти (до 1 млн. т в год) компания планировала направить в Англию. Освобождавшаяся часть персидской нефти после ее переработки в Абадане переориентировалась на емкие рынки Индийского океана и Дальнего Востока, где разворачивалась борьба с американским соперником, а также в Восточную Африку и на снабжение самого Ирака. Кроме того, АПНК, заручившись согласием Уайтхолла, в перспективе собиралась использовать нефтепровод ИПК для перекачки на экспорт нефти, добытой ею в Ханакине и некоторых районах Южной Персии[18].

По сравнению с другими участниками ИПК трест РДШ в меньшей степени был заинтересован в выполнении своих концессионных обязательств в Ираке. Располагая иными нефтяными источниками в Восточном полушарии, он предпочитал держать под своим контролем богатые иракские месторождения, чтобы не допустить к ним конкурентов. Но Детердинг все же был вынужден отказаться от оппозиционной линии в мосульском вопросе ввиду обострения нефтяного соперничества в Европе, вызванного не в последнюю очередь успешным продвижением советского нефтеэкспорта[19].

Часть иракской нефти, добытая для РДШ (около 1 млн. т в год), была сориентирована на потребительские рынки Европы и Ближнего Востока. Для ее очистки в распоряжении треста имелся завод в Суэце мощностью 550 тыс. т в год, который работал на сырье из Египта (50 %), Персии, Голландской Ост-Индии и Румынии. Продукция Ирака должна была частично заменить эти поставки[20]. Оставшуюся часть (около 700 тыс. т) группа «Шелл» предполагала использовать в Европе, где она также была владельцем перерабатывающих заводов. Ввод в эксплуатацию Киркукского нефтяного района давал тресту преимущества в конкурентной борьбе на сре-

диземноморских и европейских рынках, прежде всего с румынской и советской нефтью[21].

Включение Ирака в мировую нефтеторговлю должно было негативно отразиться на экономике СССР в плане сужения числа емких рынков сбыта и, как следствие, ограничения крупного источника валютных поступлений. В этой связи европейские эксперты утверждали, что СССР попытается помешать, насколько это возможно, появлению иракской нефти на рынках Средиземноморья. Действительно, с начала 1930-х годов иракский нефтяной фактор стал оказывать опосредованное влияние на формирование ближневосточного курса Москвы в плане создания условий для раскола среди мировых трестов и западных держав, а также укрепления советских позиций в Персии[22].

В-четвертых, решение вопроса о темпах разработки иракской нефти в немалой степени находилось под влиянием факторов «высокой» политики. Владельцы ИПК были ограничены в действиях, поскольку за их спиной стояли государственные интересы Англии, Франции и США, для которых концессия в Ираке имела прежде всего политико-стратегическое значение, хотя экономические аспекты также принимались в расчет. Подписание «Соглашения о красной черте» свидетельствовало о достижении некоторого политического равновесия на Ближнем Востоке. И если даже оно было неустойчивым и не имело шансов сохраниться надолго в силу наличия углублявшихся противоречий между заинтересованными в этом регионе великими державами, все же временный баланс сил был благоприятным условием для ввода в эксплуатацию Киркукского нефтедобывающего района.

Победа Гувера на президентских выборах в США и приход к власти лейбористского правительства в Англии в известной мере стали символом нового этапа в развитии международных отношений. Избрание Гувера означало, что США не отказываются от своих интересов в Восточном полушарии и готовы ради их реализации к проведению более гибкой внешней политики. Лейбористская партия, в свою очередь, являлась преемницей традиций Британской империи: кабинет Р. Макдональда был намерен использовать все средства для восстановления мирового лидерства Великобритании или, как минимум, закрепления за ней достигнутых позиций и предотвращения ее дальнейшего ослабления. Поскольку обе державы активнее стали прибегать к методам дипломатического

маневрирования, конец 1920-х годов ознаменовался внешним сглаживанием англо-американских противоречий, хотя воспроизводство их на расширенной базе было неизбежным.

В марте 1929 г., когда Гувер приступил к исполнению обязанностей президента, был опубликован третий доклад Федеральной комиссии США. В нем указывалось, что хотя пессимистические прогнозы об истощении запасов нефти в стране не оправдались, расширение американского участия в освоении иностранных нефтяных районов приобретает особую актуальность[23]. Основной мотив доклада отвечал духу нефтяной политики новой администрации, а также ее общей внешнеполитической стратегии планомерного и методичного наступления по всему мировому экономическому фронту. Хотя послевоенное десятилетие прошло под знаком «охраны национальных нефтяных ресурсов» и было заполнено продвижением американских интересов за рубежом, открывавшийся период обещал еще большую активность в этом отношении. Гувер в прошлом был одним из ведущих горных инженеров страны и продолжал поддерживать связи с нефтяной индустрией. В его лице американский капитал в целом и нефтяная отрасль в частности получили президента, ориентированного на усиление экономической экспансии США. Поэтому приход Гувера в Белый дом имел в основном внешнеполитическое значение и стимулировал более тесные контакты между нефтяными кругами и правительством. Вместе с тем, в отличие от Лондона и Парижа, до 1939 г. Вашингтон продолжал избегать методов прямого давления на американские нефтяные компании в вопросах их концессионной политики[24].

Участие американского капитала в нефтяных предприятиях на Ближнем Востоке укрепляло позиции США в этой части земного шара и готовило почву для дальнейшего наступления на британское лидерство в Восточном полушарии. В вопросе о темпах разработки иракской концессии французские и американские интересы в определенной степени стали совпадать, разрушая тем самым единый фронт англосаксонских держав против Франции и способствуя положительному разрешению этой проблемы.

Пока у власти в Англии находились консерваторы, отстаивавшие приоритеты частного капитала, в британских правящих кругах было много сторонников неспешного освоения нефтяных источников Ирака. Возвращение лейбористского кабинета вновь привело к преобладанию в нефтяной политике страны общегосударственных

интересов[25]. С началом иракского экспорта Англия обеспечивала постоянные нефтяные поставки своим военно-морским силам, базировавшимся в Средиземном море. Несравненно выгоднее было иметь производственную базу именно здесь, чем в Персидском заливе: наличие такого центра было очень важным для снабжения британского флота жидким топливом, без которого Англия не могла поддерживать своего морского могущества. Это преимущество стало решающим для Уайтхолла. Поскольку владельцем контрольного пакета акций АПНК было британское правительство, эта компания одобрила идею форсированной эксплуатации Киркукских промыслов. Немаловажную роль в этом вопросе, кроме того, играл конфликт АПНК с Тегераном, а также активность советской дипломатии в Персии. Группа «Шелл», а за ней и глава треста РДШ Г. Детердинг тоже были вынуждены скорректировать свою коммерческую политику с учетом нового нефтяного курса лейбористов[26].

Появление иракской нефти должно было вызвать наибольшее изменение в экономике Франции. Здесь в общем нефтяном потреблении 4,5–5 млн. т в год продукции Киркука отводилось 1,5–1,7 млн. т, в том числе 1 млн. т должна была поставлять КФП, мощность перерабатывающих заводов которой достигла 2 млн. т, до 700 тыс. т — американские участники ИПК. В итоге с получением сырой нефти из Ирака французский рынок значительно сужался для поставок из США, Персии и СССР[27].

Среди мер, предпринятых Парижем с целью воспрепятствовать англо-американскому сближению в мосульском нефтяном вопросе, особо следует отметить занятую им позицию в отношении проблемы национальных и религиозных меньшинств, которая была поднята в Женеве в связи с предстоящей отменой мандатного режима в Ираке. Ассирийцы и некоторые курдские племена требовали сохранить иностранную опеку и отказывались переходить под юрисдикцию арабского правительства, поставив под сомнение его желание и способность обеспечить их права[28]. Франция поддерживала протест тысяч христиан Мосульского района, ссылаясь на свою традиционную политику защиты христианских общин на Ближнем Востоке. Французские дипломаты убеждали ПМК в том, что Ирак не готов к независимости и такой преждевременный шаг может серьезно стеснить положение западных держав в других мандатных странах[29]. Действия Парижа в значительной степени были нацелены

на разрушение англо-американского альянса в ИПК и вынуждали Лондон к уступкам при выборе маршрута нефтепровода.

В-пятых, весомый вклад в решение о начале разработки иракской нефти в кратчайшие сроки внесла БОД. Ее демарш в Лиге Наций привлек внимание мировой общественности к деятельности ИПК и спровоцировал очередной международный ажиотаж вокруг нефтяных ресурсов Ирака. После осенней сессии ПМК в 1929 г. круг конкурентов ИПК стал снова расширяться.

В январе-феврале 1930 г. представитель американской «Гетти Ойл» Г. Макомбер обратился в консульство США в Багдаде с жалобой на действия иракского правительства, которое отказывалось принимать заявку компании на участие в аукционе «внешних участков». Ситуация усугублялась слухами о том, что с БОД уже ведутся неофициальные переговоры. Инструкции Вашингтона свидетельствовали о его «творческом» подходе к решению проблемы. С одной стороны, госдепартамент подчеркивал исключительную значимость принципа «открытых дверей» в деле предотвращения дискриминации американских интересов в мандатных странах. С другой стороны, он считал, что данный принцип уже нашел свое воплощение в концессии ИПК и участии группы ведущих нефтяных компаний США в этом многонациональном объединении. Поэтому консулу рекомендовалось, «исходя из ситуации на месте, поддержать любые американские фирмы, которые ищут дипломатической помощи в вопросе проникновения на иракские нефтяные месторождения, но только в рамках концессионного соглашения 1925 г.». На деле такая помощь должна была ограничиваться получением гарантий того, что «американские заявки будут приняты к рассмотрению иракскими властями» в ходе проведения тендера[30].

«Исходя из ситуации на месте», а именно ввиду продолжающегося нажима «Гетти Ойл», А. Слоун встретился с представителями иракской администрации и ИПК. Исполнительный директор компании не скрывал от дипломата того факта, что ИПК рассматривает принцип «открытых дверей» применительно к Ираку как «отслуживший свое» с момента согласия американской группы войти в ее состав. «Действия британских и иракских должностных лиц, а также правления ИПК свидетельствуют об их стремлении пересмотреть условия концессии, касающиеся политики “открытых дверей”, — сообщал консул в Вашингтон. — И пока официальные лица не изменят своей позиции, американские конкуренты,

без сомнения, натолкнутся на непреодолимые трудности в этой стране»[31]. В ответной депеше Слоуну были даны указания «подробно докладывать о ходе переговоров с ИПК, в которых госдепартамент весьма заинтересован». Аналогичные инструкции получил американский посол в Лондоне[32].

Главное дипломатическое ведомство США явно уклонялось от очередной конфронтации с Форин Оффис. Дипломатическая поддержка уже обеспечила американскому нефтяному капиталу в 1920-е годы точку опоры на Ближнем Востоке — в Ираке. Тот факт, что Вашингтон не стал выносить на обсуждение с Лондоном вопрос о правах «Гетти Ойл», объяснялся его стремлением использовать лозунг «открытых дверей» только в принципиальных случаях, чтобы не снижать его действенность в будущем[33]. Поэтому после подписания «Соглашения о красной черте» госдепартамент скорее следил за тем, чтобы американские интересы в Ираке были обеспечены правами в той же мере, что и британские[34]. Эти гарантии были зафиксированы в англо-американо-иракской конвенции от 9 января 1930 г.[35], и пока они выполнялись, США придерживались нейтральной позиции в конфликте между европейскими державами, разгоревшемся вокруг отмены мандата на Ирак в целом и в вопросе о продвижении американских аутсайдеров в эту страну в частности. Уайтхолл, в свою очередь, подписываясь под обязательством распространить права и привилегии британских граждан в Ираке и на граждан США, мог вполне определенно рассчитывать на нейтралитет Вашингтона в этих вопросах.

В начале 1930 г. помимо американцев в Ираке активизировалась БОД. 13, 16 и 24 января полковник Стэнли от имени компании передал иракскому премьер-министру и министру коммуникаций ходатайства с предложением начать переговоры о предоставлении эксклюзивных нефтяных прав на 24 «внешних участка», которые БОД сама отберет в течение года. В качестве залога выполнения последнего условия компания выражала готовность перечислить на иракский депозит 20 тыс. ф. ст. БОД обещала в течение 3 лет провести буровые операции общим объемом 45 тыс. футов (13,5 тыс. м), к концу указанного срока начать добычу нефти в размере не менее 1 млн. т и приступить к строительству нефтепровода к Средиземному морю, а также снабжать страну нефтепродуктами по заниженным ценам. В случае получения концессии компания резервировала за Багдадом 5 % своих акций с преимущественным

правом покупки еще 15 % по их номинальной цене в течение 5 лет. Иными словами, у правительства Ирака появлялась возможность приобрести 20 % участия в международном нефтяном предприятии, но не безвозмездно, а в счет арендных платежей БОД.

В сопроводительных письмах Стэнли отмечал, что данные предложения приемлемы для всех заинтересованных сторон — для иракских властей, ИПК и БОД. Он также сообщал, что компания изучила результаты германских геологоразведочных экспедиций довоенных лет в Мосуле и может с уверенностью утверждать, что земли за пределами Киркука располагают мощными нефтеносными структурами. Кроме того, Стэнли заострял внимание на том, что акционером БОД теперь является итальянская полуправительственная АДЖИП, которая планирует вывозить крупные партии сырья. Фактически в условиях мирового экономического кризиса компания гарантировала иракской нефти емкий потребительский рынок. БОД не сомневалась в том, что ее новые инициативы весьма выгодны для Багдада и непременно будут одобрены на ближайшей сессии парламента[36]. 5 апреля Стэнли передал правительству Ирака проект предварительного соглашения, которое предусматривало обязательства сторон в течение 90 дней после его подписания провести переговоры и утвердить условия концессии. Компания, кроме того, «в качестве жеста доброй воли» увеличила сумму, гарантирующую выбор участков в течение одного года, с 20 до 40 тыс. ф. ст.[37]

К этому времени к полковнику присоединились два члена правления БОД — Ф. Рикетт, доверенное лицо лорда Инверфорса, и генерал А. Мола от АДЖИП[38]. Помимо встреч с иракскими министрами они вели переговоры с представителем германского промышленного консорциума в Персии Томасом Брауном[39]. 12 апреля Стэнли известил иракский кабинет и британского Верховного комиссара в Ираке Ф. Хэмфри о том, что Рикетт и Браун подписали соглашение о передаче группе стальных магнатов из Рура («Гутехоффнугс хютте», «Отто Вольф», «Ферайнигде Штальверке») 15 % акционерного капитала БОД[40].

В приватном разговоре с британским бизнесменом в Тегеране Браун сказал, что весьма удовлетворен свершившейся сделкой и его не смущает столь малый холдинг. Он был уверен, что поскольку для итальянцев важен экспорт иракской нефти, германские акционеры, заинтересованные в поставках оборудования и материалов, получат до 40–45 % промышленных заказов компании. Браун также не

допускал, что ИПК приобретет нефтяную монополию и тем самым разрушит планы БОД. «Мои друзья считают, что можно разбить партию ИПК, устроив шумный скандал в Лиге Наций», — заявил он и добавил, что компания, кроме того, намерена обвинить американцев в попытке «закрыть двери» в Ирак с целью восстановления стабильности на контролируемом ими мировом рынке нефти. В заключение доверительной беседы, запись которой тем не менее сразу же была передана в Лондон, Браун сообщил, что БОД собирается строить нефтепровод на Хайфу, так как итальянская и германская группы не приветствуют французских амбиций развивать порт в Бейруте и контролировать средиземноморский выход региональных железных дорог, которые несомненно должны сооружаться вдоль его трассы[41].

Иракское правительство сочло предложения БОД весьма выгодными и решило дать согласие на переговоры. Но Хэмфри сумел убедить премьер-министра и министра коммуникаций в том, что в глазах мировой общественности Багдад проявит непоследовательность, если начнет сдавать в аренду территории, которые пока еще входят в состав концессии ИПК. Не скрывая своего сожаления, Нури Саид был вынужден известить генерала Мола о том, что кабинет пока неполномочен вести дела с новой компанией[42]. Тем не менее в качестве юридического советника БОД в Лондон был направлен Дауд аль-Хайдари, министр юстиции и близкий друг короля[43].

Неудача в Багдаде подвигла БОД на дальнейшие действия, нацеленные на ослабление позиций ИПК. Т. Браун выдвинул идею о целесообразности участия в БОД французского капитала, не представленного в КФП. Он считал, что на Кэ д'Орсэ не будут чинить препятствий, поскольку Франция, в отличие от других компаньонов ИПК, заинтересована в ускорении темпов разработки иракской нефти. После серии консультаций идея немцев получила одобрение в Париже и Риме, и в конце мая 1930 г. в состав БОД вошла франко-швейцарская группа[44].

Уставный капитал распределился следующим образом: британские интересы — 52%, итальянские — 24%, германские и франко-швейцарские — по 12%; совет директоров был сформирован из влиятельных представителей финансовых и промышленных кругов соответствующих стран[45]. Л. Пино, глава нефтяного департамента Франции, поставил ряд условий сотрудничества Парижа с БОД: со

временем французский холдинг необходимо увеличить до 25 % за счет сокращения британского; итальянский пакет акций не должен превышать французский; для сохранения свободы действий компании не следует включать в число своих акционеров правительство Ирака[46]. Очевидно, что Франция стремилась увеличить долю своего участия в нефтяных предприятиях Ирака за счет концессии БОД. Это стало дополнительным стимулом к поддержке Парижем итальянской, германской и швейцарской дипломатии давления на Лондон в иракском нефтяном вопросе.

«Эта перегруппировка сил произведена с прицелом на Женеву и сулит нам массу проблем, — комментировали реорганизацию БОД в министерстве по делам колоний. — Курьез ситуации заключается в том, что концессия ТПК 1925 г. была добыта в результате многочисленных интриг. В случае с БОД (комбинация британских, французских, итальянских, германских и швейцарских интересов) история повторяется, и вновь ставка делается на патриотические чувства каждого правительства»[47].

Действительно, БОД весьма успешно использовала слабые места национальной нефтяной политики Германии, Италии, Франции и Ирака с тем, чтобы заручиться поддержкой на правительственном уровне. Однако в случае с Уайтхоллом этот метод не действовал. Компания неоднократно пыталась добиться аудиенции на Даунинг-стрит, заверяла в своей приверженности принципам британской имперской политики и выражала готовность руководствоваться указаниями Лондона. В поисках дипломатической помощи британская группа порой переходила к методам шантажа. Например, она заявляла, что готова отказаться от части контрольного пакета акций в пользу французских, американских или даже сирийских потенциальных партнеров и приобрести преимущества по сравнению с ИПК в силу более широкого состава своих акционеров[48]. В министерстве по делам колоний признавали, что БОД «играет в серьезные игры», но в связи с неясной ситуацией в Багдаде и Женеве предпочитали «хранить молчание», ограничиваясь формальными ответами о том, что британское правительство не вмешивается в дела коммерческих компаний[49].

6 июня 1930 г., накануне 18-й сессии ПМК, БОД направила в Лигу Наций третью петицию. На этот раз компания сделала акцент на общей политике ИПК, которая «несовместима с жизненными интересами Ирака», так как она «проводится в русле

совместной политики мировых нефтетрестов» и нацелена на консервацию новых месторождений. В подтверждение БОД приводила выдержки из интервью Детердинга, опубликованного 5 апреля 1930 г. в ведущем французском издании[50]. В нем указывалось, что отказ от практики немедленного ввода в эксплуатацию новых районов нефтедобычи позволит уравновесить производство и потребление и преодолеть депрессию на мировом рынке нефти. В этой связи, как следует из приведенного БОД отрывка статьи, ИПК встала перед выбором: «целесообразно ли законсервировать нефтяные ресурсы Ирака на будущее, или исчерпать их в кратчайшие сроки, или, учитывая позицию Франции, выпустить на рынок четверть продукции иракских промыслов и законсервировать оставшуюся долю» других компаньонов. Далее БОД сообщала о том, что «приобрела статус многонациональной компании путем расширения состава участников» за счет итальянской АДЖИП, а также «влиятельных германских и швейцарских групп». В заключение она вновь настаивала на аннулировании концессии ИПК и выражала готовность разрабатывать иракскую нефть без отсрочек[51].

На заседаниях ПМК, проходивших в Женеве 18 июня — 1 июля 1930 г., вопрос об определении условий отмены мандата на Ирак, как и ожидалось, рассматривался во взаимосвязи с нефтяной проблемой. Представители Италии, Германии[52] и Швейцарии подвергли острой критике аргументы британской дипломатии, изложенные в ответном меморандуме на первый протест БОД. В данном деле они считали доминирующим политический, международный аспект и сходились во мнении о том, что «если законность концессии ИПК не вызывает сомнений с юридической точки зрения, то интерпретация условий нефтяного соглашения 1925 г. иракским и британским правительствами ставит вопрос о нарушении принципа экономического равенства на мандатных территориях». По мнению члена комиссии, профессора права Женевского университета М. Раппарда, «имел место акт фаворитизма со стороны державы-мандатария в отношении ИПК»[53].

Как уже отмечалось, эффективным инструментом давления некоторых европейских держав, добивавшихся ликвидации британской нефтяной монополии в Ираке, стала болезненная для Лондона проблема религиозных и национальных меньшинств. Члены ПМК предлагали учредить в Ираке пост постоянного представителя Лиги Наций, формально возложив на него обязательства

защищать права меньшинств. Британские дипломаты утверждали, что такое решение «будет рассматриваться иракскими властями как ущемление суверенитета страны» и спровоцирует подъем сепаратистских настроений. Не менее категорично они отвергали как «несостоятельную с административной и географической точек зрения» идею формирования на севере страны анклавов для курдов и ассирийцев[54]. Авторитетные исследователи считают, что на деле европейские государства никогда не пошли бы на предоставление автономии меньшинствам из-за угрозы создать опасный прецедент. Иракское правительство, со своей стороны, тоже не предпринимало особых усилий для разрешения этой проблемы, так как считало, что если ассирийцы и курды откажутся выполнять решения Лиги Наций и переходить под юрисдикцию арабского правительства, то Багдаду не в чем будет себя упрекнуть[55].

Докладывая Совету Лиги об итогах летней сессии, ПМК указывала, что пока не готова определить критерии отмены мандатного режима в Ираке ввиду недостатка информации. Комиссия хотела детально ознакомиться с некоторыми спорными вопросами, в частности касающихся прав меньшинств и соблюдения державой-мандатарием принципа «открытых дверей». Все эти проблемы подлежали обсуждению на следующей сессии в ноябре 1930 г.

Хотя британской дипломатии не удалось снять с повестки дня вопросы о нефти, в дни работы 18-й сессии ПМК ею были предприняты очередные шаги на пути к укреплению позиций Англии в Ираке. 30 июня 1930 г. был подписан новый англо-иракский союзный договор сроком на 25 лет, который формально признавал Ирак независимым государством. На деле британское правительство сохранило право консультировать Ирак по вопросам внешней политики и содержать свои войска на его территории[56]. За Англией признавались особые интересы в обороне Ирака, и вооруженные силы страны были поставлены под контроль английской военной миссии. Госаппарат и важнейшие отрасли экономики фактически оставались под контролем английских советников. Английскому капиталу были обеспечены преимущества в вопросах привлечения внешних инвестиций, в то время как другие иностранные коммерческие и производственные предприятия лишались своих привилегий, поскольку после отмены мандата Ирак освобождался от обязанности придерживаться политики «открытых дверей». Британский посол (бывший Верховный комиссар)

пользовался старшинством перед дипломатическими представителями других стран[57]. Лондон не скрывал своего триумфа: договор прочно гарантировал стратегические и экономические интересы Великобритании в Ираке[58]. 1 ноября 1930 г. он был ратифицирован иракским парламентом, но вступал в силу после приема Ирака в Лигу Наций.

Действия Уайтхолла вызвали крайне негативную реакцию на международной арене и новый всплеск оппозиционных настроений в Ираке. Особым нападкам европейской и багдадской прессы подверглись военные и финансово-экономические статьи договора. Ряд государств, прежде всего Италия, Германия и Франция, открыто обвиняли британское правительство в попытке создания монопольной сферы влияния в Ираке[59]. В результате к началу работы 19-й сессии ПМК (4–19 ноября 1930 г.) атмосфера в Женеве чрезвычайно накалилась. Годовой отчет державы-мандатария, протесты БОД, петиции курдских и ассирийских племен, англо-иракский союзный договор — все эти проблемы обсуждались в контексте грядущего вступления Ирака в Лигу Наций.

В первую очередь ПМК рассмотрела ответный меморандум британского правительства на третью петицию БОД, который был передан в Женеву 27 октября. Секретариат Лиги жестко отслеживал, чтобы Лондон не затягивал этот процесс[60]. Меморандум был подготовлен министерством по делам колоний в тесном сотрудничестве с Форин Оффис и нефтяным департаментом, а также с правительством Ирака и британскими директорами ИПК[61]. На Даунинг-стрит считали, что лучшим ответом на протесты БОД было бы подписание нового концессионного соглашения с ИПК, но Багдад явно не спешил, хотя выражал готовность выступить в защиту компании в Лиге Наций[62]. Поскольку аргументы БОД базировались на интервью Детердинга французской газете, к меморандуму прилагался его полный перевод на английский язык в сопровождении следующего комментария: «БОД привела цитаты вне контекста, что исказило общее содержание статьи... и превратно интерпретировала факты мировой нефтяной политики, переложив их на Ирак»[63].

Принципиальное согласие Лондона с положениями этой публикации свидетельствует о том, что она не ограничивалась рамками чисто коммерческих вопросов, но иллюстрировала тесную связь иракской нефтяной проблемы с реалиями мировой нефтяной индустрии и международной политики в целом. Кроме того,

глава треста РДШ фактически раскрывал роль иракской нефти во взаимоотношениях между участниками МНК и Францией, которая упорно продолжала двигаться к нефтяной независимости. Детердинг прибыл в Париж в апреле 1930 г. с целью отговорить правительство Франции от использования французской доли иракской нефти для поддержки малых национальных импортирующих фирм в их конкурентной борьбе с мировыми трестами на французском нефтяном рынке. Это было время, когда во Франции вводился в действие новый нефтяной режим и обсуждался проект очередного соглашения между французским правительством и КФП, которое более детально регламентировало деятельность компании и усиливало контроль над ней со стороны государства.

По мнению Детердинга, пример Англии «должен дать Франции пищу для размышлений»: имея контрольный пакет акций в АПНК и долю в иракской нефти, Уайтхолл был далек от мысли расширять государственное вмешательство в нефтяной рынок страны. Любой из партнеров ИПК, считал глава англо-голландского треста, «может заявить свои права на французский нефтяной рынок, и французское правительство неполномочно убирать своих партнеров по мосульской концессии из нефтяных предприятий Франции». Исходя именно из этих соображений, указывалось в публикации, французские правящие круги должны решать вопрос о том, «следует ли сохранить иракскую нефть в качестве резерва на будущее или лучше исчерпать ее в ближайшее время, что в случае с Францией означало бы выбросить на рынок четверть продукции мосульских месторождений». Попытки французских властей передать долю мировых трестов малым импортирующим компаниям, утверждал нефтяной магнат, обречены на провал, так как «в условиях кризиса выживают только крупные объединения... и французские потребители обречены переплачивать посредникам, каковыми только и могут стать малые фирмы».

Далее значительная часть статьи посвящалась методам оздоровления мирового рынка нефти. Детердинг акцентировал внимание на объективных законах развития нефтяной промышленности, которые предопределяют ее монополистический и интернациональный характер. Вмешательство государства в рыночные отношения — есть игнорирование экономических законов, утверждал он и приводил в пример «печальный» опыт Румынии: попытка освободить свою экономику от иностранного влияния путем

национализации нефтяных предприятий закончилась полным фиаско на внешних рынках, где румынская нефть не выдержала конкуренции с мировыми трестами.

Пример другой страны — Советской России, которая после национализации нефтяной отрасли сумела восстановить свои позиции в качестве влиятельного фактора мировой нефтяной торговли, явно не укладывался в схему Детердинга и был переведен в область «высокой» политики. «Франция хочет игнорировать большевизм, когда покупает для своего военно-морского флота 200 тыс. т нефтепродуктов у СССР и усиленно строит перерабатывающие заводы, куда должна поступать русская нефть, — заявлял он и указывал на разрушительные последствия «близорукой» политики Парижа. — Но если поддерживать большевизм, то Месопотамия станет большевистской, как Персия или Афганистан... И значит Франция потеряет свои миллионы, инвестированные в Месопотамию. Россия же добавит иракскую нефть к своей и станет главным монополистом среди стран-экспортеров»[64].

Помимо текста интервью Детердинга к меморандуму прилагалось письмо президента ИПК Кэдмана в британское министерство по делам колоний от 15 октября 1930 г. Оно в свою очередь сопровождалось стенограммой заседания правления компании, созванного 6 мая в Париже «в связи с лживыми обвинениями в адрес ИПК, появившимися в мировой прессе»[65]. Кэдман извещал о том, что иракское правительство располагает полной информацией о деятельности ИПК, которая к осени 1930 г. в 5,5 раз превысила объем пробного бурения, предусмотренный концессионным договором. Кроме того, «компания выплатила в иракскую казну 75 тыс. ф. ст. в качестве жеста доброй воли» и уже затратила в Ираке более 3,5 млн. ф. ст. Несмотря на крупные инвестиции, платежеспособность ИПК продолжает расти и, по мнению Кэдмана, не идет ни в какое сравнение с БОД, «неизвестной мелкой фирмой, у которой за душой всего несколько тысяч фунтов». «Правление ИПК ориентировано на скорейший ввод в эксплуатацию иракских нефтяных месторождений», — заявлял далее президент и отмечал, что ИПК не намерена «делать публичные заявления для прессы», чтобы не накалять без того напряженную атмосферу вокруг нефтяных переговоров, конфиденциальность которых будет сохраняться до подписания финального соглашения[66].

Выражая одобрение тех положений, что были приведены в статье Детердинга и письме Кэдмана, британское правительство в заключительной части своего меморандума в очередной раз квалифицировало протесты БОД как несостоятельные с юридической точки зрения и указывало, что «действия БОД могут нанести серьезный ущерб переговорам, которые идут между иракским правительством и ИПК... Сейчас в Багдаде предметно обсуждается вопрос разработки нефтяных ресурсов Ирака в кратчайшие сроки и в максимальных масштабах», — говорилось в этом документе[67].

Делегаты от Швейцарии, Германии и Италии выступили с критикой нефтяной политики державы-мандатария. Выполняя решения предыдущей сессии ПМК, швейцарский дипломат М. Раппард детально ознакомился с материалами дела и пришел к выводу о том, что «концессия ИПК похожа на установление монополии и создает условия, позволяющие концессионеру не только не разрабатывать нефтяные ресурсы Ирака, но и исключить возможность их эксплуатации другими фирмами». По его мнению, «нынешняя кризисная ситуация и причины ее происхождения легко объясняются исходя из аргументов БОД, но с большим трудом — из аргументов ИПК и британского правительства». В этой связи Раппард настаивал, чтобы в распоряжение комиссии была предоставлена полная информация о ходе нефтяных переговоров и предполагаемом маршруте нефтепровода.

Ответы майора Г. Янга, заместителя британского Верховного комиссара в Ираке, были уклончивы и сводились к тому, что «сейчас не следует вмешиваться в переговоры между иракским правительством и ИПК, чтобы мандатную администрацию не обвиняли в лоббировании интересов британской компании». Настаивая на непричастности Уайтхолла к нефтяной политике Багдада, Янг отрицал и обязанность Англии как державы-мандатария официально подключаться к решению вопроса о выборе маршрута нефтепровода и форсировать его строительство помощью в переговорах ИПК с правительствами Сирии, Трансиордании и Палестины, по территориям которых могла пройти трасса. «Единственной основой, на которой может базироваться мнение комиссии, — это заявления аккредитованного представителя Англии и вера в его порядочность», — подвел Раппард итог дискуссии одного из первых заседаний, подчеркивая бескомпромиссность занятой Лондоном позиции

и нежелание последнего выносить иракскую нефтяную проблему на общее обсуждение[68].

При поддержке вице-председателя ПМК голландца М. Ван-Риза, француза М. Мерлина и некоторых других членов комиссии британская дипломатия вновь попыталась перевести болезненный вопрос о нефти в юридическую плоскость и поставить под сомнение полномочия ПМК выносить решения по проблемам, озвученным в протестах БОД[69]. По этой причине представители Италии, Германии, Франции и Швейцарии, добиваясь уступок от Англии, перешли к косвенным методам нажима. Критикуя новый англо-иракский союзный договор, французский дипломат заострил внимание на том, что в нем отсутствуют гарантии прав национальных и религиозных меньшинств. Обсуждая эту проблему, ПМК пришла к выводу о том, что Ирак не готов к независимости и держава-мандатарий еще не выполнила свои обязательства[70].

Англия оказалась в весьма стесненных условиях: в своих отчетах Лиге Наций она никогда не упоминала о неблагополучной ситуации в северных провинциях Ирака. Осенью 1930 г. возникла серьезная угроза вмешательства иракской правительственной армии в решение курдского вопроса. Очередное обострение обстановки в курдских районах Ирака укрепляло намерение ПМК изучить ситуацию на месте: большинство членов комиссии были бывшими колониальными администраторами с колоссальным личным опытом и знали цену официальным бумагам. Некоторые делегаты допускали, что курдские выступления спровоцированы английской администрацией, чтобы оказать давление на иракское правительство, затягивавшее с подписанием нового концессионного соглашения с ИПК[71]. Естественно, что Англия не хотела допускать инспекторов Лиги Наций в районы боевых действий.

В своем докладе по итогам сессии ПМК сообщала Совету Лиги Наций о том, что не смогла получить от британских представителей «конкретной информации о причинах отсрочки разработки нефтяных месторождений, уже открытых в Ираке». Комиссия считала, что официальных отчетов державы-мандатария недостаточно для того, чтобы сформировать объективное мнение об уровне развития Ирака и определить степень его готовности к независимости. Поэтому ПМК предлагала направить в Ирак независимых экспертов Лиги Наций и получить информацию из первых рук[72]. Фактически комиссия в очередной раз давала понять, что

положительное решение вопроса об отмене мандатного режима в Ираке зависит от уступчивости британского правительства в нефтяной сфере.

Таким образом, конфликт, разгоревшийся в Лиге Наций вокруг предоставления Ираку независимости, во многом имел нефтяную подоплеку. Действия Италии, Германии и Швейцарии, заявивших свои права на участие в освоении иракских источников нефти, создавали непосредственную угрозу реализации британского плана перехода к косвенным методам управления в Ираке при сохранении британского контроля над минеральными ресурсами, экономикой и вооружениями страны. Ситуация осложнялась отсутствием единого фронта, который Лондон мог бы противопоставить нажиму аутсайдеров. Франция, главный союзник Англии, пыталась воспользоваться ситуацией и вынуждала британское правительство к уступкам в решении мосульского вопроса. В то же время письменные гарантии Уайтхолла о предоставлении американским гражданам в Ираке тех же прав и преимуществ, которыми пользовались граждане Великобритании, обеспечивали невмешательство США в процесс принятия решения об условиях отмены мандата. Международные аспекты проблемы в совокупности с факторами экономического и политического порядка постепенно создавали благоприятную почву для начала разработки и экспорта иракской нефти, а также позволяли Багдаду включить переговоры с ИПК о пересмотре концессии в свою стратегию отмены иностранной опеки над страной.

---

1 Survey of International Affairs 1934 /Ed. by A. Toynbee. L., 1935. C. 194.

2 Report by Mr. Clauson on 16th Session of the PMC, Nov. 1929; Leclerc (British Residency, Geneva) to CO, 9 Nov. 1929 // PRO. CO 730/147/1, file 68354A.

3 Extract from Minutes of the Sixteenth Session of the PMC // Ibid. CO 730/158/7, file 78354A.

4 Ibid., The League from Year to Year. Geneva, 1931. C. 158–159; Memorandum on the Termination of the Mandatory Regime in Iraq. L., 1932. C. 33–35.

5 Minutes of the Eighteenth Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1930. C. 170.

6 Ibid. Annex 6 (A). C. 182–184.

7 В период работы 16-й сессии ПМК в английской прессе прошла волна публикаций в поддержку отмены мандата в Ираке. Среди таких материалов, помещенных на страницах британского полуофициоза «Нир Ист», лишь однажды было упомянуто о том, что в Женеве обсуждается нефтяной вопрос. В этой связи еженедельник, ссылаясь на высокопоставленные источники, сообщал, что «мандатные власти не контролируют деятельность частных компаний, таких как ИПК, которые действуют в Ираке и за его пределами исключительно по коммерческой линии» (The Near East and India. 14 Nov. 1929. С. 530). Не менее показателен и другой пример. Вплоть до осени 1930 г., когда Лига Наций опубликовала стенограммы и материалы 16–18-й сессий ПМК, Кэдман не мог получить на Даунинг-стрит копии петиций БОД. В британском министерстве колоний считали, что это «чрезвычайно деликатное дело», и никто из посторонних, включая президента ИПК и АПНК, «не должен знать полную картину». В этих условиях дипломаты просили Кэдмана снабдить их «весомой для Женевы информацией» об операциях ИПК и ХОК в Ираке (Minutes of CO, 28 Aug., 1 Oct., 7 Oct. 1930 // PRO. CO 730/154/2, file 78124).

8 *Худадов В.* Иракская нефть и средиземноморский рынок // Нефтяное хозяйство. 1930. № 4. С. 699.

9 Там же. С. 699–670; Petroleum Times. 2 Nov. 1929. С. 844.

10 Report on Administration of Iraq for the Year 1928. L. 1929. С. 113–114; Report Administration of Iraq for the Year 1929. L., 1930. С. 117–118; The Near East and India. 16 Oct. С. 437. 1930. Аналогичные данные с подробным описанием пунктов разведочного бурения ИПК в Ираке имеются в отечественных архивах (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 20–22, 42–44; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 30–31). Принимая указанные цифры в качестве наиболее достоверных, отметим все же определенную долю лукавства в последующих комментариях британского правительства и главы АПНК. Статья 5 концессионного соглашения 1925 г. гласила: «В течение 36 месяцев с момента подписания договора компания должна пробурить 36 тыс. футов, и в дальнейшем каждый год до ввода в эксплуатацию нефтепровода и начала экспорта нефти компания должна бурить не менее 12 тыс. футов, причем разведочные операции не должны превышать объема работ, достаточных для полного исследования участка». Учитывая, что буровые работы ИПК начались в апреле 1927 г., то к концу 1929 г. компания действительно более чем в два раза превысила требуемый объем (76 175 футов за 33 месяца). Но формально отсчет времени шел с момента выдачи концессии, и за истекшие с марта 1925 г. по декабрь 1929 г. 57 месяцев компания должна была пробурить 57 тыс. футов. Иными словами, ИПК действительно превысила требуемый объем операций, но не в два с лишним раза, а на 30 %. Кроме того, компания сконцентрировала основные работы в районе Баба-Гургур, вместо того чтобы тестировать участки в различных

частях концессионной территории, как это предусматривалось в соглашении.

11 Iraq Oilfield Operation in 1929: Memorandum by PD, Feb. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

12 Ibid.; Minutes of the Nineteenth Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1931. Annex 9(B). C. 181–182; Petroleum Times. 21 Sept. C. 557; 2 Nov. C. 844; 9 Nov. C. 893. 1929.

13 *Dobbs H.* Mosul Oil and the Pipe-Line // Nineteenth Century and After. Sept. 1930. C. 282; Нефтяное хозяйство. 1929. № 3. С. 458–460; *Худадов В.* Иракская нефть. С. 669–672; *Худадов В.* Иракский нефтепровод и перспективы развития иракской нефтяной промышленности // Нефтяное хозяйство. 1931. № 8–9. С. 176–178.

14 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 49–50. В Венесуэле, где нефтяная отрасль находилась под контролем групп «Шелл», «Стандард» и «Галф Ойл», только в течение 1928 г. добыча поднялась на 5,5 млн. т. В 1926 г. нефтяное производство в США подскочило с 2 млн. до 2,5 млн. барр. в сутки, что при более медленном темпе роста потребления привело к избыточному предложению и катастрофическому падению цен. На следующий год была выдвинута идея стабилизации и приняты меры для снижения добычи, но она все равно продолжала расти и в 1929 г. достигла 2,7 млн. барр. в сутки.

15 *Худадов В.* Когда можно ожидать начала разработки Месопотамского нефтяного района // Нефтяное хозяйство. 1929. № 5. С. 766; *Санталов А.* Предполагаемая роль иракской нефти на мировом рынке // Нефтяное хозяйство. 1934. № 10. С. 500; Petroleum Times. 9 Dec. C. 920. 1929; The Near East and India. 20 June. C. 791; 27 June. C. 819; 28 Nov. C. 587. 1929; Ibid. 19 June. C. 697–699; 26 June. C. 723–724. 1930.

16 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3483. Л. 27–29; *Худадов В.* Иракская нефть и средиземноморский рынок. С. 669–672; Внешняя торговля. 1934. № 4. С. 21.

17 *Санталов А.* Ук. соч. С. 499–500.

18 Memorandum by Gulbenkian, 9 Sept. 1930 // PRO. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; Dobbs. Op. cit. C. 284.

19 *Deterding H.* An International Oilmen. L., 1934. C. 91–96, 117–118; *Худадов В.* Иракский нефтепровод и перспективы развития иракской нефтяной промышленности. С. 176.

20 Египет, будучи достаточно крупным импортером нефти, располагал в то же время собственной добывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью. Эта страна была своего рода цитаделью треста РДШ на Ближнем Востоке. Иракская нефть могла стать мощным конкурентом, который вытеснял египетские нефтепродукты из Сирии и Палестины. Эти факторы способствовали изменению географиче-

ского направления экспортных и реэкспортных поставок египетской продукции (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3483. Л. 67–68; The Near East and India. 25 April. С. 526; 30 May. С. 693, 701. 1929).

21 Так, например, мировые тресты предполагали использовать иракскую нефть для нажима на Румынию, где производимые ею нефтепродукты в силу ряда причин имели низкую себестоимость; кроме того, страна практиковала экспортные пошлины. В условиях конкуренции с советским нефтеэкспортом «Шелл» продавала румынскую нефть по чрезвычайно низким ценам. Иракская нефть при тех естественных благоприятных условиях, которые имелись в ее добыче, а также с учетом экономии во фрахте, для мировых трестов обходилась, по крайней мере, не дороже, чем румынская. Поэтому тресты намеревались нажать на правительство Румынии в целях ликвидации экспортных пошлин и захвата той части румынской нефтепромышленности и нефтеэкспорта, которая пока еще находилась в руках «независимых» компаний (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3205. Л. 3–20; *Санталов А.* Ук. соч. С. 499–500).

22 *Миняжетдинов И.* Попытки прорыва советской «экономической дипломатии» в Ирак и советско-иракские торговые отношения в период 1924–1931 гг. (по архивным материалам) // Ученые записки Центра арабских исследований ИВ РАН. Вып. 4. М., 2006. С. 105–108.

23 В своей внешней нефтяной политике правительство США чрезвычайно нуждалось в авторитетных консультационных органах. В связи с этим в 1919 г. был создан Американский нефтяной институт, в 1924 г. — Федеральная комиссия по охране нефтяных ресурсов в составе четырех министров: внутренних дел, морского, военного и промышленности; при ней сформировалась научная рабочая группа во главе с руководителем Геологического бюро США. Занимая пост министра торговли и промышленности в кабинетах Гардинга и Кулиджа, Гувер также являлся членом Федеральной комиссии. Ее первый доклад был опубликован в 1926 г. и предвещал истощение нефтяных месторождений США через 6 лет. Третий доклад стал одним из последних документов, относящихся к президентству Кулиджа, и был утвержден комиссией в ее прежнем составе, т. е. с участием Гувера (Нефтяное хозяйство. 1930. № 2. С. 281–283).

24 *Randall S.* United State Foreign Oil Policy, 1919–1948. Kingston, 1985. С. 62–69; *Miller A.* Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980. С. 12–18, 30–31.

25 *Callaghan J.* Great Power Complex: British Imperialism, International Crisis and National Decline, 1914–1941. L., Chicago, 1997. С. 46–57; *Dann U.* British Persian Gulf Concepts in the Light of Emerging Nationalism in the Late 1920-s // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., 1988. С. 56–67; *Jones G.* The «Old Aunts»: Governments, Politicians and the Oil Business // Businessmen and Politics / Ed. by J. Turner. L., 1984. С. 154.

26 *Dobbs*. Op. cit. С. 284; *Dann*. Op. cit. С. 56; РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 37; Внешняя торговля. 1934. № 4. С. 21.

27 Весьма характерным в этом отношении стало заявление Анри Беранже в парламенте летом 1931 г. о том, что разработка перспективных месторождений Ирака позволит Франции освободиться от нефтяной зависимости СССР. Речь Беранже являлась официальным ответом министерства иностранных дел на запрос Сената во время рассмотрения очередного договора между французским правительством и КФП, одобренного палатой депутатов в марте 1931 г. (*Худадов В*. Иракский нефтепровод. С. 177).

28 Изначально ассирийцы-несториане проживали компактной 120-тысячной общиной в горном районе Турции Хаккиари, ныне расположенном на стыке границ Турции, Ирака и Ирана. Накануне и в годы Первой мировой войны они оказались в центре интриг великих держав, в окружении миллионов турок, арабов и персов. Результатом безуспешных попыток Стамбула привлечь ассирийцев на свою сторону стало массовое изгнание этих племен из Хаккиари и их переселение в страны Ближнего Востока, в том числе в северные районы Ирака, а также в среднеазиатские республики СССР. Наличие христианского населения в Мосуле значительно облегчило англичанам осуществление черчиллевского плана сохранения британского контроля над Ираком без оккупации. Ассирийские батальоны, численность которых в период мандата достигала 4–10 тыс. чел., заменили выведенные из страны сухопутные английские войска. Военная служба стала главным источником дохода для многих семей ассирийских беженцев, которые не только охраняли английские военные базы и стратегические объекты в Ираке, но также принимали участие в подавлении националистических выступлений курдов и арабов, чем спровоцировали их ненависть к ассирийцам в целом. Британское правительство неоднократно обещало решить ассирийский вопрос, но конкретных действий не предпринимало.

Курдское движение в Ираке в 1920-е гг. развивалось вне связи с выступлениями курдов в других странах. Шейхи курдских племен зачастую враждовали между собой и охотно шли на сговор с английскими и/или иракскими властями. Англия оказывала покровительство курдским лидерам, рассчитывая на их помощь в реализации своего плана создания из курдских областей Ирака, Турции и Персии буферного государства Великий Курдистан. Сотрудничество с курдскими вождями сопровождалось разжиганием национальной и межплеменной розни. Иногда Англия подогревала сепаратистские настроения курдов с целью добиться большей уступчивости со стороны иракского правительства. Так, например, Лондон использовал курдское восстание в Сулейманийе под руководством шейха Махмуда Барзанджи, выступавшего под лозунгом сохранения английского мандата над курд-

скими районами Ирака, для давления на Багдад при подписании союзного договора 1930 г. В районе Барзан с 1928 г. курды под руководством Ахмеда и Мустафы Барзани выступали за ликвидацию и английского, и арабского контроля над курдскими территориями.

29 Petroleum Times. 23 Nov. 1929. С. 1–15; *Dobbs*. Op. cit. С. 287–288; Survey of International Affairs. С. 112–187. Британская пресса тех лет неоднократно отмечала, что проблема расселения ассирийцев и курдов в Ираке используется рядом западных стран в качестве прикрытия для продвижения своих материальных интересов. Еженедельник «Нир Ист» в этой связи ссылался на нефтяные претензии Италии к Ираку и большой опыт Франции, которая, выступая в роли традиционной защитницы христиан, стремилась расширить свою сферу влияния на Ближнем Востоке. Журнал указывал, что проблема меньшинств в северных провинциях Ирака ставит под угрозу нефтяные интересы Великобритании и ее решение «чрезвычайно важно для мира» (The Near Eat and India. 7 Aug. С. 143; 16 Oct. С. 423. 1930; Ibid. 9 July. С. 31. 1931).

30 FRUS. 1930. Vol. 3. Washington, 1945. С. 309–311.

31 Цит. по: *DeNovo J*. American Interests and Politics in the Middle East. Minneapolis, 1963. С. 199.

32 FRUS. 1930. Vol. 3. С. 311. Переписка госдепартамента с американским консульством в Багдаде и представителями «Гетти Ойл» по вопросу о нарушении политики «открытых дверей» в Ираке продолжалась до ратификации нового соглашения между иракским правительством и ИПК в мае 1931 г.

33 *DeNovo*. Op. cit. С. 199–200; *Bilovich J*. The Quest for Oil in Bahrain, 1923–1930 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., 1988. С. 264–265; *Bryson Th*. American Diplomatic Relations with the Middle East. Metuchen, 1977. С. 102–103; *Shwadran B*. The Middle East, Oil and the Great Powers. N.Y., 1955. С. 242; *Stocking G*. Middle East Oil. A Study in Political and Economic Controversy. Nasville, 1970. С. 56.

34 *Baram Ph*. The Department of States in the Middle East 1919–1945. Philadelphia, 1978. С. 172.

35 FRUS. 1930. Vol. 3. С. 291–302.

36 Stanley (BOD) to Iraqi Minister of Communications and Works, 13 Jan. 1930; Stanley to the Prime Minister of Iraq, 16 Jan., 24 Jan. 1930; Extract from Report by HCr for Iraq, 13 Jan. 1930 // PRO. CO 730/158/7, file 78354A.

37 Stanley to the Prime Minister of Iraq: Draft of Provisional Agreement, 5 April 1930 // Ibid.

38 Ф. У. Рикетт, будучи членом правления двух компаний по морским перевозкам, принимал активное участие в создании БОД вместе с лордом Инверфорсом и адмиралом Вемиссом. В британских нефтяных кругах он считался «неблагонадежной персоной», его имя связыва-

лось с несколькими авантюрными предприятиями и его «разговоры на высоком уровне» воспринимались критически. Кэдман был уверен, что именно Рикетту принадлежала идея привлечь внимание Лиги Наций к ИПК. Он настоятельно рекомендовал Уайтхоллу внимательно следить за деятельностью Рикетта в Ираке. Генерал Армандо Мола в годы Первой мировой войны был членом Верховного совета союзников, и его военные заслуги были высоко оценены королем Италии. Мола так объяснял Фейсалу и Хэмфри свое участие в делах БОД: «Я не бизнесмен, но лишь растерянный солдат». Вместе с тем, в отличие от Рикетта, в Багдаде генерала всегда ожидал радушный прием. «Он весьма успешен в вопросах взаимопонимания с иракским премьер-министром», — отмечал Верховный комиссар (Extract from Report by HCr for Iraq, 7 May 1930; Minutes of CO, 15 March, 19 March, 2 May, 5 ug. 1930; HCr for Iraq to CO, Feb. 1930 // Ibid.; Cadman to CO, May 1931 // Ibid. CO 730/160/2, file 88001B).

39 Т. Браун являлся ключевой фигурой в переговорах между правительством Персии и группой влиятельных германских компаний об условиях строительства железной дороги от Персидского залива до Каспия. В британских дипломатических кругах Брауна характеризовали как «известного германского авантюриста британского происхождения», которому «не стоит доверять и шести пенсов». Он получил германское гражданство в годы Первой мировой войны, когда оставил свою работу в британской фирме в Басре и включился в деятельность германских агентов на Ближнем Востоке (Extract from Report by HCr for Iraq, 7 May 1930; Olive (British Legation, Tehran) to Rendel (FO), 4 May 1930; Rendel to Hall (CO), 1 July 1930, Hall to Campbell (CO), 15 July 1930 // Ibid. CO 730/158/7, file 78354A).

40 Extract from Report by HCr for Iraq, 7 May 1930; HCr for Iraq to CO, 14 April 1930 // Ibid.; *Grobba F.* Die Manner und Machte im Orient. Gottingen, 1965. С. 88. В апреле 1930 г. акционерный капитал БОД распределился следующим образом: британская группа — 51 %, итальянская группа — 34 %, германская группа — 15 %.

41 Record of a conversation between T. Brown and Mr. Lingeman, 28 April 1930; Olive (British Legation, Tehran) to Rendel (FO), 4 May 1930; FO to CO, 1 July 1930; CO to FO, 10 July 1930 // PRO. CO 730/158/7, file 78354A.

42 Extract from Report by HCr for Iraq, 7 May 1930 // Ibid.

43 Brook-Popham (Air Headquarter, Iraq Command, Hinaidi) to Newall (Director of Operations and Intelligence, Air Ministry, London), 19 May 1930 // Ibid. CO 730/154/2, file 78124.

44 Новыми акционерами БОД стали 9 нефтедобывающих и перерабатывающих компаний Франции, а также швейцарская корпорация «Свисс Бэнк» (Participation eventuelle groupments petroliers Francais a la BOD // Ibid. CO 730/160/2, file 88001B).

45 В совет директоров БОД вошли 6 британских представителей — Э. Маунтейн, председатель (исполнительный директор страховой компании «Игл Стар энд Бритиш Доминионс Эншюренс», член правления «Ковент Гарден Пропертиз» и 7 других фирм), Э. Мэнвилл (президент Федерации британских промышленников, член совета директоров 22 железнодорожных, автомобильных, оружейных и 6 нефтяных компаний, в том числе «Феникс Ойл энд Транспорт»), Ф. Бэйкер (член правления 13 промышленных и 3 нефтяных компаний), А. Диккенсон (директор «Бритиш Фосфат Компани»), У. Браун (представитель лорда Инверфорса, директор «Бритиш Юнион Ойл» и нескольких судовладельческих фирм), отставной адмирал лорд В. Вемисс и Ф. Рикетт. Италию представляли 4 директора (А. Мартелли, А. Петретти и В. Амаретти, соответственно президент, вице-президент и член правления АДЖИП, и генерал А. Мола), германский промышленный консорциум — Т. Браун, франко-швейцарскую группу — П. Жиро («Свисс Бэнк Корпорейшн»).

46 BOD Convention de Paris, 22 May 1930; Cadman to CO, May 1931; CO to FO, 20 May 1931 // PRO. CO 730/160/2, file 88001B; Extract from Report by HCr for Iraq, June 1930 // Ibid. CO 730/158/7, file 78354A.

47 Minute of Campbell (CO), 17 June 1930 // Ibid. CO 730/158/7, file 78354A.

48 BOD to CO: Memorandum for His Majesty's Government, 29 Jan. 1930; BOD to CO, 28 Oct. 1930 // Ibid.

49 Minute of Flood (CO), 28 Oct. 1930; CO to BOD, 31 Jan., 29 Oct. 1930 // Ibid.

50 L'opinion de sir Henry W.-A. Deterding sur le marche international du Petrole // L'Illustration economique et financiere. 5 Avril 1930 // Ibid. CO 730/154/2, file 78124.

51 Minutes of Nineteenth Session of the PMC. Annex 9(A). C. 177–178.

52 13 мая 1930 г. Людвиг Кассль завершил свою деятельность в ПМК, получив самые высокие оценки европейских дипломатов. Его преемником стал доктор М. Раппель, известный эксперт по колониальным вопросам, бывший глава министерства реконструкции и репараций Германии.

53 Minutes of Eighteenth Session of the PMC. C. 80–81, 157, 184.

54 «Мосул — интегральная часть Ирака, арабское государство не сможет выжить без Мосула», — писала британская проправительственная пресса и отмечала, что, например, автономный Южный Курдистан «очень быстро превратится в ночной кошмар», «приют для разбойников, которые будут жить за счет грабежа арабских провинций Ирака» (The Near East and India. 6 Oct. 1930. C. 423; Ibid. 8 Oct. 1931. C. 379).

55 *Longrigg S.* Iraq 1900 to 1950. L., 1953. С. 191–200; *Sluglett C.* Britain and Iraq, 1914–1932. L., 1976. С. 194; Survey of the International Affairs. С. 210–211; *Silverfarb D.* Britain's Informal Empire in the Middle East. Oxford, N.Y. 1986. С. 44.

56 Английские войска получили право оставаться на территории Ирака в течение 5 лет после вступления договора в силу; по истечении этого срока за Англией сохранялись две военно-воздушные базы в Хаббание (близ Багдада) и Шуайбе (близ Басры).

57 Англо-иракский договор 30 июня 1930 // *Ментешашвили Б.М.* Ирак в годы английского мандата. М., 1969. С. 258–261.

58 Memorandum on the Termination of the Mandatory Regime in Iraq. С. 32–33.

59 АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 11; The League from Year to Year. С. 154–156; The Near East and India. 7 Aug. С. 144; 28 Aug. С. 228; 18 Dec. С. 685. 1930.

60 Friis (Secretariat of the League of Nations) to Clauson (British Residency, Geneva), 13 Feb., 18 Feb., 8 July 1930 // PRO. CO 730/154/2, file 78124.

61 Minutes of CO, 20 May, 8 Aug., 28 Aug., 7 Oct., 10 Oct. 1930; CO to PD, 21 Aug., 15 Oct. 1930; CO to HCr for Iraq, 10 Oct. 1930; Cadman (IPC) to CO, 22 Aug. 1930 // Ibid.

62 HCr for Iraq to Prime Minister of Iraq, 13 Feb., 22 Sept., 13 Oct., 15 Oct. 1930; Iraqi Minister of Communications and Works to Prime Minister of Iraq, 14 Oct. 1930 // Ibid.

63 Minutes of Nineteenth Session of the PMC. Annex 9 (B). С. 178–179.

64 Ibid. Appendix I. С. 179–181.

65 Текст письма Кэдмана и протоколы заседания правления ИПК предварительно подверглись тщательной редакции в министерстве по делам колоний (Cadman (IPC) to CO, 13 Oct., 15 Oct. 1930; Minutes of CO, 10 Oct., 17 Oct. 1930 // PRO. CO 730/154/2, file 78124).

66 Minutes of Nineteenth Session of the PMC. Annex 9 (B). Appendix II. С. 181–182.

67 Ibid. Annex 9 (B). С. 178–179.

68 Ibid. С. 90–92.

69 Ibid. С. 102–103, 122–124, 150–152, 182–184. После изучения первых петиций БОД и меморандума британского правительства от 3 декабря 1929 г. ПМК направила в Совет Лиги Наций запрос с просьбой уточнить, какой юридический орган должен рассматривать жалобы компании и компетентна ли комиссия принимать решения по протестам подобного рода. До окончания работы 19-й сессии ПМК так и не получила официальный ответ (Extract from Minutes of the 62nd Session of the Council of the League of Nations // PRO. CO 730/154/2, file 78124;

Secretary General of the League of Nations (Geneva) to BOD, 7 Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/2, file 88001B.

70 Minutes of Nineteenth Session of the PMC. С. 153–156.

71 Ibid. С. 70–71, 78–90, 94–96. Аналогичного мнения придерживались и некоторые европейские информационные агентства. В иракской и персидской прессе поднялась кампания против британского журнала «Нир Ист», который обвинили в тенденциозной подборке материалов и стремлении запутать мировую общественность, представляя курдское движение как «националистические выпады отсталых племен против цивилизованной нации». Багдадские и тегеранские газеты в целом указывали две причины, почему Англия провоцировала курдов: желание обладать мосульской нефтью и традиционная британская политика «разделяй и властвуй». В ответной статье редакция еженедельника отвергала подобные обвинения, указывая, что «шейхи курдских племен преследуют исключительно личные интересы». «Не ясно, как беспорядки в Южном Курдистане могут способствовать реализации нефтяных интересов, и как принцип «разделяй и властвуй» может применяться в стране, которая рекомендуется в члены Лиги Наций?» — вопрошал журнал, но признавал тот факт, что мандатные власти уделяли недостаточно внимания проблемам меньшинств в Ираке и проводили ошибочную ассимиляторскую политику (The Near East and India. 12 Feb. С. 179; 30 April. С. 486; 11 June. С. 653; 8 Oct. С. 379. 1931).

72 Minutes of Nineteenth Session of the PMC. Annex 9 (E). С. 207–208.

ГЛАВА 4

ПЕРЕСМОТР КОНЦЕССИИ ИПК И ИЗМЕНЕНИЯ В БРИТАНСКОЙ СТРАТЕГИИ ОТМЕНЫ МАНДАТНОГО РЕЖИМА В ИРАКЕ, 1930–1931 гг.

В январе 1930 г. в связи с решением начать переговоры о пересмотре условий концессии ИПК правительство Ирака сформировало специальную комиссию в составе премьер-министра, министра коммуникаций и его британского советника Уитли, который регулярно информировал Лондон о ходе рассмотрения дела. Предложения, сделанные компанией 30 декабря 1929 г., обсуждались в течение 6 месяцев. 17 июня 1930 г. кабинет министров уполномочил Нури Саида встретиться с Кэдманом в ходе своего визита в Лондон и передать ему перечень обязательных условий ревизии концессии. К их числу относились: обязательный южный маршрут нефтепровода и создание терминала в Хайфе, строительство железной дороги Багдад — Хайфа, снабжение Ирака нефтепродуктами по заниженным ценам, ежегодная рента в 300 тыс. ф. ст. до начала регулярных отгрузок нефти на мировые рынки (в том числе 250 тыс. ф. ст. в виде невозвратных платежей) и минимальные отчисления с экспорта нефти в размере 400 тыс. ф. ст. в год. Взамен ИПК могла получить эксклюзивные права в вилайетах Мосул и Багдад на территории общей площадью 10 тыс. кв. миль.

Иракские власти понимали, что в состав новой концессии войдут почти все перспективные месторождения, которые вполне могут оказаться единственными в стране. Было очевидно, что речь идет об установлении нефтяной монополии, и нарушение принципа «открытых дверей» непременно вызовет протест на международном уровне. Однако решение Багдада мотивировалось тем, что ИПК располагает практически неограниченными финансовыми

и техническими ресурсами и способна в короткие сроки построить нефтепровод и железную дорогу. Кроме того, новое соглашение обеспечивало бюджет страны крупными валютными доходами задолго до начала экспорта нефти. Гарантией того, что ИПК будет развивать концессию быстрыми темпами, по мнению иракских министров, стали внушительные финансовые обязательства компании и упоминание в тексте договора конкретной даты завершения строительства нефтепровода[1].

Позиция Уайтхолла по вопросу о пересмотре концессии 1925 г. была выработана к началу июня в ходе серии межведомственных совещаний с участием Форин Оффис, министерства по делам колоний, нефтяного департамента, казначейства, Адмиралтейства и министерства военной авиации, а также с учетом мнений Верховных комиссаров в Ираке и Палестине, и утверждена комитетом по иракской нефти, созданном при кабинете министров[2]. Британское правительство считало, что под контроль ИПК по возможности должны перейти все нефтяные источники Ирака. Как следовало из результатов геологоразведочных операций, в большинстве своем они располагались в вилайетах Мосул и Багдад к востоку от р. Тигр. При этом британская дипломатия намеревалась доказывать в Женеве, что компания претендует лишь на одно месторождение Баба-Гургур, которое она успела изучить, и в Ираке имеются другие нефтяные поля. Поэтому Уайтхолл рекомендовал ИПК не пытаться зарезервировать свои права на некоторые перспективные районы на западном берегу р. Тигр, например в Гайяре. Лондон брал на себя урегулирование всех международных конфликтов, которые обязательно возникнут в связи со столь очевидным нарушением принципа «открытых дверей». В частности, британские делегаты должны были убедить ПМК в том, что эта политика ограничивает свободу действий подмандатного правительства, вынуждая его ориентироваться не на нужды своей страны, но на интересы стран — членов Лиги Наций[3].

Разногласия вызвал вопрос о размере невозвратной ренты: ИПК отказывалась поднимать ее выше 100 тыс. ф. ст. в год. Нефтяной департамент выступал в защиту компании, указывая, что эта сумма будет включена в себестоимость сырой нефти и может помешать успешному продвижению иракской продукции на мировых рынках. Остальные ведомства хотели успокоить Багдад, считавший, что низкий уровень ренты позволит ИПК не разрабатывать

концессию[4]. Также спорным стало требование иракского правительства о поставках нефтепродуктов по заниженным ценам. В этой связи нефтяной департамент подготовил обширный меморандум, в котором признавал, что нефтяной рынок Ирака — самый дорогой в регионе, хотя в стране ведется переработка собственной нефти. Сложившаяся «нездоровая» ситуация, по его мнению, была следствием непродуманной налоговой системы: иракские власти устанавливали чрезмерно высокие тарифы на транспортировку и продажу горючего[5]. Эту точку зрения разделял Верховный комиссар в Ираке Ф. Хэмфри, который неоднократно сообщал о некомпетентности некоторых высших иракских чиновников, в первую очередь министра финансов[6]. Несмотря на критические оценки экономической политики Багдада, Уайтхолл все же рекомендовал ИПК уступить и в этом вопросе[7].

Ключевой стала проблема с определением маршрута нефтепровода. ИПК склонялась к сирийскому направлению, и это в корне противоречило планам Лондона и Багдада. Британские директора в правлении ИПК не сомневались в том, что если они выступят в поддержку хайфской трассы, у их французских оппонентов будут хорошие шансы выиграть дело в международном суде. Неуступчивость компании создала напряженность в ее отношениях с британским правительством. В этой связи в мае 1930 г. министерство по делам колоний выдвинуло идею перебросить свою поддержку с ИПК на другую заинтересованную в иракской нефти фирму, но «менее авантюрную, чем БОД, за которой стоят грязные дела лорда Инверфорса»[8]. Форин Оффис считал, что это невозможно в силу обязательств Англии перед Францией и США: в соответствии с соглашениями послевоенного времени они потребуют выделить им долю, эквивалентную их холдингу в ИПК. Поэтому для продвижения британских нефтяных интересов в Ираке через ИПК оставался только путь компромисса с французским правительством[9]. Иными словами, Уайтхоллу следовало отказаться от идеи получить Хайфу в качестве единственного терминала на Средиземном море.

К этому времени комиссия Дэн-Тоули признала наиболее рентабельным сирийское направление по маршруту Киркук/Фата (на р. Тигр) — Абу-Кемаль (на р. Евфрат) — Тадмор/Пальмира — Хомс — Триполи. Но с учетом интересов Англии, Франции и Ирака она рекомендовала построить одновременно два нефтепровода с общим

участком до Абу-Кемаля, где одна ветка отходила бы на Триполи, а другая — на Хайфу. Этот компромисс был предложен президентом «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» У. Тиглом летом 1930 г. в ходе его делового визита в Париж и после серии консультаций на Кэ д'Орсэ. С экономической точки зрения сооружение двух веток было неоправданным, т. к. предполагало строительство дополнительных насосных станций, нескольких сот километров железных и шоссейных дорог, радиотелеграфных и телефонных линий, а также еще одного морского терминала, что влекло увеличение объема инвестиций на 2 млн. ф. ст. Но владельцы ИПК понимали, что финансовый аспект не являлся главным при решении проблемы транзита иракской нефти[10]. Тот факт, что инициаторами компромисса выступили американцы, свидетельствовал об изменении соотношения сил в ИПК. В вопросе об ускорении ввода в эксплуатацию киркукских промыслов Франция фактически получила союзника в лице американских компаньонов[11].

В ходе межведомственных совещаний было решено пойти на частичные уступки Франции: согласиться на второй терминал в Триполи и рекомендовать Багдаду снять возражения против северного маршрута, который, по мнению Уайтхолла, должен был стать лишь ответвлением от магистральной линии на Хайфу. По сирийской ветке перекачивалась бы четверть добываемой в Ираке нефти, и французская группа сооружала бы ветку нефтепровода за свой счет. При этом КФП освобождалась от расходов на строительство основной трассы на участке от точки бифуркации (разделение) до Хайфы, а издержки британских, голландских и американских партнеров увеличивались на 1/12 общей стоимости палестинской линии[12]. Кроме того, Лондон считал необходимым изменить точку бифуркации. Абу-Кемаль находился под юрисдикцией Сирии, и маршрут на Хайфу на большом протяжении пролегал бы вдоль сирийской границы. Британские военные ведомства предлагали выбрать пункт к западу или югу от Рутбы[13], это позволяло проложить нефтепровод рядом с трассой проектируемой железной дороги Багдад — Хайфа, что помимо военно-стратегических преимуществ снижало влияние конкурирующих железнодорожных линий Сирии. На Даунинг-стрит также были убеждены, что ИПК не следует резервировать для других потенциальных концессионеров право использовать свой нефтепровод, это могло быть предметом отдельных соглашений с компаниями-аутсайдерами[14].

13 и 24 июня 1930 г. премьер-министр Нури Саид и король Фейсал известили Лондон о том, что Хайфа должна стать единственным выходом иракской нефти к Средиземному морю, а нефтепровод обязательно должен сопровождаться железной дорогой. Они отмечали, что выполнение данных требований есть главное условие пересмотра концессии[15]. В связи с этими заявлениями британский комитет по иракской нефти предпочел не предпринимать пока каких-либо действий, допуская, что Кэдман уговорит иракского премьера на две ветки нефтепровода без вмешательства Уайтхолла[16]. Такие предположения основывались на том, что главной целью предстоящего визита Нури Саида в Лондон будут переговоры с правительством Англии о предоставлении Ираку финансовой помощи для покрытия дефицита госбюджета[17]. Авторитетный английский исследователь П. Слаглетт считает, что в условиях весьма сложной финансово-экономической ситуации 1930–1931 гг. у Багдада, по сути, не было иного выхода, кроме как пойти на уступки ИПК и выдать концессию, которая, несмотря на ее монопольный характер, позволяла получить стабильный приток валюты в иракскую казну[18]. Очевидно, именно в этом состояла истинная причина решения британского правительства воздержаться от вмешательства в нефтяные переговоры на правах державы-мандатария и оказать нажим на иракских политиков в пользу принятия сирийского маршрута, чего настоятельно требовал Париж[19].

Король Фейсал и Нури Саид прибыли в Англию в начале июля 1930 г. и в течение следующих 1,5 месяцев неоднократно встречались с Кэдманом. Уайтхолл не был официально представлен на переговорах, хотя Верховный комиссар в Ираке Ф. Хэмфри, который большую часть этого времени находился в Лондоне, принимал в них участие, выполняя указание склонить стороны к взаимным уступкам. Иракский премьер и президент ИПК в целом проявили готовность к компромиссу. Нури Саид в конечном итоге согласился разделить нефтепровод между двумя терминалами в Хайфе и Триполи при условии, что точка бифуркации будет располагаться вне Ирака (например, в Трансиордании или Палестине) и не менее 75 % нефти будет перекачиваться в Хайфу. Кэдман, в свою очередь, обещал добиться от совета директоров ИПК согласия на ренту в 400 тыс. ф. ст. (в том числе 200 тыс. ф. ст. в форме невозвратных платежей), минимальный объем отчислений с экспорта в 400 тыс. ф. ст. в год и обязательство снабжать страну дешевыми

нефтепродуктами. В случае, если компания проявит уступчивость, Нури Саид гарантировал, что иракский парламент санкционирует выдачу ей эксклюзивных нефтяных прав на территории, составляющей 25 % общей площади Ирака. Кэдман заявил, что владельцы ИПК одобрят новый проект соглашения еще до возвращения премьер-министра в Багдад[20]. Но он натолкнулся на серьезную оппозицию французской и американской групп, что задержало решение компании на два месяца.

Во время пребывания Нури Саида в Лондоне и дипломатического турне короля Фейсала по Европе представители конкурирующей БОД тоже встречались с обоими иракскими политиками. С одной стороны, компания делала очередные заманчивые предложения, обещая внушительную финансовую помощь после оформления концессии, и выражала готовность оплатить Ираку все судебные издержки, если права ИПК будут аннулированы и дело дойдет до международного арбитража. В Берлине Фейсал обратился к германскому правительству с просьбой официально поддержать БОД и группу Т. Брауна. В личной беседе с германским дипломатом Ф. Гроббой король сказал, что это укрепит позиции Багдада на переговорах с ИПК. На Вильгельмштрассе короля заверили в том, что такая поддержка будет оказана. С другой стороны, в Риме Фейсала поставили в известность о решении итальянского правительства препятствовать вступлению Ирака в Лигу Наций до тех пор, пока БОД не получит нефтяную концессию. Эта пропаганда возымела действие: в политических и общественных кругах Ирака появилось много сторонников передачи БОД нефтяных прав ИПК[21]. По требованию парламентской оппозиции был сформирован специальный комитет, в состав которого вошли представители различных политических партий; ему вменялось в обязанность подготовить доклад о ходе переговоров с ИПК и перспективах развития нефтяной отрасли страны[22].

Атмосфера вокруг нефтяных переговоров нагнеталась также противоречивыми сообщениями прессы об итогах визита Нури Саида в Лондон[23]. Немалый вклад в нарастание напряженности, кроме того, внес К. С. Гульбенкян, один из владельцев ИПК, который подготовил обширный меморандум и 9 сентября разослал его всем заинтересованным сторонам — группам ИПК, правительствам Ирака, Франции и Англии. В нем нефтяной магнат выдвигал ряд предложений по урегулированию взаимных разногласий и в поисках

компромисса рекомендовал исходить из реальных, а не декларируемых интересов каждого участника иракской концессии.

Гульбенкян весьма точно определял политические и экономические цели правительств Англии и Франции, а также мандатных властей Сирии и Палестины. Однако его оценка истинных намерений Ирака и англосаксонских групп ИПК оказалась достаточно спорной, что привело к неоднозначным выводам. Гульбенкян утверждал, что главная цель Багдада на переговорах с ИПК — получить источник регулярных поступлений в госбюджет и приступить к проведению программ экономической модернизации. Сирийский маршрут нефтепровода — это самый экономичный и быстрый путь доставки иракской нефти на мировые рынки, позволяющий нефтяным доходам пополнить иракскую казну в ближайшее время. Поэтому, считал он, власти страны должны согласиться на терминал в Триполи.

Далее Гульбенкян указывал, что ИПК как коммерческое предприятие тоже должна сделать выбор в пользу сирийского направления. Но англосаксонские компаньоны не заинтересованы в том, чтобы киркукская нефть конкурировала с их продукцией из других районов. Настаивая на Хайфе, они фактически пытаются задержать выход иракской продукции на экспорт. При этом АПНК также действует в рамках имперской британской политики на Ближнем Востоке, а коммерческие интересы мировых трестов — участников ИПК определяют их оппозицию в отношении французского курса на нефтяную независимость за счет Ирака. В то же время НИДК, по мнению Гульбенкяна, является слабым звеном в англо-американском нефтяном альянсе, поскольку государственные императивы не довлеют над ней в той же степени, как над АПНК и группой «Шелл». Следовательно, американцы могут принимать в расчет исключительно фактор экономической целесообразности и вслед за Багдадом согласиться на сирийскую трассу без каких-либо издержек со своей стороны.

Компромисс, с точки зрения Гульбенкяна, мог бы состоять в том, что ИПК в короткие сроки построит нефтепровод на Триполи. Это будет в интересах правительств Ирака и Франции, французской и американской групп, а также самого Гульбенкяна. В дальнейшем АПНК и РДШ могут за собственный счет сооружать ветку на Хайфу (например, из Абу-Кемаля, как предлагает комиссия Дэн-Тоули), чтобы «угодить британскому правительству», или,

когда они сочтут необходимым, выпустить иракскую нефть на мировые рынки, которые, по признанию магната, действительно пока не нуждаются в дополнительной продукции из Киркука; при этом обе группы должны выплачивать Ираку крупные суммы частично возвратных платежей. В заключительной части меморандума отмечалось, что в результате подобных взаимных уступок «общая атмосфера интриг прояснится, открыв двери дружескому компромиссу, все получат выгоду без ущерба для других оппонентов»[24].

Письмо Гульбенкяна произвело крайне неблагоприятное впечатление в Багдаде, и иракский поверенный в делах в Лондоне Х. Эфнан[25] заявил протест. АПНК и РДШ тоже утверждали, что их позиции были представлены неверно и Гульбенкян не имел права говорить от их имени[26]. На Даунинг-стрит меморандум назвали «чрезвычайно вредным документом», который «усилил сомнения иракского правительства в отношении общих намерений ИПК разрабатывать иракскую нефть»[27]. Аналогичные подозрения вновь возникли у Парижа и французских владельцев ИПК[28].

Примечательно, что одновременно с появлением меморандума Гульбенкяна с идеей компромисса, но на более широкой основе, выступил бывший Верховный комиссар в Ираке Генри Доббс. Его статья в ведущем британском научном журнале привлекла внимание мировой общественности и многократно цитировалась зарубежными и отечественными аналитическими изданиями[29]. Доббс проводил идею международного сотрудничества в деле разработки «возможно крупнейших и самых многообещающих месторождений мира». Его предложения отличались от позиции Уайтхолла, готового лишь к частичным уступкам и только в отношении Франции и Ирака, а также от точки зрения Гульбенкяна, который стремился примирить конфликтующие стороны скорее в коммерческих интересах владельцев ИПК и по возможности привести их к общему знаменателю с политическими устремлениями британского правительства.

Доббс призывал принять во внимание также интересы БОД, которую он считал солидным международным предприятием в силу состава его участников. 8 иностранных групп, представленных в ИПК и БОД, по его мнению, могли согласовать свои действия и совместными усилиями построить нефтепровод, что значительно снизило бы финансовые издержки обеих компаний. При таком раскладе ИПК и БОД без труда оказали бы помощь в сооружении сети

железных дорог на Ближнем Востоке при обязательной финансовой поддержке со стороны Лондона и Парижа. В вопросе о транзите иракской нефти бывший Верховный комиссар одобрял идею строительства магистральной линии на Хайфу с дополнительной веткой на Триполи, по которой могла перекачиваться французская доля нефтяной продукции[30].

В министерстве по делам колоний мнения по поводу этой публикации разделились. Некоторые чиновники рекомендовали прислушаться к советам Доббса, поскольку он «знает Ирак лучше всех тех, кто сейчас вовлечен в нефтяные переговоры»[31]. Но у большинства она вызвала крайнее недовольство. «Мне категорически не нравится эта статья и решение, которое предлагается по БОД и ИПК», — пожалуй, этой фразой сотрудника ближневосточного департамента Кэмпбэлла можно выразить общую реакцию ведомства[32]. Отказ Уайтхолла сотрудничать с БОД, по сути, мотивировался нежеланием допускать Германию и Италию в сферу жизненных интересов Британской империи. Также очевидно, что в начале осени 1930 г. британское правительство не было готово к фундаментальному союзу с Францией в ближневосточных делах. Одним из условий такого альянса были совместные действия в развитии коммуникаций региона, которые, однако, имели для обеих соперничавших держав главным образом военно-стратегическое значение и играли ключевую роль в укреплении их позиций в арабских странах.

БОД тем не менее предпринимала попытки примириться с ИПК. В сентябре 1930 г. Т. Браун дважды встречался с Кэдманом, предлагая урегулировать разногласия и скоординировать свои действия в Ираке. Но президент ИПК категорически отвергал саму идею сотрудничества с БОД. Более того, он настаивал на максимальной секретности нефтяных переговоров и однажды даже пожурил чиновников министерства по делам колоний за утечку информации, которую БОД успешно использовала в своих интригах против ИПК в Женеве, Багдаде и Лондоне[33].

После встреч с Нури Саидом и королем Фейсалом Кэдман приложил массу усилий, чтобы склонить компаньонов к уступкам в пользу Багдада. 10 октября 1930 г. совет директоров, наконец, утвердил новый проект концессионного договора. Компромиссные решения, принятые партнерами в тот день после многочасовых дискуссий, были оформлены в виде соглашения и подписаны группами

14 октября. Британская идея о том, что французы будут сооружать сирийскую трассу нефтепровода за собственный счет, не была поддержана американскими директорами. Но французская группа дала согласие на палестинский маршрут и одобрила точку зрения американцев, которые считали, что мощность линий на Триполи и Хайфу должна быть равной (по 2 млн. т в год), как и стоимость нефти, вне зависимости от того, по какой ветке она перекачивается. Владельцы ИПК смогут получать причитающуюся им долю сырой нефти на обоих терминалах или на одном из терминалов по их выбору. Расходы на строительство следует рассчитать исходя из общей сметы проекта, а финансовый вклад каждого участника — из размера его холдинга.

Далее в резолюции заседания правления ИПК указывалось, что точка бифуркации должна располагаться на ирако-сирийской границе и определяться исходя исключительно из технических и экономических аспектов вопроса. Строительство начнется одновременно с трех пунктов (Хайфа, Триполи и Киркук) и завершится к 31 декабря 1935 г. При этом сирийская ветка будет проложена значительно раньше палестинской в связи с особенностями рельефа на южном маршруте и его большей протяженностью, а также необходимостью предварительной постройки Багдадской железной дороги, которая задержит работу ИПК. Поскольку сооружение двух линий нефтепровода вместо одной увеличивало расходы компании на 2 млн. ф. ст., американская группа при поддержке французов отказывалась увеличивать размер ренты и настаивала на сумме в 300 тыс. ф. ст., в том числе 200 тыс. ф. ст. в счет будущих отчислений с экспорта нефти; минимальный объем последних компаньоны согласились установить на требуемом Багдадом уровне в 400 тыс. ф. ст. в год. В вопросе о снабжении Ирака нефтепродуктами по заниженным ценам правление также пошло на частичные уступки, включив в текст соглашения оговорку о том, что указанные поставки начнутся с момента регулярных отгрузок иракской сырой нефти на мировые рынки.

Со своей стороны ИПК претендовала на эксклюзивные нефтяные права в вилайетах Мосул и Багдад на восточном берегу Тигра и перспективное месторождение в Гайяре. Поскольку последнее располагалось к западу от р. Тигр, компания допускала, что у иракского правительства могут возникнуть возражения. В случае если Багдад откажется уступить, предлагалось рассматривать этот

нефтеносный район в качестве национального резерва Ирака и не сдавать его в концессии в ближайшие 10 лет, но при этом зафиксировать в новом договоре с ИПК ее преимущественное право опциона в Гайяре. Владельцы компании также согласились с тем, что если иракские власти будут жестко отстаивать свою позицию по маршруту нефтепровода и размеру ренты, совет директоров еще раз обсудит свои предложения[34].

15 октября Кэдман направил Нури Саиду новый проект, одобренный группами ИПК 10 и 14 октября. В сопроводительном письме он отмечал, что компания приняла все условия, выдвинутые иракским премьер-министром в Лондоне, и это явно не соответствовало истине. Кэдман настаивал на положительном решении вопроса о нефтяных правах ИПК на Гайяру и предлагал рассматривать их в качестве компенсации за обязательство снабжать Ирак дешевым горючим, которое, как он утверждал, будет производиться из нефти именно этого месторождения. Далее президент обосновывал заложенную в договоре формулу определения стоимости этих поставок и заявлял, что, исходя из расчета текущих цен, она позволит стране экономить на нефтяном импорте до 100 тыс. ф. ст. в год. В заключение Кэдман выражал надежду, что иракские власти одобрят соглашение в его новой редакции и оно будет ратифицировано парламентом до конца года[35].

Помимо того, что ключевые требования Багдада по маршруту нефтепровода и размеру ренты не были учтены, проект концессии был составлен в довольно туманных формулировках. Например, статья 6 фиксировала обязательства ИПК «построить нефтепровод мощностью не менее 3 млн. т в год с терминалом или терминалами на побережье Средиземного моря для экспортных отгрузок нефти». О том, что компания решила сооружать две ветки на Хайфу и Триполи, в тексте не упоминалось. Статья 10 предусматривала минимальный объем отчислений в 400 тыс. ф. ст. в год, что соответствовало отчислениям за экспорт 2 млн. т нефти в год из расчета 4 шиллинга за тонну. Эта ставка значительно превышала традиционные суммы, выплачиваемые мировыми трестами местным правительствам в других частях света. Но при этом ИПК оставляла за собой право удерживать нефтяное производство Ирака на уровне 2 млн. т в год до тех пор, пока не стабилизируется ситуация на мировом нефтяном рынке и экспорт иракской нефти не станет экономически целесообразным[36].

Тот факт, что Кэдман переслал в Багдад новый проект соглашения, не дожидаясь санкции министерства по делам колоний, вызвал недоумение на Даунинг-стрит. «Это очень странный документ, в нем многое неясно, — отмечал ведущий сотрудник министерства Хэлл. — Думаю, предложения ИПК не понравятся иракскому правительству, потому что они отличаются от того, что обсуждали летом Кэдман и Нури Саид»[37]. Чиновники ведомства считали, что в тексте обязательно должна быть упомянута Хайфа в качестве одного из терминалов на побережье Средиземного моря. Резолюция собрания правления ИПК, по их мнению, была составлена столь небрежно, что создавалось впечатление, будто компания решила строить магистральную линию нефтепровода на Триполи с ответвлением на Хайфу в местечке Абу-Кемаль. ИПК, кроме того, следовало увеличить размер ренты и тем самым гарантировать Багдаду то, что экспорт начнется в кратчайшие сроки и в дальнейшем не остановится на минимальных объемах отгрузки в 2 млн. т в год. Предполагалось, что в этом вопросе Нури Саид займет жесткую позицию[38].

В то же время министерство было убеждено в том, что наличие двух нефтепроводов равной мощности вместо одного дает Ираку дополнительные преимущества, в частности предотвращает вероятность остановки экспорта в результате повреждения или перекрытия единственной магистрали. В целом же предложения ИПК при условии уточнения ряда формулировок были одобрены британским правительством. Теперь оставалось уговорить Багдад подписать договор и определить точку бифуркации веток нефтепровода. Для ведомств Уайтхолла было очевидно, что последний вопрос должен решаться исходя исключительно из военно-стратегических интересов Великобритании на Ближнем Востоке[39].

Негативная реакция иракского правительства, которую ожидали в Лондоне, последовала незамедлительно. В телеграммах Верховного комиссара в Ираке от 28 и 29 октября указывалось, что новый проект соглашения и стенограмма заседания правления ИПК от 10 октября, которую передал в Багдад Эфнан-паша, произвели крайне неблагоприятное впечатление. Король Фейсал и Нури Саид заявили Хэмфри, что предпочтут оставить нефть в недрах, нежели перекачивать ее к Средиземному морю по сирийской территории и поставить страну в зависимость от Франции и Сирии. Большинство иракских министров после консультации с юристами

БОД потребовали аннулировать концессию ИПК. Хэмфри также сообщал, что король и премьер-министр весьма расстроены, но вынуждены прервать переговоры. В случае если ИПК в ближайшее время примет все выдвинутые ранее Ираком условия, Фейсал и Нури Саид попытаются спасти дело. Единственное, в чем кабинет мог бы уступить, это одобрить точку бифуркации в районе Рутбы, как можно дальше от сирийской границы. Оба иракских политика также просили Верховного комиссара напомнить Уайтхоллу, что в роли просителя выступает ИПК, поэтому именно она должна идти на уступки[40].

31 октября Эфнан передал Кэдману письмо Нури Саида, в котором тот извещал президента ИПК о решении правительства отказаться от ревизии концессии 1925 г. и в рамках ее условий объявить тендер на «внешние участки». Иракский премьер обосновал позицию кабинета нежеланием компании строить хайфскую линию нефтепровода и низким уровнем предложенной ренты. В ответных письмах Кэдман утверждал, что суть инициатив ИПК была неверно понята иракскими властями. Он настаивал на продолжении переговоров и сообщал, что в начале ноября в Багдад прибудет исполнительный директор ИПК Дж. Склирос и уладит все недоразумения[41].

Министерство по делам колоний немедленно связалось с Кэдманом и попыталось выяснить, какова же в действительности позиция правления ИПК. Кэдман усматривал причину сложившейся кризисной ситуации отнюдь не в нежелании главных компаньонов идти на уступки, но скорее в некорректных формулировках ключевых статей проекта соглашения, а также интригах БОД, Гульбенкяна и самого Нури Саида, который «говорит французам одно, а нам — другое»[42]. Кэдман заверил своих кураторов с Даунинг-стрит в том, что ИПК обязательно будет строить палестинскую ветку, поскольку терминал в Хайфе является ключевым условием пересмотра концессии. Более того, компания готова пойти на дальнейшие уступки и предоставить иракскому правительству право самому выбрать точку бифуркации. В Ираке это может быть Хадита или Рутба, либо Амман или Хайфа за его пределами. В любом случае, как утверждал Кэдман, отказ от Абу-Кемаля увеличит стоимость нефтепровода более чем на 1 млн. ф. ст. вне зависимости от того, где будет расположен новый пункт разветвления трассы, даже если пустить «французскую» линию из Хайфы.

Кэдман не опасался аннулирования концессии. Во-первых, юристы компании заверяли, что без труда выиграют дело в международном суде. Во-вторых, для Багдада отказ от пересмотра условий сотрудничества с ИПК означал, что компания воспользуется своим правом самостоятельно определять маршрут нефтепровода, зафиксированным в статье 6 концессионного договора 1925 г., и без сомнения проложит только одну линию — на Триполи. Иными словами, владельцы ИПК, понимая, что имеют определенные козыри в руках, фактически склоняли иракское правительство к ответным уступкам в финансовых вопросах.

«Нефтяные компании принимают во внимание только один аргумент — деньги, которые могут быть получены или сэкономлены в ходе реализации проекта», — объяснил Кэдман базовый принцип общей политики ИПК и конкретизировал: высокая стоимость нефтепровода и необходимость участия в финансировании строительства железной дороги на Хайфу не позволяют компаньонам увеличивать размер ренты. Далее он заявил, что экспорт иракской нефти начался бы уже через 2—3 года, но ИПК не может ускорить сооружение палестинской ветки, поскольку именно Багдад и Лондон поставили этот маршрут в прямую зависимость от сроков пуска в эксплуатацию железнодорожной магистрали к Средиземному морю. В целом же Кэдман не возражал, чтобы британские правительственные эксперты совместно с юристами АПНК подправили текст соглашения. В то же время он настаивал, чтобы Уайтхолл выдержал паузу и не вмешивался в нефтяные переговоры, подождав, пока в Багдаде схлынет волна эмоций[43].

Министерство по делам колоний, напротив, было убеждено в том, что положение критическое и британскому правительству пора оказать нажим на обе стороны. В этой связи им были подготовлены инструкции для Верховного комиссара в Ираке с указанием «использовать все свое влияние» и убедить иракское правительство подписать соглашение после уточнения некоторых формулировок, разъяснив губительные экономические и особенно политические последствия «столь необдуманного шага», как аннулирование концессии. В проекте депеши отмечалось, что ИПК через международный арбитраж сумеет взыскать с Ирака уже затраченные ею 3,5 млн. ф. ст. либо при поддержке Уайтхолла восстановит свои права по концессии 1925 г., которая позволит ей построить нефтепровод с единственным терминалом в Триполи. Далее

министерство напоминало об американских правах на иракскую нефть и указывало на неизбежность конфликта между Ираком и Францией. Багдаду следовало учитывать, что Париж уже пошел на уступки, дав согласие на сооружение хайфской линии и выразив готовность, в случае если иракские власти снимут возражения против сирийского маршрута, не акцентировать внимание ПМК на вопросе о религиозных и национальных меньшинствах, который во многом задерживал решение Лиги Наций об отмене мандата. При этом Хэмфри должен был подчеркнуть, что Уайтхолл не намерен давить, но лишь стремится «более четко очертить национальные интересы Ирака» и «дать дружеский совет в чрезвычайно важном для будущего процветания страны деле»[44].

Идея отказа от политики невмешательства в нефтяные переговоры была поддержана всеми ведомствами, кроме министерства иностранных дел[45]. Там считали, что Париж, ссылаясь на англо-французские договоренности от 29 апреля 1929 г., обвинит Лондон в двойных стандартах и откажется идти на компромисс в вопросе о точке бифуркации нефтепровода, тем самым поставив под угрозу реализацию британских политико-стратегических планов на Ближнем Востоке. Жесткая позиция иракских властей, по мнению дипломатов, в действительности играет на руку Англии и позволяет вынудить Францию к дальнейшим уступкам. В этой связи Форин Оффис предлагал, формально оставаясь в рамках прежнего курса, оказать нажим на британскую группу ИПК и через нее повлиять на других акционеров. МИД был убежден, что именно компания должна идти на уступки, поскольку политические последствия отказа Лондона от политики невмешательства несравнимы с финансовыми издержками коммерческого предприятия. Поэтому Форин Оффис рекомендовал передать Верховному комиссару текст депеши, но не с целью через него оказать давление на иракское правительство, а для того, чтобы Хэмфри, имея полную информацию о ситуации, предотвратил поспешные действия Багдада[46].

Ввиду разногласий между ведомствами вопрос был передан в Комитет по иракской нефти, который 20 ноября вынес свой вердикт: Англия должна отказаться от политики невмешательства, ссылаясь на свои обязательства державы-мандатария, а Верховному комиссару в Ираке следует склонить иракское правительство к подписанию соглашения в ближайшее время[47]. Это решение принималось с учетом итогов 19-й сессии ПМК, которая накануне

завершила свою работу, вполне определенно поставив под сомнение возможность предоставления Ираку независимости.

Тем временем политики и общественность Ирака разделились на сторонников и противников ИПК и БОД. Как объяснил Нури Саид Верховному комиссару, кабинет пребывает в растерянности, так как получает противоречивую информацию от разных акционеров ИПК, иракского директора в правлении компании, от БОД и по своим дипломатическим каналам. При этом британские и французские газеты пестреют сообщениями о дипломатическом триумфе Парижа, якобы сумевшего отстоять единственный маршрут нефтепровода на Триполи, а Кэдман так и не опроверг слухи о том, что американские и голландские партнеры поддерживают французскую группу. В этих условиях кабинет министров выдвинул идею учредить при правительстве пост независимого советника по нефтяным делам[48], а также под нажимом политической оппозиции решил провести аукцион в марте 1931 г. и выставить на торги участки на месторождении Баба-Гургур.

Юристы БОД[49] убедили часть иракских политиков в том, что если концессия 1925 г. будет аннулирована, международный суд встанет на сторону Багдада. При этом компания вновь выражала готовность оплатить все судебные издержки иракского правительства. Основные аргументы, на которых адвокаты БОД строили свою линию защиты, сводились к следующему: в 1914 г. обещание турецкого везира предоставить ТПК нефтяные права в Месопотамии было получено за крупную взятку; в 1925 г. под давлением державы-мандатария правительство Ирака было вынуждено подписать концессионное соглашение с ТПК, а затем отсрочить его выполнение в нарушение норм международного права и местного законодательства.

В свете изложенных фактов король Фейсал и Нури Саид считали, что усмирить оппозицию можно, лишь подписав договор с ИПК на условиях, которые обсуждались в Лондоне летом 1930 г. В качестве уступки правительство могло одобрить точку бифуркации нефтепровода близ Рутбы, но оно не согласилось бы на уменьшение ренты. Регулярные ежегодные поступления 400 тыс. ф. ст. (в том числе не менее половины суммы — в форме невозвратных платежей) в иракскую казну позволяли Багдаду уже сейчас получать в Лондоне крупные займы под гарантии будущих нефтяных доходов. Иракский премьер отмечал, что концессия должна быть

оформлена до конца января 1931 г., иначе кабинету придется санкционировать аукцион «внешних участков»[50]. На Даунинг-стрит тоже считали, что следует форсировать подписание и ратификацию нового соглашения, пока у Нури Саида имеется поддержка большинства парламента, а это фактор весьма неустойчивый: если через пару месяцев политическая ситуация в Ираке изменится, исход нефтяных переговоров может стать непредсказуемым[51].

В такой обстановке 18 ноября 1930 г. в Багдад прибыл исполнительный директор ИПК Дж. Склирос. Первые же встречи с ним привели короля, премьер-министра и Верховного комиссара в замешательство: Склирос был уполномочен вести переговоры на основе предложений ИПК от 10 октября 1930 г., которые и спровоцировали осенний кризис. Нури Саид заявил, что теперь будет разговаривать только лично с Кэдманом, так как считает его «единственным другом Ирака в правлении компании». Хэмфри сообщал, что и на него Склирос произвел крайне неблагоприятное впечатление и ИПК должна направить в Багдад более компетентного представителя[52].

Кэдман предположил, что, возможно, исполнительный директор «неверно понял данные ему инструкции». Он также не отрицал, что Склирос «тугодум и страдает глухотой», отнюдь не в совершенстве владеет английским языком и, конечно, не является «специалистом в области восточного менталитета». Тем не менее он не собирался отзывать Склироса, заявив, что это «один из самых ценных и толковых менеджеров компании»[53]. Министерство по делам колоний было вынуждено уступить, решив, что президент ИПК ведет с Багдадом свою игру и Лондону «остается только ждать и смотреть»[54]. Но вскоре чиновники разгадали его партию: «Склирос под полным контролем и делает только то, что ему скажут. Почему же переговоры зашли в тупик? По-видимому, Склиросу были даны указания создавать проблемы, чтобы все предложения, с которыми приедет Кэдман, были безоговорочно приняты»[55].

Кэдман решил сам отправиться в Ирак и урегулировать разногласия, но он не хотел вести переговоры с «пустыми руками» и тем самым ограничивать свое пространство для маневра. Он считал, что британскому правительству следует оказать нажим на власти Палестины и Трансиордании, чтобы соглашения с ИПК о строительстве нефтепровода на территории указанных стран были подписаны в ближайшее время. Ему также требовалось личное приглашение от Нури Саида, чтобы придать своей персоне больший

авторитет в глазах компаньонов и добиться от них санкции на оформление концессии без дальнейших консультаций с советом директоров в Лондоне. 20 декабря Хэмфри с большим трудом уговорил иракского премьера официально пригласить Кэдмана в Багдад[56].

Верховному комиссару в Палестине и Трансиордании были даны указания форсировать подписание соглашений с ИПК[57]. Проект концессий был разработан компанией на основе консультаций с мандатными властями Палестины и Сирии и в октябре 1930 г. передан на согласование в Париж и Лондон[58]. В нем оговаривались права и обязанности ИПК в связи со строительством и эксплуатацией нефтепровода, насосных станций, мастерских, складских, жилых и административных зданий, нефтехранилищ и перерабатывающих заводов сроком на 70 лет. Концессионеру разрешалось с уплатой обычных пошлин использовать все виды наземного, речного и воздушного транспорта, средства связи и портовые объекты, которые могут потребоваться для обслуживания нефтепровода и морских отгрузок нефти, а также расширять и переоборудовать гавани и причалы, прокладывать новые железные дороги и другие коммуникации. ИПК, кроме того, претендовала на льготное местное налогообложение и право беспошлинного ввоза всех необходимых материалов и оборудования[59].

К декабрю 1930 г. проект был одобрен всеми заинтересованными департаментами правительств Англии и Франции, Верховными комиссарами в Палестине и Трансиордании, Сирии и Ливане, а также советом директоров ИПК. Внесенные Лондоном уточнения не касались налоговых льгот компании и не увеличивали ее финансовые обязательства[60]. Отечественные аналитики объясняли этот факт тем, что Уайтхолл не хотел чрезмерно обременять ИПК, расходы которой в перспективе и так были бы внушительными в связи со строительством нефтепровода и Багдадской железной дороги; переоборудование порта в Хайфе тоже планировалось завершить за ее счет[61].

12 ноября Склирос провел в Бейруте предварительные консультации с французским Верховным комиссаром в Сирии и Ливане, а также с представителями местных властей, которые в целом не имели принципиальных возражений по проекту, но заявили, что концессии будут выданы только после Палестины и Трансиордании. По мнению участников этой встречи, Склирос с самого начала

искал повод прервать обсуждение. На Даунинг-стрит вновь пришли к выводу о том, что «Кэдман ведет свою игру» с целью подключить Уайтхолл к переговорному процессу: под давлением Лондона Иерусалим и Амман непременно подпишут нефтяные конвенции на предложенных ИПК условиях[62]. В Палестине Склироса ожидала очередная «неудача»: мандатные власти настаивали на ужесточении финансовых обязательств компании и требовали твердых гарантий того, что она не аннулирует соглашение после получения новой концессии в Ираке[63]. Завершающим событием стало фиаско исполнительного директора в Багдаде.

Правление ИПК, изучив отчеты Склироса, на заседании 17 декабря признало, что переговоры окончательно зашли в тупик, и теперь только Кэдман может спасти положение. Ему были даны широкие полномочия для поиска компромисса с иракскими властями. Он мог уступить Багдаду в вопросах о ренте и поставках дешевых нефтепродуктов[64], если от этого будет зависеть подписание договора, но отстоять решение компании о строительстве двух веток нефтепровода равной мощности.

По поводу точки бифуркации совет директоров не смог прийти к единому мнению. Очередная исследовательская партия ИПК в составе двух американских, английского и французского инженеров к концу декабря завершила свою работу на Ближнем Востоке и предложила в качестве места разветвления нефтепровода Хадиту на правом берегу р. Евфрат. Это был бы компромисс между мнением комиссии Дэн-Тоули и французской группы, настаивавших на кратчайшем маршруте Киркук — Абу-Кемаль, и позицией британских акционеров, готовых поддержать выбор иракских властей в пользу более длинной трассы Киркук — Рутба. В конечном итоге французские директора, получив указания Парижа, одобрили новый пункт. Американские компаньоны тоже считали Хадиту вполне приемлемым решением спорного вопроса, но отмечали, что в случае, если Кэдману придется уступить и согласиться на Рутбу, размер ренты не будет превышать 300 тыс. ф. ст. в год. Британская группа в принципе разделяла мнение американцев, но была обязана согласовать свою позицию с Уайтхоллом[65].

Через несколько дней французские юристы потребовали от Кэдмана письменных обязательств о том, что в Багдаде он будет придерживаться решений, принятых советом директоров 17 декабря. Ввиду его отказа французская группа стала настаивать на

экстренном заседании правления ИПК и аннулировании полномочий президента на ведение переговоров. 3 января 1931 г., не дожидаясь окончания конфликта, Кэдман тайно покинул Лондон[66].

Накануне его отъезда в Ирак на Даунинг-стрит состоялось совещание с участием представителей министерства по делам колоний, Форин Оффис и казначейства. Кэдман был убежден, что иракских министров в большей степени интересуют финансовые аспекты дела и они уступят в вопросе о точке бифуркации, дав согласие на Хадиту. Но чиновники и дипломаты считали, что нефтепровод должен разветвляться только близ Рутбы, и ИПК, кроме того, должна удовлетворить требование Багдада о том, чтобы в Хайфу перекачивалось не менее 75% иракской нефти. Кэдман пообещал пойти на указанные уступки. Он не сомневался, что британские, американские и голландские группы одобрят его несанкционированные действия, так как в перспективе они намерены построить в Хайфе крупный нефтеперерабатывающий комплекс, а также поднять уровень добычи в Ираке до 10 млн. т в год. В то же время французская группа при поддержке Парижа непременно заявит протест, и британское правительство, по мнению Кэдмана, должно взять на себя урегулирование политических последствий уступчивости ИПК в ущерб интересам Франции. Президент ИПК также заручился обещанием высших чиновников о том, что, если иракские власти не пойдут на компромисс, Лондон непременно вмешается и окажет давление на Багдад, поскольку речь идет о стратегических интересах Британской империи. В целом же, подводя итог этой встречи, сотрудники министерств решили, что Уайтхоллу можно не вмешиваться в переговоры, так как компания готова к уступкам по всем спорным вопросам[67].

Этот оптимизм также был обусловлен тем фактом, что дипломатический прессинг Лондона на Иерусалим и Амман дал ожидаемые результаты. 5 января 1931 г. Верховный комиссар в Палестине от имени местных властей подписал нефтяную конвенцию с ИПК о транзите иракской нефти[68]. 11 января свою подпись под аналогичным соглашением поставил глава правительства Трансиордании[69]. По мнению отечественных аналитиков, опубликование этих договоров 1 февраля было тактическим ходом британской дипломатии, которая тем самым продемонстрировала, что вопрос о хайфском направлении нефтепровода — это уже свершившийся факт,

хотя переговоры между ИПК и иракским правительством, по сути, зашли в тупик[70].

Французская дипломатия, со своей стороны, тоже предпринимала шаги к тому, чтобы снять возражения Багдада против сирийского маршрута нефтепровода. На Кэ д'Орсэ вполне обоснованно считали, что главная причина иракской оппозиции лежит в сфере политической, а не экономической. Известный израильский исследователь И. Рабинович на материалах дипломатической переписки между Верховным комиссаром в Сирии Ж. Понсо, французским поверенным в делах в Ираке Ф. Липписэ и главой внешнеполитического ведомства Франции Ф. Бертело убедительно доказывает, что Париж видел прямую связь между нефтепроводом и претензиями короля Фейсала на сирийский трон. Идея возвращения Хашимитов в Дамаск широко использовалась арабскими националистами и была одной из ключевых в идеологии панарабизма в течение 1920-х годов. Париж считал Фейсала и его семью инструментом антифранцузской политики Англии на Ближнем Востоке и, стремясь получить тактические политические преимущества, с 1925 г. время от времени соглашался обсуждать возможности установления монархии в Сирии[71]. Так случилось и в вопросе о нефтепроводе.

10 января 1931 г. французское правительство через Липписэ известило Багдад о своей готовности «просить Али, брата Фейсала, взойти на трон в Сирии». Король скептически воспринял эту инициативу, посчитав, что «она замешана на нефтяных делах» и «нацелена на установление французского контроля над выходом иракской нефти к Средиземному морю». Фейсал предполагал, что до окончательного решения вопроса о маршруте нефтепровода французы будут делать весьма заманчивые для Али предложения, которые они, впрочем, не собираются выполнять[72].

13 января в Багдад прибыл Кэдман. По итогам его первых встреч с королем Верховный комиссар сообщил в Лондон, что соглашение будет подписано в ближайшие дни[73]. В аналитическом обзоре по Ираку, составленном советскими дипломатами в середине февраля 1931 г., также отмечалось, что приезд Кэдмана «знаменует переход в решающую стадию вопроса о мосульской нефти и нефтепроводе», который «вот уже 10 лет стоит в центре международной политики на Ближнем Востоке». В пользу этого вывода также приводился тот факт, что американцы, ранее проявлявшие сдержанность в англо-французском нефтяном конфликте, заметно

активизировались. Кроме того, иракские националисты ожидали визита в Багдад американского нефтяного магната Ч. Крейна, совершавшего очередной тур по Аравии. «Он периодически всплывает в такие моменты, когда в арабских делах предстоит значительный переворот», — указывали советские аналитики[74].

В действительности Нури Саид и Кэдман были настроены на длительный торг. Практически сразу решился вопрос с размером отчислений с экспорта нефти (400 тыс. ф. ст. в год) и согласована формула определения цен на нефтепродукты в Ираке. Но премьер-министр продолжал требовать ренту в 400 тыс. ф. ст. и в этой связи был готов увеличить объем возвратных платежей до 250 тыс. ф. ст., а также рассматривать их в качестве займа под 4–5 % годовых. Кэдман даже не стал обсуждать это предложение, так как оно было крайне невыгодно для Ирака и в очередной раз подтверждало мнение о том, что иракское правительство слабо разбирается в финансовых вопросах[75].

Далее события приняли неожиданный для Лондона оборот. Кэдман стал настаивать на точке бифуркации в Хадите и предоставлении ИПК прав на Гайяру. Нури Саид сначала энергично защищал Рутбу, а затем предложил заменить ее на местечко Хит к востоку от Хадиты при условии, что 75 % нефти будет перекачиваться по хайфской ветке. Инициатива иракского премьера объяснялась тем, что он связывал строительство нефтепровода с сооружением железной дороги на Хайфу и считал, что переговоры с ИПК — это последний шанс Ирака получить финансовую помощь от частного капитала и британского правительства на реализацию этого значимого проекта.

Иракские власти планировали начать строительство железной дороги с двух участков (Багдад — Хит и Тикрит — Хит), которые в дальнейшем можно было соединить с Киркуком, Эрбилем и Мосулом (см.: Приложение I, карта 4). Тогда бы трафик в Хайфу стал более предпочтительным не только из Северного Ирака, но и из Северной Персии. Хит, кроме того, считался самым удобным пунктом для возведения моста через Евфрат. Для этого проекта Багдад предполагал взять в Лондоне заем в 1 млн. ф. ст. под гарантии нефтяных доходов. На оборудование точки бифуркации в Рутбе (вместо Хадиты) дополнительно требовался 1 млн. ф. ст. Нури Саид предлагал рассматривать эту сумму как финансовый вклад ИПК в строительство Багдадской железной дороги. В таком случае,

считал он, можно не включать указанные дополнительные расходы в себестоимость иракской нефти и завершить сооружение обеих веток нефтепровода одновременно. Взамен премьер-министр был готов освободить ИПК от обязательства строить железную дорогу к Средиземному морю и, если потребуется, отложить ввод в эксплуатацию хайфской линии нефтепровода до конца 1937 г. Кэдман счел компромисс вполне приемлемым при условии, что будет снижен размер ренты[76].

22 и 23 января 1931 г. в британском министерстве по делам колоний состоялось совещание с участием представителей Форин Оффис, казначейства и военного министерства. Стороны согласились с тем, что оборудование точки бифуркации в любом месте, кроме Рутбы, позволит ИПК в короткие сроки провести ветку на Триполи, подтолкнув таким образом Францию к сооружению железной дороги Хомс — Пальмира — Абу-Кемаль. Это поставит под угрозу срыва строительство магистрали Багдад — Хайфа, так как у британского правительства нет финансовых возможностей помочь Ираку, частные инвесторы не будут вкладывать свои капиталы в это дорогостоящее предприятие, а иракские власти не располагают столь внушительными денежными средствами. Поэтому, считали на Даунинг-стрит, Нури Саиду необходимо отстаивать Рутбу, чтобы исключить вероятность расширения сирийских железных дорог до границ Ирака, а также обязать ИПК завершить строительство обеих веток нефтепровода одновременно или с максимальным интервалом в 6 месяцев, но не позже 31 декабря 1935 г. Кроме того, в состав новой концессии ИПК не следует включать Гайяру во избежание обвинений в нарушении политики «открытых дверей», которые непременно последуют со стороны Италии и Германии. Решения межведомственного совещания были изложены в депеше для Хэмфри, которому вменялось в обязанность убедить иракского премьера действовать строго в указанных рамках[77].

Нури Саид принял к сведению лишь часть рекомендаций Лондона. Он вновь стал настаивать на точке бифуркации в Рутбе и одновременном сооружении обеих веток нефтепровода, но не снял вопрос о финансовой помощи ИПК в строительстве Багдадской железной дороги. В это время французы получили информацию о том, что Кэдман якобы дал согласие на перекачку 75% иракской нефти в Хайфу. Французские директора вновь попытались аннулировать полномочия президента на ведение

переговоров, но правление ИПК их не поддержало. Тогда правительство Франции через Липписэ выступило с официальным протестом против решения Багдада руководствоваться исключительно политическими мотивами в вопросе о маршруте нефтепровода. 29 января Кэдман прервал переговоры и выехал в Абадан, заявив, что дальнейшие дискуссии бессмысленны, британскому правительству пора вмешаться и урегулировать разногласия между Ираком и Францией. Нури Саид, в свою очередь, уведомил Хэмфри о том, что если ИПК не пойдет на уступки, иракские власти вернутся к условиям концессии 1925 г. и объявят тендер на нефтяные участки в Киркуке[78].

Именно в эти дни в Женеве завершил свою работу Совет Лиги Наций, который поддержал предложения ПМК направить в Ирак независимых экспертов, обязал британское правительство подготовить отчет о развитии Ирака за весь период мандатного режима и предоставить комиссии интересующую ее информацию в полном объеме[79]. «Позиция Совета Лиги Наций по вопросу об отмене мандата на Ирак неясна, — комментировал положение дел журнал “Нир Ист”. — Лигу интересует нефтяной вопрос и проблема национальных меньшинств в северных вилайетах страны»[80]. «Великобритания не могла игнорировать эти угрозы, так как в случае неудачи Ирак получил бы другого мандатария», — считает немецкий исследователь Г. Мейхер. Он указывает, что нефтяной фактор был основополагающим в позиции Германии и Италии в период, когда решался вопрос об эмансипации Ирака, и отмечает, что в 1931 г. Берлин и особенно Рим перешли к открытому шантажу[81].

Эту точку зрения подтверждают материалы британских архивов. Так, в разговоре с Хэмфри итальянский поверенный в делах в Багдаде заявил, что его правительство в действительности не заинтересовано ни в отправке миссии Лиги Наций в Ирак, ни в тех вопросах, что были поставлены на последней сессии ПМК, и главный мотив Италии — получить долю в разработке иракской нефти. Рим, кроме того, опасался, что британская группа в БОД продаст свой холдинг какой-либо влиятельной нефтяной компании, например ИПК[82].

Именно этой угрозой в значительной степени мотивировалось решение правления БОД подписать 8 января 1931 г. дополнительные соглашения с франко-швейцарской группой, регламентировавшие порядок передачи части британских акций в распоряжение

французских владельцев в ходе увеличения уставного капитала компании до 1 млн. ф. ст. При этом каждый из компаньонов резервировал из своего холдинга определенную долю для иракского правительства с тем, чтобы в перспективе Багдад мог получить не менее 16 % участия. В итоге данной трансакции британский, итальянский и германский пакеты сокращались соответственно до 33,6 %, 20,16 % и 10,08 %, а французский увеличивался и уравнивался с итальянским — 20,16 %. Германским партнерам, которые изначально возражали против усиления французской группы, в качестве уступки было гарантировано не менее 12 % промышленных заказов БОД. Во избежание дальнейшей конфронтации с Уайтхоллом, компаньоны также договорились, что вне зависимости от размера холдинга каждого участника правление на 50 % будет состоять из британских директоров, а компанию будет возглавлять только британский гражданин[83]. 16 января 1931 г. БОД известила министерство по делам колоний о содержании новых соглашений между партнерами[84].

На Даунинг-стрит расценили сложившееся в Женеве положение как критическое и признали, что Англии следует пойти на уступки. В конце января 1931 г. британские дипломатические ведомства приняли два ключевых решения, кардинально менявших стратегию отмены мандата на Ирак: во-первых, любой ценой сохранить фундаментальный альянс с Францией на Ближнем Востоке; во-вторых, через БОД допустить к иракской нефти Германию и Италию[85].

4–5 февраля, после серии экстренных межминистерских совещаний, Комитет по иракской нефти снял возражения против точки бифуркации в Хадите во избежание очередного конфликта с Францией и угрозы того, что Лига Наций не санкционирует предоставление Ираку независимости. Хэмфри были даны указания информировать иракское правительство о том, что ИПК не будет допущена к участию в тендере на оставшиеся нефтеносные районы на западном берегу Тигра, Багдаду следует принять во внимание особые интересы Берлина и Рима, а также строго придерживаться политики «открытых дверей» в нефтяных вопросах. Кроме того, Нури Саид должен исключить Гайяру из состава новой концессии ИПК, одобрить точку бифуркации в Хадите и равную мощность веток нефтепровода. Взамен иракские власти получат твер-

дые гарантии сооружения хайфской линии нефтепровода, ренту в 400 тыс. ф. ст. и поддержку Парижа в Лиге Наций.

Британское правительство понимало, что фактически Ирак должен дать согласие на расширение сирийской транспортной системы до своих границ и тем самым блокировать строительство магистрали на Хайфу. Поэтому Лондон выразил готовность компенсировать политические и экономические издержки такого решения финансовой помощью в реализации проекта Багдадской железной дороги. Уайтхолл, по сути, и сам был вынужден отказаться от идеи получить стратегически важные для Британской империи коммуникации за счет частного капитала. В то же время угроза сооружения конкурирующих сирийских линий, по мнению британских экспертов, могла быть отведена запретом Ирака соединять их со своей транспортной системой и обязательством ИПК не строить железные дороги вне концессионной территории. Министерство по делам колоний не сомневалось в том, что Кэдман безоговорочно примет новые условия, поскольку вполне обоснованно считало все его маневры попыткой освободить компанию от необходимости финансировать строительство железной дороги к Средиземному морю[86].

5 февраля Фейсал был уведомлен о новой линии британского кабинета и попытался приобрести дополнительные выгоды. В тот же день он встретился с Липписэ и, пожурив французов за неуступчивость, выразил готовность пойти на компромисс в вопросе о нефтепроводе. Взамен король хотел «услуги за услугу», а именно «морального обязательства Парижа принять в расчет в своей политике в Леванте законность национального подъема арабов Сирии и Ирака». После обсуждения итогов этой встречи на Кэ д'Орсэ решили, что «обещания Фейсала по нефтяному вопросу создают благоприятные изменения для Ирака в Лиге Наций и в Леванте»[87]. Нури Саид одобрил Хадиту спустя 4 дня, после того как Липписэ заверил его в том, что французское правительство окажет нажим на сирийские власти и они письменно обязуются не строить железные дороги в сторону иракской границы в течение 25 лет без согласования с Багдадом[88].

К 19 февраля Нури Саид и Кэдман достигли взаимопонимания во всех ключевых вопросах. В Лондоне и Париже ожидали, что концессия будет оформлена в ближайшие часы. Но переговоры вновь приняли неожиданный оборот. Иракский премьер-министр

потребовал ревизии статьи 27, которая в рамках обычной практики освобождала иностранные промышленные предприятия от уплаты всех внутренних налогов, пошлин и прочих сборов. Нури Саид стал настаивать на том, чтобы разница между себестоимостью иракской нефти и ее рыночной ценой облагалась иракским налогом на доходы, полученные ИПК за пределами страны. Таким путем Багдад был намерен пополнить государственную казну еще на 500 тыс. ф. ст. в год. Как объяснял Хэмфри, премьер действовал под влиянием политической оппозиции во главе с министром коммуникаций и общественных работ М. Пачачи, который в 1925 г. возглавлял правительство и подписывал концессионное соглашение с ТПК. Министр публично критиковал новый договор и утверждал, что предыдущая концессия в большей степени отвечает интересам Ирака[89]. В поддержку Пачачи выступал лидер влиятельной парламентской фракции Ясин Хашими, а также багдадская националистическая печать радикального толка[90].

Кэдман усматривал причину новых затруднений в очередных интригах Гульбенкяна, который, по его мнению, вновь посоветовал иракским министрам не отказываться от своих законных прав. Он категорически возражал против дополнительных финансовых обязательств ИПК, считая, что все налоги на доход уже включены в сумму ренты и отчислений с экспорта нефти. Но затем президент все же уступил и предложил зафиксировать в дополнительном соглашении определенную сумму, которую компания могла бы выплачивать вместо налогов на свой доход. 2 марта Кэдман спешно покинул Багдад, уполномочив Склироса завершить переговоры и подписать концессионный договор[91].

18 марта по прибытии в Лондон Кэдман известил министерство по делам колоний о том, что следует оказать нажим на иракский кабинет и оформить концессию в течение суток. На следующий день, 19 марта, было назначено собрание правления ИПК, в повестку которого французские директора, наконец, включили вопрос о прекращении переговоров и возвращении к условиям концессии 1925 г. Французов в целом поддерживали американцы: на их взгляд, финансовые обязательства компании были чрезмерны, в том числе ввиду необходимости ввести в эксплуатацию обе ветки нефтепровода с максимальным интервалом в 6 месяцев. Кэдман считал, что положение может спасти лишь наличие уже подписанного нового соглашения[92].

Министерство в тот же день уполномочило Хэмфри «посоветовать» иракскому премьеру пойти на компромисс и принять последние предложения ИПК[93]. 19 марта действия ведомства были одобрены на совещании представителей Форин Оффис, нефтяного департамента, Адмиралтейства, казначейства и комитета имперской обороны. Нури Саид был вынужден уступить в вопросе о налогах, но озвучил новое требование — финансовые обязательства компании следует зафиксировать в золотом эквиваленте. В Париже и Лондоне это расценили как хороший признак скорого завершения переговоров. Правление ИПК пришло к аналогичному выводу, и обсуждение поднятых французскими директорами вопросов было отложено на неделю. В этой связи Хэмфри был информирован о том, что соглашение необходимо подписать до 26 марта[94].

Французское правительство, со своей стороны, тоже решило форсировать события. На Кэ д'Орсэ считали, что Ирак будет затягивать переговоры либо в дальнейшем не ратифицирует новую концессию ИПК, пока не получит твердых гарантий того, что Сирия будет придерживаться политики самоограничения в вопросах железнодорожного строительства к югу и востоку от линии Пальмира — Дэйр-эз-Зор. Поэтому Липписэ был уполномочен письменно известить Нури Саида о намерении Парижа и Дамаска не препятствовать сооружению магистрали Багдад — Хайфа в течение 25 лет[95].

24 марта 1931 г. Нури Саид от имени иракского правительства и Дж. Склирос от имени ИПК подписали новый договор. Общая площадь концессии, на которой компания получила эксклюзивные права, сокращалась до 35 126 кв. миль и располагалась в вилайетах Мосул и Багдад от восточного берега р. Тигр до ирако-турецкой и ирако-персидской границы, за исключением «Переданных территорий». Оставшиеся районы на западном берегу Тигра возвращались под контроль правительства, но ИПК резервировала за собой преимущественное право через 10 лет подать заявку на разработку части пограничных нефтяных источников (не более 10 миль вдоль реки), если до 14 марта 1941 г. они не будут сданы в концессии другим претендентам (ст. 3).

Компания освобождалась от всех обязательств, связанных с политикой «открытых дверей» и проведением геологоразведочных и буровых операций. Аннулирование статей 5 и 6 предыдущего договора, по сути, отводило угрозу появления конкурентов

на месторождениях, которые будут разрабатываться ИПК, и предоставляло ей полную свободу в вопросах развития концессии. Взамен компания должна была построить сеть нефтепроводов от Киркука до Средиземного моря общей пропускной способностью не менее 3 млн. т в год. Новая редакция статьи 6 также оговаривала наиболее предпочтительный для иракского правительства маршрут, указывая, что не менее 50 % нефти должно перекачиваться на терминал в Бей-Акре близ Хайфы до того, как объемы экспорта превысят 4 млн. т в год. ИПК, кроме того, обязалась представить Багдаду план трассы нефтепровода до 31 августа 1931 г., начать строительство обеих веток одновременно и пустить их в эксплуатацию с максимальным интервалом до 6 месяцев не позднее 31 декабря 1935 г. Правительство Ирака оставляло за собой право задержать сооружение палестинской ветки в интересах строительства железной дороги Багдад — Хайфа, если это не помешает компании начать экспорт нефти из Бей-Акра до конца 1935 г. ИПК могла предоставить часть мощности нефтепровода другим концессионерам при условии, что объем экспортируемой из Киркука продукции не сократится ниже 3 млн. т в год.

Финансовые условия соглашения (ст. 10—13) предусматривали размер ренты в 400 тыс. ф. ст. (золотом) в год, из которых 200 тыс. ф. ст. должны были возвращаться компании путем вычетов из отчислений с нефтяного экспорта. Минимальная годовая сумма отчислений была определена в 400 тыс. ф. ст. (золотом), что соответствовало отчислениям за добычу и экспорт 2 млн. т нефти по ставке 4 шиллинга (золотом) с тонны. По прошествии 20 лет с начала регулярных экспортных отгрузок размер отчислений подлежал корректировке в соответствии с увеличением или уменьшением прибылей компании за предыдущие 5 лет по сравнению с первыми 15 годами базисного периода. При этом ИПК, в какой бы степени ни выросли рыночные цены на нефть, не должна была платить за тонну свыше 6 шиллингов; в случае же снижения прибылей она имела право уменьшить платежи до 2 шиллингов за тонну.

Никаких налогов и пошлин сверх этого компания не выплачивала, но в качестве компенсации была обязана переводить на счета иракского правительства дополнительные фиксированные суммы: 9 тыс. ф. ст. (золотом) на 1 января каждого года до начала регулярных экспортных отгрузок нефти, 60 тыс. ф. ст. (золотом) за первые добытые и экспортированные 4 млн. т нефти, и в дальнейшем — по

20 тыс. ф. ст. (золотом) за каждый 1 млн. т или пропорциональную стоимость его части. Не позднее 23 апреля 1931 г. ИПК должна была произвести свой первый платеж в размере 400 тыс. ф. ст. (золотом), а к 1 января 1932 г. — 409 тыс. ф. ст. (золотом).

Статьи 14 и 15 возлагали на компанию обязанность снабжать Ирак нефтепродуктами по заниженным ценам. Формула определения базисных цен на внутреннем рынке страны предусматривала их колебания в соответствии с конъюнктурой мирового рынка, а именно с движением экспортных цен на нефть в Мексиканском заливе. Кроме того, в течение 12 месяцев после начала регулярного экспорта нефти ИПК по требованию и на средства иракского правительства должна была построить перерабатывающий завод с пропускной способностью, равной нефтяному потреблению Ирака на тот момент. В случае возведения такого завода компания была обязана поставлять ему сырую нефть по ценам, не превышающим цену сырой нефти аналогичного качества в США.

Статьи 19 и 20 предоставляли ИПК права на использование иракских железных дорог, телеграфных и телефонных линий, мостов, зданий и т.п., необходимых для работы промыслов и сооружения нефтепровода, а также право беспошлинного ввоза всех материалов и оборудования, предназначенных для операций компании. На территории своей концессии ИПК могла возводить нефтеперегонные заводы, нефтехранилища, электростанции, жилые и складские помещения, а также все средства коммуникаций, в том числе железные дороги, но их расширение за пределы концессионной территории допускалось только по согласованию с иракскими властями[96].

Правительства Ирака и Англии решили не предавать огласке детали соглашения до его утверждения иракским меджлисом и правлением ИПК[97]. Первое официальное сообщение о завершении нефтяных переговоров и подписании договора появилось в начале апреля 1931 г., когда правительственная газета «Ирак Таймс» опубликовала заявление министра финансов Рустум Хайдара[98].

Концессия ИПК была ратифицирована иракским парламентом 18 мая; палата депутатов одобрила ее большинством голосов (54 против 4), сенат — единогласно. В ходе дебатов от оппозиции выступили всего 3 депутата. Они указывали, что новое соглашение лишает страну свободы действий в нефтяных вопросах и ставит

в жесткую зависимость от западного капитала. В ответной речи Р. Хайдар признавал обоснованность критики, но отмечал, что Ирак не располагает финансовыми средствами и опытом для самостоятельной разработки своих нефтяных ресурсов, поэтому вынужден просить помощи у Запада и идти на определенные жертвы. Министр сумел убедить парламентариев в том, что правительство приложит все усилия для рационального использования нефтяных доходов, проследит за тем, чтобы нефтяное производство страны неуклонно возрастало, а компания строго выполняла условия договора, особенно в сфере подготовки местных кадров[99].

В целом положительно было оценено соглашение и на Даунинг-стрит. Некоторые министерства выражали сожаление по поводу аннулирования обязательств ИПК по строительству железной дороги Багдад — Хайфа, хотя признавали, что финансовые условия концессии весьма обременительны. В межведомственной переписке также отмечалось, что ряд статей сформулирован несколько туманно, что могло создать почву для конфликтов между иракскими властями и ИПК в будущем. Кроме того, по мнению Лондона, Багдаду теперь следовало инициировать переговоры с турецким правительством о пересмотре статьи 14 Анкарского договора 1926 г. о нефтяных отчислениях Ирака в пользу Турции с тем, чтобы привести указанную статью в соответствие с новой концессией ИПК[100].

25 марта, на следующий день после оформления нового концессионного договора ИПК в Ираке, по указанию Парижа правительства Сирии и Ливана поставили подписи под соглашениями о транзите иракской нефти[101]. В начале мая концессия была одобрена всеми группами ИПК и утверждена на совете директоров 28 мая[102]. 21 мая ИПК перевела в Восточный банк на счета иракского правительства 400 тыс. ф. ст. в качестве рентных платежей за 1931 г.[103] Подчиняясь условиям нового договора (ст. 14), ИПК сформировала торговую дочернюю фирму «Рафидан Ойл», которой АПНК передала права своего филиала «Ханакин Ойл» на снабжение нефтяного рынка Ирака. Также ИПК информировала иракские власти о своем намерении создать филиал для строительства нефтепровода[104].

Известие о пересмотре концессии ИПК получило широкий резонанс в мировой прессе. Британская печать назвала новое соглашение «моментом истины для Ирака» и рассуждала на тему открывающихся перед страной блестящих перспектив. Вместе с тем она

признавала, что «дипломатический триумф Багдада» был обусловлен определенным прессингом Уайтхолла, а также «совокупностью счастливых для Ирака случайностей, а именно быстрым приобретением крупного источника незаработанной прибыли», и тем, что освоение природных богатств страны «пало на группу с неограниченными финансовыми ресурсами»[105]. Анализируя содержание договора, еженедельник «Нир Ист» указывал, что «условия такой строгости приемлемы только для лиц с большим опытом в нефтяном бизнесе, исходя из их знаний, уверенности в своих силах, финансовых возможностях и огромном нефтяном потенциале Ирака». В этой связи редакция отмечала: «ИПК привлекает внимание как первый пример комбинации на таком уровне международных интересов в одной из отраслей промышленности; и не всегда дела шли гладко, но проблемы никогда не были связаны с финансами»[106].

Особо сильное впечатление финансовые статьи новой концессии ИПК произвели на персидское правительство[107]. Сумма отчислений из расчета 4 шиллинга за тонну являлась беспрецедентной и весьма нехарактерной для нефтяных соглашений того времени. Отчисления АПНК и РДШ местным правительствам (в Персии, Голландской Ост-Индии, странах Латинской Америки) не превышали 2–3 шиллингов за тонну[108]. Поэтому следует признать, что ИПК пошла на серьезные уступки Багдаду. В то же время при выработке финансовых условий ИПК действовала скорее с дальним прицелом, нежели под давлением иракских властей. Анализ протоколов заседаний правления компании и стенограмм консультаций Кэдмана с британскими ведомствами в период нефтяных переговоров позволяет сделать вывод о том, что компаньоны прежде всего принимали во внимание огромную коммерческую ценность иракской нефти и поэтому в целом были готовы к максимальным финансовым уступкам в пользу Багдада.

Отдавая должное щедрости ИПК, британские аналитики тем не менее отмечали, что сумма в 400 тыс. ф. ст. «смешна по европейским меркам, но все же достаточно внушительна для такой бедной страны, как Ирак», поэтому экономическая политика Багдада может увенчаться успехом лишь в случае модернизации не только промышленной, но и аграрной сферы, а также рационального расходования средств, полученных от экспорта нефти. С аналогичной идеей выступали и некоторые багдадские газеты, указывая,

что хотя начало разработки нефтяных ресурсов породило множество приверженцев идеи индустриализации Ирака, будущее страны целесообразно строить на сбалансированном развитии аграрного и промышленного секторов экономики[109]. С этими аргументами трудно не согласиться. Нефтяная отрасль Ирака находилась пока в процессе формирования; до пуска в эксплуатацию нефтепровода и начала регулярных экспортных отгрузок нефти вряд ли можно было ожидать серьезных вливаний в иракскую казну. Хотя в 1931 г. нефтяные отчисления ИПК составили около 9 % доходов страны, госбюджет Ирака оставался достаточно скромным — 4,3 млн. ф. ст.[110] Иными словами, сумма в 400 тыс. ф. ст. не могла покрыть текущих расходов молодого арабского государства, находившегося на стадии становления, не говоря уже о масштабных мероприятиях по модернизации.

Оппозиционная националистическая пресса арабских стран акцентировала внимание на политических последствиях соглашений ИПК с правительствами Ирака, Палестины, Трансиордании, Сирии и Ливана. Даже печатные органы умеренно-реформистских кругов этих стран указывали в основном на военно-стратегический характер этих концессий. Они отмечали, что форсированное сооружение нефтепровода и железных дорог в совокупности с переоборудованием морских портов на десятки лет исключает возможность приобретения независимости подмандатными странами, так как Англия и Франция будут оправдывать свое военное присутствие на Ближнем Востоке необходимостью охраны нефтепромыслов. По мнению газет Багдада, Дамаска, Бейрута и Яффы, срок концессий (70—75 лет) свидетельствовал о том, что иностранные державы не намерены уходить из региона[111].

Действительно, в вопросах, связанных с пересмотром концессии ИПК в Ираке, ведущим был именно политико-стратегический фактор, который лежал в основе ближневосточной политики Англии и Франции. Поэтому вполне естественно, что решались эти проблемы прежде всего в Париже и Лондоне. По итогам нефтяных переговоров ни одна из держав не могла заявить о своей дипломатической победе. Намерения Франции освободиться от нефтяной зависимости не увенчались полным успехом: хотя новая концессия обязала ИПК форсированными темпами начать добычу и экспорт иракской нефти, ее транзит в значительной степени остался под контролем Англии. Нефтепровод начинался в британской сфере

влияния, здесь же полностью пролегала одна из его линий. В случае серьезных осложнений между Францией и Англией, в том числе военного характера, последняя имела возможность пользоваться иракской нефтяной продукцией и при этом перекрыть французскую ветку близ ирако-сирийской границы.

Стратегические планы Англии подлежали корректировке в свете достигнутого с Францией компромисса в нефтяных вопросах. Согласие на перекачку части иракской нефти по французским мандатным территориям обеспечивало британскому правительству поддержку Парижа в Лиге Наций, но не могло нейтрализовать Италию и Германию, действия которых создавали реальную угрозу того, что Ирак не получит политической независимости. Поэтому Уайтхолл был вынужден принять решение о допуске аутсайдера (БОД) к разработке иракской нефти. В то же время восстановление англо-французского альянса на Ближнем Востоке позволяло Лондону в будущем проводить совместную с Парижем политику противодействия укреплению германского и итальянского промышленного капитала в арабских странах.

В условиях мощного давления со стороны Англии и Франции иракское правительство отстаивало национальные интересы страны. Конфликт между двумя великими державами по вопросу о маршруте нефтепровода позволил Багдаду добиться от Лондона целого ряда уступок. Кроме того, Ирак попытался выдвинуться на роль субъекта международной политики на Ближнем Востоке, но следует признать, что на рубеже 1920–1930-х годов его внешнеполитический курс еще определялся характером англо-французских отношений. Новая концессия ИПК предоставила Багдаду сильный аргумент в пользу отмены мандата — наличие солидного концессионера, способного быстрыми темпами разрабатывать богатые нефтяные ресурсы страны и в рекордно короткие сроки построить нефтепровод к Средиземному морю. Это обеспечивало уже через два-три года после получения независимости начало нефтяного экспорта и регулярное пополнение государственной казны валютными доходами. Нефтяное соглашение 1931 г. также позволяло разрешить социальные проблемы, в частности создавать новые рабочие места на нефтепромыслах, в строительстве и обслуживании нефтепровода. Кроме того, у иракского правительства появилась возможность сдавать в аренду оставшиеся в его распоряжении нефтеносные земли — часть Мосульского и Багдадского вилайетов к западу

от р. Тигр, а также весь Бассорский вилайет и пополнять бюджет сначала за счет ренты, а затем отчислений с экспорта нефти.

Реалии международной и региональной политики отражались как в фокусе на содержании и итогах нефтяных переговоров ИПК с властями Ирака, Палестины, Трансиордании, Сирии и Ливана, а также на отношениях между владельцами компании. Британские и французские группы находились под мощным влиянием политических факторов, в то время как американские компаньоны и Гульбенкян руководствовались собственными коммерческими интересами. НИДК пыталась сохранять нейтралитет в англо-французском конфликте из-за маршрута нефтепровода, но стремление укрепить свои позиции в нефтяном производстве Ближнего Востока и на рынках Европы предопределяло ее поддержку французских партнеров по иракской концессии. В итоге Англии не удалось использовать наметившееся после подписания «Соглашения о красной черте» англо-американское нефтяное сближение для укрепления своих стратегических и экономических позиций в регионе за счет уступчивости Франции. Гульбенкян был единственным компаньоном, не имевшим своих нефтеочистительных и сбытовых предприятий; переработкой и продажей его доли сырой нефти должны были заниматься другие владельцы ИПК. Но Гульбенкян и его эксперты строго следили за тем, чтобы иракская нефть приносила реальную прибыль. Он отстаивал личные коммерческие интересы, но вместе с тем защищал национальные интересы Франции и особенно Ирака, правительство которого не было столь же искушенным в тонкостях нефтяной дипломатии.

Важную роль в благополучном в целом для ИПК, Лондона, Парижа и пробританской правящей элиты Ирака завершении нефтяных переговоров сыграл Дж. Кэдман. Британские правительственные чиновники полагали, что он отстаивает исключительно интересы коммерческого предприятия. На наш взгляд, сложные дипломатические ходы президента ИПК скорее были нацелены на поиск компромисса между коммерческими интересами компании и политико-стратегическими устремлениями Уайтхолла. При этом ему стоило больших усилий приводить к общему знаменателю противоречивые позиции участников ИПК[112]. Как глава многонациональной ИПК и британской полуправительственной АПНК Кэдман действовал и как бизнесмен, и как дипломат. Он не мог устранить влияния политического фактора, поэтому включил

его в свою стратегию ведения переговоров. Взвешенный подход Кэдмана к реалиям коммерческой и «высокой» политики в немалой степени позволил всем заинтересованным сторонам прийти к искомому компромиссу.

В целом же, несмотря на все издержки, связанные с уступками британского правительства в отношении Франции, Германии, Италии и Ирака, завершение длительного процесса ревизии нефтяной концессии ИПК и решение Уайтхолла о форсировании выдачи эксклюзивных нефтяных прав БОД в Мосуле создавали благоприятные условия для отмены мандатных обязательств Великобритании в Ираке.

---

1 Extract from Report by HCr for Iraq, 13 Jan., 27 Jan., 24 Feb., 7 May, 4 June, 18 June 1930; Memorandum by Weatley (Baghdad), 13 Feb. 1930; Iraqi Minister for Communications and Works to the Council of Ministers (Baghdad), 20 Feb. 1930; Iraqi Minister for Communications and Works to IPC, 17 May 1930; Weatley to Feisal (King of Iraq), May 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

2 В состав комитета входили руководители 7 министерств — по делам колоний, доминионов, авиации, торговли, а также Форин Оффис, Адмиралтейства и военного министерства.

3 Minutes of CO, 19 Feb., 9 May, 27 Sept., 4 Oct., 6 Oct., 7 Oct., 9 Oct., 10 Oct. 1930; Air Ministry to CO, 10 March 1930; Admiralty to CO, 13 March 1930; PD to CO, 17 April, 29 Aug. 1930; HCr for Iraq to CO, 24 May 1930; CO to FO, 10 Aug., 16 Oct. 1930; FO to CO, 8 March, 10 Sept. 1930; Memorandum by CO, 11 Aug. 1930; Note of the Conference held at the CO, 18 Aug. 1930; Hall (CO) to Weatley (Baghdad), 19 Aug. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

4 Minute of Hall (CO), 19 Feb. 1930; PD to CO, 17 April 1930; Memorandum by CO, 11 Aug. 1930 // Ibid.

5 Memorandum by PD on Prices of Oil Products in Iraq, 17 April 1930 // Ibid. В то же время в связи с депрессией на мировом рынке нефти цены на нефтепродукты в Ираке с 1928 г. постоянно снижались, но все же превышали показатели соседних арабских стран (РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 38).

6 HCr for Iraq to CO, 27 March 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

7 Memorandum by PD on Prices of Oil Products in Iraq, 17 April 1930; Minutes of CO, 24 April 1930; Memorandum by CO, 11 Aug. 1930 // Ibid.

8 Minute of Shuckburgh (CO), 23 May 1930 // Ibid. CO 730/154/2, file 78124.

9 Memorandum by Rendel (FO), 26 May 1930 // Ibid. FO 371/14511, E2654/51/93.

10 Mercier's Report (CFP), Feb. 1931 // Ibid. CO, 730/160/7, file 88001, part 2; Cadman to Board of IPC, 22 April 1931 // Ibid. CO 730/160/8, file 88001, part 3.

11 В этой связи ведущие европейские аналитические издания допускали, что решение ИПК в пользу Триполи было пролоббировано французским правительством, которое, возможно, взамен пообещало американским трестам монополию на нефтяном рынке страны. После парламентских дебатов летом 1930 г. вопрос был отложен, как предполагалось, до окончательного утверждения маршрута нефтепровода (Financial Times. 9 July 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1; Financial Times. 22 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 30–31).

12 Memorandum by CO, 19 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1; Mercier's Report (CFP), Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

13 Местечку Рутба отводилась роль узловой станции в проектируемой железной дороге Багдад — Хайфа. К осени 1930 г. геологические исследования трассы были уже произведены и намечен ее основной маршрут: Багдад — Хит — Рутба (Ирак) — Каср-эль-Азрак (Трансиордания) — Амман — Мафрак — Хайфа (Палестина) (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3183. Л. 19).

14 Memorandum by CO, 11 Aug. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1; Minutes of CO, Feb. 1931 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

15 HCr for Iraq to CO, 24 June 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

16 Memorandum by CO on Iraq Oil Negotiations, 19 Nov. 1930; Memorandum by FO, 12 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

17 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3115. Л. 121. В 1930/1931 фин. году дефицит госбюджета Ирака составил более 350 тыс. ф. ст. и превысил все показатели за предшествующие 10 лет. Соглашение по финансовым вопросам, дополнившее англо-иракский союзный договор, было подписано в Лондоне 19 августа 1930 г.

18 *Sluglett P.* Britain in Iraq 1914–1932. L., 1976. C. 198–199.

19 В меморандумах от 27 июля и 14 августа 1930 г., переданных через французское посольство в Лондоне, правительство Франции настаивало на обязанности Англии как державы-мандатария проследить за тем, чтобы при выборе маршрута нефтепровода ИПК и иракское правительство исходили исключительно из экономических аспектов вопроса и не попадали под влияние политических факторов. В ответных нотах от 1 августа и 9 сентября Форин Оффис напоминал, что в этом деле

британское правительство придерживается политики невмешательства в соответствии с англо-французскими договоренностями от 29 апреля 1929 г. В то же время Лондон признавал за Багдадом право руководствоваться не только экономическими, но также политическими и военно-стратегическими расчетами, поскольку указанный вопрос неразрывно связан с интересами национальной безопасности Ирака (FO to French Embassy (London), 1 Aug. 1930 // PRO. CO 730/158/11, file 78354C; FO to French Embassy (London), 9 Sept. 1930; FO to CO, 15 Aug. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2).

20 Memorandum by CO, 19 Nov. 1930; Weatley (Baghdad) to Hall (CO), 16 Aug. 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

21 Memorandum by CO, 19 Nov. 1930 // Ibid.; Note by Wilson (CO), 31 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; *Grobba F.* Die Manner und Machte im Orient. Gottingen, 1967. C. 88.

22 The Near East and India. 7 Aug. C. 114; 18 Dec. C. 685. 1930.

23 Daily Mail. 29 Aug. 1930 // PRO. CO 730/158/7, file 78354A; The Times. 25 Aug. 1930; Daily Telegraph. 13 Sept. 1930 // Ibid. CO 730/158/8, file 78354B, part 1; Financial Times. 22 Oct., 23 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

24 Memorandum by C.S. Gulbenkian, 9 Sept. 1930 // PRO. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

25 Х. Эфнан также представлял иракское правительство в правлении ИПК, сменив на этом посту Дж. Аль-Азхари.

26 British Embassy (Paris) to FO, 19 Sept. 1930; HCr for Iraq to CO, 15 Oct. 1930; CO to HCr for Iraq, 17 Oct. 1930 // PRO. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

27 Hall to Flood (CO), 24 Oct. 1930 // Ibid.; Minute of Hall (CO), 7 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/154/2, file 78354. Один из чиновников министерства по делам колоний так прокомментировал демарш Гульбенкяна: «Он считает себя настолько богатым, что думает, будто может позволить себе иметь собственное мнение» (Minute of Flood (CO), 7 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/154/2, file 78354).

28 Minute of Hall (CO), 9 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

29 *Dobbs H.* Mosul Oil and the Pipe-Line // Nineteenth Century and After. September 1930. C. 281–291; Financial Times. 22 Oct. 1930 // PRO. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; *Доббс Г.* Мосульская нефть и вопрос о трубопроводе // Нефтяное хозяйство. 1930. № 11. С. 635–637; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 30а.

30 *Dobbs.* Op. cit. C. 289–291.

31 Minute of Flood (CO), 4 Sept. 1930 // PRO. CO 730/158/8, file 78354B, part 1.

32 Minute of Campbell (CO), 1 Sept. 1930; Minute of Hall (CO), 30 Sept. 1930 // Ibid.

33 Minute of Hall (CO), 9 Oct. 1930; Note by Wilson (CO), 31 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; Minute of Hall (CO), 12 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3.

34 Resolution of IPC meeting, 10 Oct. 1930; Note on the conversation with Cadman, 9 Oct. 1930; CO to Committee of Imperial Defence, 22 Oct. 1930; PD to CO, 7 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2; Mercier's Report (CFP), Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

35 Cadman to Nuri Said, 15 Oct. 1930; Cadman to CO, 16 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

36 Draft of Agreement, 10 Oct. 1930 // Ibid.

37 Minute of Hall (CO), 17 Oct. 1930 // Ibid.

38 20 октября 1930 г., незадолго до того, как предложения ИПК прибыли в Багдад, Нури Саид сделал официальное заявление для лондонской «Таймс» о том, что в ходе своего дипломатического турне в Англию он нашел новый источник доходов для Ирака в размере 375 тыс. ф. ст. в год. Он также публично пообещал, что с нового года страна будет обеспечена дешевыми нефтепродуктами. На Даунинг-стрит считали, что Нури Саид вряд ли теперь откажется от этих условий. Король Фейсал, со своей стороны, назвал заявление премьер-министра преждевременным (Minute of Campbell (CO), 15 Oct. 1930; Lefroy (APOC) to CO. 11 Nov. 1930 // Ibid.; Extract from Report by HCr for Iraq, Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3; The Near East and India. 20 Nov. 1930).

39 Minutes of CO, 16 Oct., 17 Oct., 24 Oct., 25 Oct., 27 Oct. 1930 // PRO. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

40 HCr for Iraq to CO, 28 Oct., 29 Oct. 1930 // Ibid.

41 Afnan (Charge d'Affairs, Iraq Legation, London) to Cadman, 31 Oct., 4 Nov., 7 Nov. 1930; Cadman to Afnan, 31 Oct., 4 Nov., 7 Nov. 1930; Cadman to CO, 4 Nov. 1930; Lefroy (APOC) to CO, 11 Nov. 1930 // Ibid.

42 Note by Wilson (CO), 31 Oct. 1930 // Ibid. В частности, Кэдман сообщил, что Гульбенкян открыто заявляет, будто французские директора в правлении ИПК перетянули на свою сторону американскую и голландскую группы, и в результате британские компаньоны, оставшись в меньшинстве, были вынуждены согласиться на сирийский маршрут нефтепровода. До Багдада также дошли слухи о существовании некоего секретного договора между владельцами ИПК. Речь шла о групповом соглашении от 14 октября 1930 г. По информации, полученной иракским правительством, группы якобы решили, что при любом исходе переговоров компания будет строить только одну линию на Триполи.

Примечательно, что на Даунинг-стрит тоже не исключали такого варианта развития событий в случае, если в тексте концессии не будет упомянута Хайфа. Например, ИПК могла проложить трубу на Триполи, а в дальнейшем нарастить ее мощность и вывести второй терминал в Бейруте, поскольку такой проект был бы значительно дешевле хайфского маршрута (Note on an interview with Cadman, 10 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3).

43 Note by Wilson, 31 Oct. 1930; CO to HCr for Iraq, 6 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

44 CO to HCr for Iraq (Draft), 31 Oct. 1930; Minutes of CO, 3 Nov., 13 Nov., 14 Nov. 1930 // Ibid.

45 Memorandum by CO, 19 Nov. 1930; CO to WO, 6 Nov. 1930; FO to CO, 30 Oct., 12 Nov. 1930; Admiralty to CO, 14 Nov. 1930; Treasure to CO, 7 Nov., 15 Nov. 1930; PD to CO, 7 Nov. 1930; CO to FO, 18 Nov. 1930; Committee of Imperial Defence to FO, 20 Nov. 1930; Board of Trade to CO, 20 Nov. 1930; Hall to Flood (CO), 12 Nov. 1930 // Ibid.

46 Note by Wilson (CO), 31 Oct. 1930; Memorandum by FO, 12 Nov. 1930; Minutes of CO, 18 Nov. 1930 // Ibid.

47 Minutes of Iraq Oil Committee of Cabinet, 20 Nov. 1930; Iraq Oil Committee of Cabinet to CO, 7 Nov. 1930; Minutes of CO, 20 Nov. 1930, Feb. 1931 // Ibid.

48 HCr for Iraq to CO, 14 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3. Как объяснял Кэдман, эту идею предложил Гульбенкян иракскому поверенному в делах во Франции. Речь шла о том, чтобы зять Гульбенкяна получил иракское гражданство и был назначен на пост коммерческого атташе правительства Ирака; в этой должности он проводил бы «независимую» экспертизу по различным аспектам нефтяной политики Багдада (Note on the interview with Cadman, 10 Dec. 1930 // Ibid.).

49 Юридический корпус БОД в Ираке был представлен влиятельным английским адвокатом Дж. Саймоном, а также известными юристами из Германии, Италии и Швейцарии (Note on the interview with Cadman, 10 Dec. 1930; HCr for Iraq to CO, 12 Dec., 23 Dec. 1930 // Ibid.; Note by Wilson (CO), 31 Oct. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2).

50 Ibid.; HCr for Iraq to CO, 14 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3; PD to CO, 19 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

51 Note on the interview with Cadman, 3 Dec. 1930; Minutes of CO, 9 Dec., 23 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3.

52 HCr for Iraq to CO, 25 Nov. 1930; CO to Cadman, 27 Nov. 1930 // Ibid.; HCr for Iraq to CO, 18 Nov. 1930; CO to Cadman, 19 Nov., 20 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

53 Note on the interview with Cadman, 25 Nov. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3.

54 Minutes of CO, 29 Nov., 8 Dec. 1930 // Ibid.

55 Minute of Flood (CO), 31 Oct. 1930 // Ibid.

56 Note on the interview with Cadman, 25 Nov. 1930; HCr for Iraq to CO, 20 Dec., 23 Dec. 1930; CO to Cadman, 22 Dec., 23 Dec. 1930; Cadman to CO, 22 Dec., 24 Dec. 1930; Minutes of Iraq Oil Committee of Cabinet, 29 Dec. 1930 // Ibid.

57 CO to HCr for Palestine, 19 Dec., 29 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/6, file 78354, part 3.

58 Cadman to CO: Draft Pipe-Line Convention, 10 Oct., 24 Oct., 29 Oct. 1930; Note on discussion held at the CO, 17 Oct. 1930; FO to CO, 21 Nov., 18 Dec. 1930; PD to CO, 19 Nov. 1930; Treasure to CO, 10 Dec. 1930; CO to HCr for Palestine, 31 Oct., 19 Dec. 1930 // Ibid.

59 Draft Pipe-Line convention, 10 Oct., 24 Oct., 29 Oct. 1930 // Ibid.

60 В частности, новая редакция соглашения ИПК с Палестиной предусматривала право местного правительства аннулировать концессию в случае, если в течение 3 лет компания не подпишет аналогичные конвенции с правительствами Трансиордании и Сирии, либо если нефтепровод не будет построен в течение 5 лет с даты пересмотра нефтяной концессии ИПК в Ираке (Note on the interview with Cadman, 29 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3; Convention regulating the transit of mineral oil of IPC through the territory of Palestine, 5 Jan. 1931 // Ibid. CO 732/46/4, file 89016, part 1).

61 РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. С. 51.

62 Extract from the letter from British Liaison Officer (Beyrouth), 16 Dec., 23 Dec. 1930; British Consulate-General (Beyrouth) to FO, 16 Dec. 1930; Air Ministry to CO, 7 Jan., 19 Jan. 1931; Minutes of CO, 13 Jan., 14 Jan., 1931 // PRO. CO 730/160/6, file 88001, part 1.

63 Minutes of CO, 29 Nov. 1930; CO to HCr for Palestine, 23 Dec., 29 Dec. 1930; HCr for Palestine to CO, 27 Dec. 1930; Lefroy (APOC) to CO, 1 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/158/6, file 78354, part 3; Minutes of Iraq Oil Committee of Cabinet, 29 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3.

64 Кэдман считал, что это Гульбенкян посоветовал Багдаду не отказываться от своих законных прав в вопросе о снабжении страны нефтепродуктами по заниженным ценам. Он также сомневался в том, что сможет переубедить иракское правительство. В этой связи правление ИПК решило заключить с «Ханакин Ойл» соглашение о дешевых нефтяных поставках для сельскохозяйственных нужд Ирака (Note on the interview with Cadman, 17 Dec. 1930 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3). Нури Саид в дальнейшем одобрил такой компромисс.

65 Note on the interview with Cadman, 17 Dec., 29 Dec. 1930 // Ibid.; CO to Fraser (IPC/APOC), 27 Jan. 1931; Note on the interview with Fraser, 28 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/160/6, file 88001, part 1.

66 Minute of Hall (CO), 3 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3; Mercier's Report (CFP), Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

67 Note on the interview with Cadman, 29 Dec. 1930; Minute of Hall (CO), 31 Dec. 1930, 3 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/158/10, file 78354B, part 3.

68 HCr for Palestine to CO, 5 Jan. 1931; Official Gazette (Jerusalem). 1 Feb. 1931; The Times. 4 Feb. 1931; The Financial News. 21 Feb. 1931 // Ibid. CO 732/46/4, file 89016, part 1.

69 Hassan Khalid (Chief Minister, Amman) to British Resident, 11 Jan. 1931; HCr for Trans-Jordan (Jerusalem) to CO, 12 Jan. 1931 // Ibid.

70 РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 51–52.

71 *Rabinovich I.* Oil and Local Politics: The French-Iraqi Negotiations of Early 1930s // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., 1988. С. 172–182.

72 HCr for Iraq to CO, 10 Jan. 1931 // PRO. CO 730/160/6, file 88001, part 1. Опасения Фейсала оправдались достаточно быстро. Помимо Али Париж также предложил сирийский трон другим претендентам — шерифу Али Хайдару, члену конкурировавшей ветви Хашимитской фамилии, и одному из сыновей Ибн Сауда. Далее последовала серия интриг, где теперь уже каждый участник пытался сделать Франции конкретные предложения. Подробнее см.: *Rabinovich I.* Op. cit. С. 176–177; *Gomaa A.* The Syrian Throne: Hashemite Ambition and Anglo-French Rivalry, 1930–1935 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., 1988. С. 183–186; АВП РФ. Ф. 93. Оп. 1. П. 1. Д. 12. Л. 8.

73 HCr for Iraq to CO, 14 Jan. 1931 // PRO. CO 730/160/6, file 88001, part 1.

74 РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 37, 58.

75 ИПК предлагала ренту 300 тыс. ф. ст. в год, в том числе 200 тыс. ф. ст. в виде беспроцентных возвратных платежей в счет будущих отчислений с экспорта нефти. Если бы было принято предложение Багдада, Ирак получал еще 100 тыс. ф. ст., но возвращал 250 тыс. ф. ст. с процентами, которые при ставке в 5% составили бы 12,5 тыс. ф. ст. в год. Иными словами, за дополнительные 100 тыс. ф. ст. иракское правительство выплачивало бы 12,5 тыс. ф. ст., что, по сути, означало заем на 100 тыс. ф. ст. по чрезвычайно высокой ставке — 12,5% годовых (Note on the interview with Cadman, 10 Dec. 1930 // PRO. CO 730/158/10, file 78354B, part 3).

76 Ibid.; HCr for Iraq to CO, 21 Jan., 23 Jan. 1931; CO to Fraser (IPC/APOC), 27 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/160/6, file 88001, part 1; Minutes of CO, Feb. 1931 // Ibid. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

77 Meeting held in CO, 22 Jan., 23 Jan. 1931; Minute of Committee of Imperial Defence, 23 Jan. 1931; FO to CO, 23 Jan. 1931; Minutes of CO, 24 Jan. 1931; CO to HCr for Iraq, 24 Jan. 1931; Note by Iraq Oil Committee of Cabinet, 27 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/160/6, file 88001, part 1.

78 HCr to CO, 23 Jan., 28 Jan., 30 Jan., 3 Feb. 1931; Cadman (Baghdad) to Fraser (London), 29 Jan. 1931; Note by Iraq Oil Committee of Cabinet, 29 Jan. 1931; CO to HCr, 29 Jan. 1931 // Ibid.; Cadman to CO, 31 March 1931 // Ibid. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

79 Secretary General of the League of Nations to British Residency (Geneva), 7 Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/2, file 88001B; Minutes of the Twentieth Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1931. C. 233.

80 The Near East and India. 29 Jan. 1931. C. 122.

81 *Mejcher H.* Die Politik und das Ol im Nahen Osten. Bd. I. Stuttgart, 1980. C. 38–39; 147–149.

82 Hall (CO) to FO, 31 July 1931 // PRO. FO 371/15308, E3993/5/93.

83 Convention BOD — Groups Franco-Swiss, 8 Jan. 1931; Convention Rickett — Group Franco-Swiss, 8 Jan. 1931; Convention Groupe Francais — Groupe Franco-Swiss, 8 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/160/2, file 88001B.

84 BOD to CO, 16 Jan. 1931; Minutes of CO, 16 Jan., 23 Jan. 1931 // Ibid.

85 CO to HCr for Iraq, 6 March 1931 // Ibid.; HCr for Iraq to CO, 23 Jan. 1931; CO to FO, 31 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/160/3, file 88001C.

86 Minutes of Iraq Oil Committee of Cabinet, 4 Feb., 5 Feb. 1931; Minute of Hall (CO), 2 Feb. 1931; CO to HCr for Iraq, 4 Feb., 5 Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/6, file 88001, part 1; FO to CO, 10 Feb. 1931; Minutes of CO, 10 Feb. 1931; CO to HCr, 13 Feb. 1931 // Ibid. CO 730/160/3, file 88001C.

87 Цит. по: *Rabinovich.* Op. cit. C. 178.

88 CO to HCr for Iraq, 9 Feb., 19 Feb., 28 Feb. 1931; Memorandum by CO, 13 March 1931; Note on an interview with Cadman, 18 March 1931 // PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

89 HCr for Iraq to CO, 19 Feb. 1931; Memorandum by CO, 13 March 1931; Note on an interview with Cadman, 18 March 1931 // Ibid.

90 РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 55.

91 HCr for Iraq to CO, 2 March, 15 March 1931; CO to Treasure, FO, PD, 23 Feb. 1931; Memorandum by CO, 13 March 1931; Note on an interview with Cadman, 18 March 1931// PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

92 Note on an interview with Cadman, 18 March 1931 // Ibid.

93 Примечателен тот факт, что до начала марта 1931 г. пресса терялась в догадках относительно хода и содержания нефтяных переговоров (Morning Post. 16 Jan. 1931; Daily Herald. 15 Jan. 1931 // Ibid. CO 730/160/6, file 88001, part 1; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 30–31). Теперь же в британской печати появилась серия критических публикаций в адрес иракского правительства, которое обвиняли в неуступчивости, «редком упрямстве» и «крайнем невежестве», в создании «надуманных проблем», обусловленных «политическими, персональными либо тактическими установками тех, от кого зависит подписание концессии». Аналитики четко указывали, что камнем преткновения стал вопрос уплаты ИПК внутренних налогов, и предложения компании «столь выгодны для Ирака, что несовместимы с депрессией на мировом рынке нефти и угрозой русского нефтяного соперничества» (The Near East and India. 5 March. C. 264; 19 March. C. 322; 2 April. C. 376; 28 May. C. 599. 1931).

94 Extract from minutes of Committee of Imperial Defence, 19 March 1931; Minute of Flood (CO), 21 March 1931; CO to HCr for Iraq, 24 March 1931; Note by Iraq Oil Committee of Cabinet, 25 March 1931; CO to FO, PD, Air Ministry, Admiralty, Treasure, Cabinet Office, 31 March 1931 // PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

95 Lippisier. To the Iraqi Minister for Foreign Affairs (Baghdad), 22 march 1931; HCr for Iraq to CO, 1 May 1931 // Ibid. CO 730/160/8, file 88001, part 3.

96 Agreement between the Iraqi Government and the Iraq Petroleum Company, Ltd, of 24 March 1931 // Special Report on the Progress of Iraq during the period 1920–1931. L., 1931. Appendix L (2). C. 316–325.

97 HCr to CO, 27 March 1931 // PRO. CO 730/160/7, file 88001, part 2.

98 The Near East and India. 23 April. 1931. C. 460; Нефтяное хозяйство. 1931. № 6. С. 503.

99 Extract from Intelligence Report, 27 May 1931 // PRO. CO 730/160/9, file 88001, part 4.

100 HCr to CO, 27 March 1931; CO to FO, PD, Admiralty, Treasure, Cabinet Office, air Ministry, 31 March 1931; Minutes of CO, 21 Feb., 14 April 1931 // Ibid. CO 730/160/7, file 88001, part 2; CO to Wyatt (Council of the Ottoman Debt), July 1931 // Ibid. CO 730/160/8, file 88001, part 3.

101 HCr for Iraq to CO, 1 May 1931 // Ibid. CO 730/160/8, file 88001, part 3; FO to CO, 10 Aug. 1931 // Ibid. CO 732/46/4, file 89016, part 1.

102 Cadman to CO, 3 June 1931; Mercier (CFP) to Cadman, 7 May 1931; Cadman to the Prime Minister of Great Britain, 15 April 1931 // Ibid. CO 730/160/8, file 88001, part 3.

103 Eastern Bank to CO, 27 May 1931 // Ibid. CO 730/160/9, file 88001, part 4. ИПК должна была внести этот платеж не позднее 23 апреля 1931 г.,

но она задержала перевод денежных средств в ожидании ратификации концессии иракским парламентом.

104 IPC to Prime Minister of Iraq, 25 April 1931; Acting Prime Minister of Iraq to IPC, 6 June 1931; Extract from Report of HCr for Iraq, June 1931 // Ibid.

105 The Near East and India. 2 April. C. 376; 23 April. C. 460; 28 May. C. 599. 1931; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3183. Л. 19–20.

106 The Near East and India. 14 July. 1932. C. 565.

107 В начале 1927 г. Тегеран пришел к выводу о том, что ставка на нефть как основной источник доходов себя не оправдывала. За период 1920–1931 гг. отчисления АПНК в персидскую казну составляли в среднем 708 667 ф. ст. в год, на практике же они варьировались от 411 тыс. ф. ст. в 1924 г. (самый низкий показатель) до 1,4 млн. ф. ст. в 1927 г. и 1,3 млн. ф. ст. в 1930 г. (самые высокие показатели). В июне 1932 г. персидские власти отказались принимать нефтяные отчисления за 1931 г., которые составили всего 306 872 ф. ст. при том, что из страны было вывезено 6,45 млн. т нефти и нефтепродуктов. Шахское правительство не понимало, почему на фоне роста добычи нефти и экспорта нефтепродуктов размеры отчислений сокращаются, в то время как в соседнем Ираке, где нефтяное производство находилось на минимальном уровне, а экспорт отсутствовал, размеры отчислений превышали суммы, получаемые Тегераном. Аргументы Кэдмана о депрессии на мировом рынке нефти не возымели должного эффекта. И без того раскаленную атмосферу подогрели слухи о том, что Ираку помимо отчислений якобы обещано 25% чистого дохода ИПК. В конечном итоге, произведя собственные расчеты, персидская пресса заявляла, что АПНК задолжала стране от 46 до 120 млн. ф. ст. (The Near East India. 8 Dec. C. 987; 15 Dec. C. 1012–1013; 26 Jan. C. 69. 1933; Economist. 16 Sept. 1933. C. 531).

108 Memorandum by C.S. Gulbenkian, 9 Sept. 1930; Iraq Oil Committee of Cabinet to CO, 7 Nov. 1930 // PRO. CO 730/158/9, file 78354B, part 2.

109 The Near East and India. 12 Feb. C. 180–181; 28 May. C. 599; 19 Nov. C. 547. 1931; 28 April. C. 349–350. 1932.

110 League of Nations. Public Finance 1928–1937. Vol. LVIII. Iraq. Geneva, 1938. C. 2; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3317. Л. 44.

111 РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 33. Л. 55–57.

112 По окончании нефтяных переговоров, в апреле 1931 г., Кэдман передал правлению ИПК обширный меморандум, в котором упрекал французских компаньонов в нарушении элементарных принципов нефтяной дипломатии. Он заявил, что в результате необдуманных действий французских директоров в распоряжение Багдада попала конфиденциальная информация. Это ограничило свободу действий

президента и позволило иракскому правительству маневрировать и получить хорошие отступные. Э. Мерсье, глава «Компани Франсез де Петроль», был вынужден признать обоснованность обвинений Кэдмана и принес письменные извинения. Он объяснял непоследовательную политику французской группы мощным давлением со стороны Парижа и желанием оправдать КФП в глазах французской общественности тем, что она, будучи молодой и неопытной в нефтяных дипломатических делах компанией, ведет неравный бой с мировыми нефтяными трестами, выступающими единым фронтом в ИПК (Cadman to the Board of IPC, 22 April 1931; Mercier (CFP) to Cadman, 7 May 1931 // PRO. CO, 730/160/8, file 88001, part 3).

ГЛАВА 5

РОЛЬ КОНЦЕССИИ БОД В РЕШЕНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИРАКУ НЕЗАВИСИМОСТИ, 1931–1932 гг.

В апреле 1931 г. иракское правительство начало неофициальные консультации с БОД, которая предварительно обязалась «руководствоваться советами Верховного комиссара в Ираке с тем, чтобы в короткие сроки достичь финального соглашения»[1]. Багдад считал, что условия концессий ИПК и БОД должны максимально совпадать, особенно в финансовых вопросах и в сфере подготовки местных кадров. Обсуждение проводилось на основе предложений, сделанных БОД в январе 1930 г., и по ряду пунктов у сторон возникли разногласия. Компания отстаивала право самостоятельно определять маршрут нефтепровода к Средиземному морю. Взамен она выражала готовность в три раза увеличить предложенный ею ранее объем буровых работ, начать экспорт нефти не позднее чем через 7,5 лет после подписания договора и выплачивать арендные платежи в размере 100 тыс. ф. ст. в год. БОД также гарантировала правительству 5 % своих акций, но формула оплаты этого холдинга и его увеличения до 20 % не устраивала Багдад[2].

24 апреля госсекретарь США Г. Стимсон направил в Лондон протест против выдачи нефтяных концессий на мандатной территории без предоставления равных конкурентных возможностей американским фирмам. На запрос американского консульства министр иностранных дел Ирака А. Дамлуджи ответил, что ему ничего неизвестно о нефтяных переговорах, но в приватной беседе с А. Слоуном он сказал, что обмен мнениями между иракскими министрами и представителями БОД действительно имеет место. 30 мая правительство Ирака официально пригласило американскую

«Гетти Ойл Компани» к участию в конкурсе на нефтеносные территории на западном берегу Тигра[3].

В тот же день аналогичное приглашение было отправлено британской фирме «Пирсонс энд Санс». На Даунинг-стрит считали, что внушительные финансовые ресурсы и богатый опыт в нефтяном деле и железнодорожном строительстве позволят этой компании успешно конкурировать с БОД. В декабре 1930 г. с одобрения Уайтхолла Кэдман заручился согласием главы «Пирсонс» на сотрудничество в Ираке[4]. Верховный комиссар Ф. Хэмфри, в свою очередь, убедил иракских министров в необходимости расширить круг претендентов, чтобы избежать обвинений в нарушении политики «открытых дверей»[5]. 6 июня министр коммуникаций Ирака информировал БОД о прекращении консультаций и рекомендовал ей направить заявку на торги наравне с другими фирмами[6].

Лишь после того как Лондон и Багдад согласовали состав участников тендера, 21 и 27 июня 1931 г. в правительственной прессе Ирака было официально объявлено о начале конкурсного отбора предложений нефтяных компаний по развитию территорий, которые не входили в концессии ИПК и ХОК. В заявке следовало указать район и площадь желаемой концессии, а также представить документы, подтверждавшие финансовую состоятельность претендента. Правительство Ирака оставляло за собой право выбора наиболее выгодных для страны предложений и могло отказать всем кандидатам в случае, если достойный не будет найден. Срок подачи заявок был установлен до 30 сентября 1931 г.[7]

На 20-й сессии ПМК в июне 1931 г. держава-мандатарий представила обширный доклад относительно прогресса, достигнутого Ираком в период мандатного режима. Особый интерес для комиссии представляла часть отчета, посвященная развитию нефтяной отрасли страны.

Излагая краткую историю концессии ИПК, британское правительство сообщало, что «компания уже затратила в Ираке более 4 млн. ф. ст. и пробурила около 115 тыс. футов (34 500 м), значительно превысив требуемый по соглашению объем исследовательских операций». Лондон признавал, что промышленная разработка уже открытых нефтяных источников была приостановлена, и в качестве главного сдерживающего фактора указывал на принцип «открытых дверей», прописанный в условиях концессии 1925 г. «Если бы ИПК не была озабочена выбором участков, она

еще в 1927 г. сконцентрировала бы свои усилия в районе Киркука; однако в течение 18 месяцев после открытия фонтанирующей скважины в Баба-Гургур она была вынуждена продолжать обследование всей концессионной территории», — отмечалось в докладе и уверялось, что ИПК не извлекала выгод из отсрочки экспорта иракской нефти, напротив, компания планирует начать его в кратчайшие сроки. По мнению державы-мандатария, отказ от политики «открытых дверей» позволит ИПК форсированными темпами ввести в эксплуатацию Киркукские месторождения, предотвратить их конкурентное бурение различными концессионерами и, следовательно, избежать скорого истощения нефтяных ресурсов страны и снижения объема ее нефтяных доходов. В силу указанных причин иракское правительство и ИПК пришли к обоюдному решению пересмотреть условия сотрудничества. К докладу прилагался полный текст нового концессионного договора, заключенного 24 марта 1931 г.

Далее отчет приводил итоги деятельности компании «Ханакин Ойл» на «Переданных территориях» и признавал, что добыча нефти в этом районе не превышает 80 тыс. т в год, а пробное бурение практически приостановилось в 1928 г. Лондон объяснял столь явное нарушение концессионных обязательств ХОК тем, что дальнейшее развитие промыслов целесообразно лишь при наличии нефтепровода к Средиземному морю, который позволит отгружать нефть на мировые рынки. В целом нефтяное производство Ирака в 1930 г. составило 122 тыс. т., и этого объема было достаточно для нефтеснабжения северных и центральных районов страны, а также для обеспечения операций ИПК и ХОК[8].

Хотя доклад отмечал, что приведенные показатели не отражают потенциальной производительности нефтяных скважин в Баба-Гургур и Нафт-Хана, тем не менее они свидетельствовали о довольно низком уровне нефтяного потребления в Ираке и соответственно о слабой степени механизации различных отраслей его экономики. Мировой экономический кризис усугублял экономические проблемы страны[9]. При этом финансово-экономическая стабильность являлась одним из главных условий отмены мандатного режима и Ирак должен был предоставить весомые гарантии устойчивого и поступательного развития в будущем. В этой связи Лондон заявлял, что концессия ИПК обеспечит Ираку регулярное пополнение государственной казны, а нефтяная индустрия станет

залогом его экономического процветания. Далее доклад указывал, что иракское правительство намерено выдавать новые концессии «только тем компаниям, которые располагают внушительными финансовыми ресурсами и способны освоить крупные районы, а не отдельные мелкие участки»[10]. Британский представитель в Женеве также сообщил, что ИПК, выполняя свои обязательства, выплатила Багдаду 400 тыс. ф. ст. за 1931 г.[11]

ПМК оценила доклад державы-мандатария как «всеобъемлющий и исчерпывающий», и вопрос о посещении Ирака экспертами Лиги Наций был снят с повестки дня[12]. Кроме того, комиссия детально изучила соглашения ИПК с властями Палестины, Трансиордании, Сирии и Ливана об условиях транзита иракской нефти к Средиземному морю. ПМК признала, что по ряду пунктов они нарушают принцип «равенства возможностей» и противоречат духу мандата, так как скорее защищают имперские интересы Великобритании и Франции, нежели мандатных стран. Критике также подверглись привилегии ИПК в сфере налогообложения и отсутствие обязательств соблюдать нормы местного трудового законодательства. Лондон и Париж были вынуждены предоставить письменные гарантии о том, что новым концессионерам в Ираке будут обеспечены аналогичные благоприятные условия для сооружения нефтепровода через территории указанных стран. После длительных дебатов ПМК рекомендовала Совету Лиги Наций одобрить нефтяные соглашения ИПК[13].

Комиссия также сообщала, что «получила исчерпывающую информацию от Верховного комиссара в Ираке Хэмфри и его помощника Янга» и к осени 1931 г. сформирует свое мнение о возможности отмены мандата на Ирак. Но государство-претендент должно предоставить твердые гарантии соблюдения в дальнейшем принципа экономического равенства, обеспечения режима наибольшего благоприятствования для деловых интересов стран — членов Лиги Наций, а также выполнения всех международных соглашений, подписанных в период опеки[14].

На страницах британской печати достаточно четко просматривается тот факт, что компромисс между европейскими державами в иракском вопросе в целом достигнут. «Доклад комиссии написан преимущественно в темных тонах, но в таких же тонах вырисовывается картина многих стран, которые уже являются членами Лиги Наций», — комментировал обстановку в Женеве журнал «Нир Ист»

и приводил цитату из отчета державы-мандатария: «В Ираке уже имеются четкие границы и дружественный настрой в отношении соседних государств, госаппарат, достаточно стабильное законодательство, юридическая и административная системы... основным болезненным вопросом остается проблема меньшинств». В заключение еженедельник ссылался на некие конфиденциальные источники и уверял, что на следующих сессиях ПМК и Совет Лиги поддержат идею предоставления Ираку независимости[15].

Через месяц в подтверждение своих прогнозов «Нир Ист» привел ряд аргументов в довольно откровенной статье «Великобритания и Ирак». «Могут ли не понимать те англичане, которые принимали участие в послевоенном обустройстве Ирака, что отмена мандатного режима — это весьма рискованное мероприятие. Будущее Ирака и его соседей с трудом поддается описанию», — рассуждал автор передовицы и указывал, что круг проблем свелся к обеспечению прав иностранных граждан и компаний и к вопросу меньшинств. Позиции европейских стран, по мнению еженедельника, теперь достаточно четко очерчены. Германская и итальянская критика в адрес Англии базируется на том, что последняя получит по англо-иракскому договору 1930 г. больше привилегий, чем в период мандата, причем в ущерб интересам других стран. На деле Берлин и Рим готовы поддержать Ирак и Англию в обмен на долю участия в разработке иракской нефти. Определенную непоследовательность в действиях французской дипломатии аналитики связывали с размежеванием мнений в правящих кругах Франции: на Кэ д'Орсэ считали ошибочным решение Уайтхолла освободить Ирак и опасались последствий в Сирии и Ливане[16]; некоторые влиятельные политики, напротив, хотели, чтобы Париж последовал английскому примеру и сложил с себя мандатные обязательства на Ближнем Востоке. Поскольку ПМК не имела вариантов решения проблемы меньшинств, редакция «Нир Ист» выражала надежду, что комиссия «разделит мнение державы-мандатария о том, что ассирийское недовольство надуманно», и перестанет акцентировать внимание на этом вопросе[17].

4 сентября 1931 г. Совет Лиги Наций, руководствуясь мнением ПМК, принял резолюцию о том, что Ирак может получить статус независимого государства, и хотя отдельные положения англо-иракского договора 1930 г. вызывают возражения, в целом он не ущемляет независимости страны и может вступить в силу

автоматически после отмены мандатного режима[18]. В этой связи БОД была официально извещена о том, что ПМК некомпетентна рассматривать ее протесты и компании следует обратиться в иракский суд[19]. Итоги сентябрьской сессии Совета Лиги свидетельствовали о том, что Англия смогла заручиться нейтральной позицией своих главных оппонентов — Германии и Италии, пообещав БОД нефтяные права в Ираке. Компания еще не получила искомую концессию, поэтому Рим и Берлин фактически выжидали, но все же ограничили критику в адрес державы-мандатария.

Результаты конкурса, проведенного иракским правительством в октябре 1931 г., в целом устранили сомнения Италии и Германии в готовности Англии к нефтяному сотрудничеству. Заявки на участие в тендере подали 4 компании: международная БОД, британская «Пирсонс энд Санс», американская «Гетти Ойл» и французская «Этюд Финансье д'Энтреприз». Главными критериями отбора были финансовая состоятельность претендента и его позиции на европейских рынках. «Гетти Ойл» получила отказ, потому что не имела широкой сбытовой сети в Европе и вряд ли смогла бы разместить там дополнительные партии иракской нефти[20]. «Этюд» скорее была заинтересована в брокерской сделке. В итоге конкуренция развернулась между БОД и «Пирсонс».

Первоначально иракские власти хотели разделить территории Багдадского и Мосульского вилайетов на западном берегу Тигра на две зоны — южную и северную и дать обеим фирмам по концессии. Но БОД и «Пирсонс», ссылаясь на высокую стоимость и риск геологоразведочных операций, претендовали только на северные районы, прилегавшие к Киркуку с запада в направлении Гайяры, которые частично уже были исследованы ИПК. Багдаду следовало остановить выбор только на одной компании, и он сделал ставку на БОД. Главную роль в принятии этого решения сыграл многонациональный характер БОД: участие итальянского, французского и германского капитала, тесно связанного с правительственными кругами своих стран, гарантировало финансовую устойчивость предприятия и емкий рынок сбыта, что в условиях мирового перепроизводства нефти имело исключительное значение. 9 октября министр экономики и коммуникаций Ирака М. А. Заки пригласил БОД к переговорам на основе предложений, сделанных компанией в мае 1931 г. «Пирсонс» была извещена о том, что правитель-

ство будет вести дела с ней в случае, если не придет к соглашению с БОД[21].

Через две недели в Женеве начала работу 21-я сессия ПМК (26 октября — 13 ноября 1931 г.). Комиссия согласилась с мнением Лондона о том, что «держава-мандатарий не обязана доводить подмандатную территорию до уровня самой высокоразвитой и цивилизованной нации в современном мире» и «достижение в совершенстве стандарта административной эффективности и экономической стабильности не является необходимым критерием отмены мандата»[22]. Изучив предоставленную Англией информацию, ПМК пришла к выводу, что в Ираке имеются адекватные условия для нормальной работы государственного и административного аппарата, финансовой системы, армии, полиции и т. д.[23]

Открытым оставался вопрос о правах меньшинств. Накануне осенней сессии ПМК ассирийские лидеры уполномочили Мар-Шимуна, патриарха ассирийских племен, «бороться любыми средствами за выполнение их решения об эмиграции в другую страну». На основании этого постановления в Лигу Наций было направлено письмо с просьбой переселить семьи беженцев «в одну из стран под управлением западной нации... либо передать их под французскую опеку в Сирии»[24]. ПМК в конечном итоге поддержала предложение Англии оставить ассирийцев в Мосульском районе. Фактически комиссия поступилась их интересами ради создания унитарного арабского государства и продвижения нефтяных интересов западных держав в Ираке. Было очевидно, что в Женеве идет торг, в котором ассирийцы и курды являются лишь разменной монетой. Примечательно, что в то же время британские власти в Палестине и Трансиордании и французские — в Сирии и Ливане откладывали вопрос о независимости этих территорий, ссылаясь в том числе на угрозу дискриминации прав национальных и религиозных меньшинств. По мнению некоторых исследователей, готовность мандатных держав эмансипировать своих подопечных была обратно пропорциональна степени зрелости последних, и по этой причине именно в Ираке следовало задержать отмену мандата. Но осенью 1931 г. ПМК пошла на беспрецедентные политические решения, одобрив «моральные обязательства» Англии в дальнейшем отладить механизм защиты прав меньшинств[25].

В своем докладе Совету Лиги Наций ПМК изложила следующие условия отмены мандатного режима в Ираке: англо-иракский

договор 1930 г. должен автоматически вступить в силу после предоставления Ираку независимости; новое государство должно обеспечить защиту интересов стран — членов Лиги Наций на своей территории и гарантировать права религиозных и национальных меньшинств, проживающих в его северных провинциях[26]. Анализируя рекомендации ПМК, журнал «Нир Ист» указывал, что «четкого мнения в Женеве нет, но комиссия не видит причин возражать против отмены мандата». Как следует из комментариев еженедельника, Великобритания весьма удовлетворена результатами сессии: «Комиссия открыто встала на британскую сторону, сняв с повестки дня предложения о создании анклавов для меньшинств, учреждении поста постоянного представителя международного сообщества в Ираке и пересмотре англо-иракского договора 1930 г.» Обозреватели отмечали, что вступление Ирака в Лигу Наций «весьма важно для разработки его минеральных ресурсов и обеспечения тесного сотрудничества иракских властей с Западом»[27]. 28 января 1932 г. Совет Лиги Наций одобрил пробританскую позицию ПМК и признал, что задачи Великобритании в Ираке формально выполнены и оставшиеся проблемы можно решить в рабочем порядке[28].

Итоги последних сессий ПМК и Совета Лиги свидетельствовали о том, что европейские державы идут на взаимные уступки и в целом готовы предоставить Ираку независимость. Это способствовало активизации американской дипломатии. Через две недели после окончания осенней сессии ПМК Вашингтон заявил протест против действий державы-мандатария, с ведома которой «иракское правительство создавало особые условия для БОД, ущемляя права американских компаний». В ответной ноте Форин Оффис отвергал выдвинутые обвинения и указывал, что иракские власти отдали предпочтение БОД, так как она предложила более выгодные условия концессии. Госдепартамент США остался при своем мнении о том, что Англия «в своих интересах интерпретирует международные соглашения, в которых прописан принцип равных возможностей», и «во избежание дальнейших недоразумений» подкрепил свою позицию серией дипломатических представлений[29].

26 февраля Вашингтон потребовал от Лондона проведения консультаций по вопросу об условиях отмены мандата на Ирак. «Эта позиция основана на том факте, что в ходе переписки с Советом Лиги Наций в 1921 г. и с различными державами-мандатариями

правительство США добилось установления принципа, в соответствии с которым американское одобрение весьма существенно для законности любого решения, принятого в отношении мандатов», — отмечалось в американских нотах[30]. Однако решающее слово в иракском вопросе оставалось за европейскими оппонентами Англии. Поэтому Форин Оффис не видел оснований к тому, чтобы Великобритания, Ирак или Совет Лиги Наций согласовывали свои действия с США, но выражал «готовность информировать госдепартамент о продвижении этого дела» и «сообщать правительству США интересующую его информацию»[31]. Окончательный вердикт Совета Лиги должен был быть вынесен в мае 1932 г., и он в значительной степени зависел от лояльности Италии и Германии, которые ожидали итогов переговоров между иракским правительством и БОД.

Первый проект концессии был подготовлен в конце января 1932 г. на основе обмена мнениями, состоявшегося в Багдаде осенью, и передан президентом БОД Э. Маунтейном иракскому министру экономики и коммуникаций М. А. Заки. Министр сообщил, что контрпредложения правительства будут подготовлены в течение двух недель и представлены Нури Саидом в Лондоне в ходе его европейского турне. Глава БОД сразу же покинул Багдад, сообщив правлению компании, что не смог достичь взаимопонимания с иракскими властями, о чем немедленно стало известно в Женеве, Риме и Берлине[32]. При этом Э. Маунтейн не сомневался в благополучном исходе переговоров и в этой связи ссылался на разговор с королем Фейсалом, который сказал, что «был вынужден подписать соглашение с ИПК, но соглашение с БОД было бы ему по сердцу»[33].

Переговоры возобновились 13 февраля в Лондоне. После серии встреч с лордом Вемиссом, Нури Саид известил иракский парламент о том, что соглашение с БОД в целом достигнуто[34]. Это заявление не вполне соответствовало положению дел, поскольку определенные разногласия все же возникли. С одной стороны, Багдад шел на значительные уступки: предоставлял БОД право самостоятельно определять мощность и маршрут нефтепровода к Средиземному морю, не оговаривал минимальный объем исследовательских буровых операций, не требовал поставок в Ирак нефтепродуктов по заниженным ценам[35]. Вместе с тем иракский премьер настаивал на установлении объема ежегодного нефтяного экспорта в 1 млн. т,

увеличении суммы арендных платежей до 200 тыс. ф. ст. в год, которые, как и все финансовые обязательства компании, должны быть зафиксированы в золотом эквиваленте[36]. В этих вопросах Нури Саид заручился личным согласием Муссолини, с которым встречался в Риме. Муссолини сообщил, что итальянское правительство весьма заинтересовано в скорейшем завершении переговоров и готово не принимать в расчет финансовые издержки. В то же время он напомнил Нури Саиду, что если БОД не получит концессию, это весьма негативно отразится на рассмотрении вопроса о гарантиях прав меньшинств в Ираке на следующей сессии Совета Лиги Наций[37].

Британское правительство считало, что БОД получит значительно больше привилегий по сравнению с ИПК. В этой связи на Даунинг-стрит встал вопрос: следует ли оказать давление на Багдад с тем, чтобы ужесточить условия концессии. В первую очередь речь шла о маршруте нефтепровода, в этом деле иракскому правительству необходимо было добиться права решающего голоса и сделать выбор в пользу палестинского направления с терминалом в Хайфе. Серьезные возражения Лондона вызвали «необременительные» финансовые обязательства БОД и перспектива получения Багдадом бесплатно 20 % объема сырой нефти, которая будет добываться на территории концессии. Последнее обстоятельство позволяло иракским властям приступить к разработке и проведению самостоятельной нефтяной политики. Багдаду, кроме того, следовало установить контроль над деятельностью БОД с помощью включения в договор статьи о том, что компания и ее филиалы должны быть зарегистрированы в Англии и возглавляться только британскими гражданами[38].

Проект концессии БОД обсуждался на трех межведомственных совещаниях 3 февраля, 16 марта и 14 апреля с участием представителей министерства по делам колоний, Форин Оффис, нефтяного департамента, Адмиралтейства, министерства авиации и казначейства. Ключевым являлся вопрос о том, должен ли Лондон настаивать на внесении изменений в текст соглашения или следует придерживаться политики невмешательства в переговоры между Багдадом и БОД. Министерство по делам колоний и военные ведомства, ссылаясь на стратегическую значимость установления британского контроля над иракской нефтью, считали, что

Верховный комиссар в Ираке должен использовать любые средства давления на Багдад и внести необходимые поправки в проект.

Диаметрально противоположного мнения придерживался Форин Оффис и приводил ряд веских аргументов в защиту политики невмешательства. Британский прессинг затянет переговорный процесс, и это непременно вызовет протест со стороны Италии и Франции, которые могут блокировать финальную стадию эмансипации Ирака в Совете Лиги Наций. О таком варианте развития событий итальянские дипломаты предупреждали британских коллег в Женеве. В феврале 1932 г. итальянское правительство через своих дипломатических представителей в Женеве известило Уайтхолл о том, что Багдад, возможно, сознательно затягивает переговоры с БОД и «держит итальянцев в игре» лишь до принятия решения о вступлении Ирака в Лигу Наций. В этой связи Рим напоминал, что осенью 1931 г. Италия одобрила отчет ПМК только в связи с началом переговоров между иракским правительством и БОД, но пока концессия не будет выдана, Италия не откажется от оппозиционной линии в отношении отмены мандата в Ираке[39].

Позицию Форин Оффис поддерживал Верховный комиссар в Ираке, депеши которого были внимательно изучены участниками совещаний. Хэмфри информировал о том, что стремление иракского правительства форсировать выдачу концессии БОД мотивировано политическими и финансовыми расчетами: Багдад хочет нормализовать отношения с Италией и получать нефтяные доходы как можно скорее. Иракские власти также не откажутся от 20% доли сырой нефти БОД, с которой связывают планы строительства национального нефтеперегонного завода. Компания же изначально заявила, что Ирак не получит эту нефть, если будет настаивать на своем праве голоса в вопросе о маршруте нефтепровода. Вмешательство британских мандатных властей в процесс переговоров, с точки зрения Хэмфри, приведет к их срыву. В этих условиях Уайтхолл может дать правительству Ирака только один совет — подписать соглашение с БОД в самое ближайшее время. В дальнейшем же британской дипломатии следует изыскать средства, чтобы превратить поражение в триумф и использовать БОД в интересах Британской империи. В конечном итоге ведомства были вынуждены согласиться с аргументами Хэмфри[40]. Но он все же был уполномочен предпринять попытки внести хотя бы ряд изменений в проект концессии в случае, если позволит ситуация[41].

Верховный комиссар получил секретную телеграмму из Лондона вечером 16 апреля, когда переговоры между БОД и правительством Ирака практически завершились, соглашение было готово к подписанию и участники ожидали окончания национального праздника и возвращения в Багдад короля и министров[42]. Тем не менее Хэмфри удалось убедить Нури Саида настоять на внесении изменений в уже утвержденный текст договора. Вечером 19 апреля условия концессии дополнились положениями о «золотой клаузуле» и сохранении британского контроля над БОД и ее филиалами, а также формулой корректировки суммы отчислений с экспорта нефти и ограничениями прав компании в железнодорожном строительстве. Последний пункт был важен и для иракского правительства, поскольку территория концессии БОД, в отличие от концессии ИПК, непосредственно прилегала к сирийской границе. Однако по поводу модификации трех ключевых пунктов соглашения, на которых акцентировал внимание Уайтхолл, Хэмфри даже не заводил речь, будучи убежден, что постановка этих вопросов приведет к срыву переговоров. Ими были право иракских властей утверждать маршрут нефтепровода, отказ Багдада от 20 % доли сырой нефти БОД и увеличение суммы арендных платежей концессионера[43].

20 апреля 1932 г. концессионный договор БОД был подписан. Он предоставлял компании эксклюзивные права на эксплуатацию нефтяных месторождений к западу от р. Тигр и к северу от 33-й параллели северной широты сроком на 75 лет (ст. 1–3). БОД обязалась в течение 7,5 лет построить нефтепровод к Средиземному морю, самостоятельно определив его маршрут, либо изыскать другие средства транспортировки сырой нефти в объеме не менее 1 млн. т в год (ст. 6). При этом 20 % сырой нефти, добытой на территории концессии, являлись собственностью правительства. Компания должна была обеспечить доставку этого количества нефти к пунктам страны по выбору иракских властей либо разместить эти партии на европейских рынках по цене не ниже мировой цены на румынскую нефть аналогичного качества и выплатить Ираку отчисления в сумме не менее 8 шиллингов за тонну (ст. 12). БОД и ее филиалы формально должны были оставаться британскими (зарегистрированными в Великобритании) и возглавляться британскими подданными (ст. 32).

Финансовые условия концессии предусматривали выплату компанией невозвратной ренты в размере 100 тыс. ф. ст. на 1 января 1933 г. с последующим увеличением этой суммы на 25 тыс. ф. ст. в год в течение 4 лет. Затем платежи устанавливались в размере 200 тыс. ф. ст. в год до начала регулярных отгрузок нефти на мировые рынки[44]. Долевые отчисления с экспорта составили 4 шиллинга с тонны в течение 20 лет с минимальным объемом 200 тыс. ф. ст. в год (ст. 10—11). Формула корректировки суммы отчислений по истечении указанного периода была аналогична той, что прописывалась в концессии ИПК. БОД получила право беспошлинного ввоза в Ирак необходимого оборудования и материалов, строительства шоссейных и железных дорог, телеграфных и телефонных линий, а также освобождалась от уплаты местных налогов. Но, как и ИПК, в качестве компенсации компания обязалась вносить в иракскую казну дополнительно по 20 тыс. ф. ст. за каждый миллион тонн экспортированной нефти (ст. 27—28)[45].

Кабинет министров Ирака одобрил концессию БОД, но выдвинул дополнительное условие: соглашение будет передано в парламент, только если финансовые обязательства компании будут зафиксированы в золотом эквиваленте и сумма платежей — определяться исходя из цены на золото на лондонском рынке на момент трансакции[46]. 29 апреля Ф. Эштон, юрист БОД, представил соответствующие письменные гарантии. 2 мая концессия БОД была передана на утверждение парламента и ратифицирована 29 мая 1932 г. 30 мая палата депутатов одобрила закон о том, что доходы Ирака с нефтяных концессий в полном объеме будут направляться в бюджет капитального строительства на финансирование крупных ирригационных и промышленных объектов[47].

Известие о получении БОД концессии в Северном Ираке широко обсуждалось на страницах мировой аналитической печати, но эксперты не пришли к единому мнению о том, какая из компаний — ИПК или БОД — заключила более выгодную сделку. На первый взгляд, создавалось впечатление, что БОД оказалась удачливее своего конкурента. ИПК подписалась под более жесткими финансовыми условиями и обязалась строить нефтепровод по экономически невыгодному маршруту, в то время как БОД могла выбрать кратчайшую трассу к сирийскому побережью Средиземного моря и тем самым значительно снизить себестоимость иракской нефти, которой к тому же владельцы компании гарантировали емкие

рынки сбыта в Европе[48]. С другой стороны, оставался открытым вопрос о наличии на территории концессии БОД нефтяных структур, аналогичных по мощности и качеству месторождению Баба-Гургур, которое изначально обеспечивало ИПК высокую рентабельность производства, несмотря на чрезвычайно крупные затраты[49]. Итальянская пресса в этом вопросе была полна оптимизма и отмечала, что иракская нефть позволит Италии освободиться от нефтяного диктата англосаксов и проводить самостоятельную нефтяную политику[50].

На Даунинг-стрит не скрывали сожаления по поводу того, что БОД получила свободу выбора в вопросе о маршруте нефтепровода, а иракское правительство — перспективы самостоятельно распоряжаться своей 20 %-ной долей сырой нефти. Вместе с тем британские дипломаты считали, что только время покажет, стоила ли концессия усилий, затраченных БОД. Если на западном берегу Тигра будет найдена высококачественная нефть в промышленных объемах, это подтвердит прогнозы о том, что БОД получила более выгодные условия концессии, а иракское правительство — серьезно проиграло в нефтяных доходах. Рассмотрев различные сценарии развития событий, ведомства Уайтхолла решили использовать все средства давления на группы ИПК и БОД с тем, чтобы склонить обе компании к заключению соглашения о транспортировке нефти БОД по палестинской ветке нефтепровода ИПК[51].

Концессия БОД устраняла главное препятствие к отмене мандатного режима в Ираке, нейтрализуя оппозицию Италии, Германии и Франции в Совете Лиги Наций. 19 мая 1932 г. в Женеве был утвержден текст Декларации о гарантиях. В первой части документа иракское правительство обязалось соблюдать права религиозных и национальных меньшинств, во второй — речь шла об обеспечении режима наибольшего благоприятствования для иностранных держав на территории нового государства. Первоначальный проект оговаривал гарантии против «установления в какой-либо форме британской монополии в экономике и во внешней торговле Ирака». Затем формулировка несколько смягчилась: «предотвратить возможность экономического порабощения Ирака со стороны Великобритании или иной державы». В окончательном варианте этот пункт декларации выглядел следующим образом: «Ирак обязуется предоставить членам Лиги Наций режим наибольшего благоприятствования на период 10 лет с даты приема в Лигу Наций».

Британской дипломатии не удалось сократить указанный период до двух лет, но она добилась ограничения этого обязательства оговорками, которые давали Ираку право в данном вопросе руководствоваться прежде всего своими интересами. В финальной статье декларации Ирак гарантировал выполнение всех международных соглашений, заключенных в период мандатного режима. При возникновении разногласий между Ираком и какой-либо из стран — членов Лиги Наций спор полагалось вынести на обсуждение Совета Лиги и в случае необходимости — на решение Гаагского международного суда[52].

Декларация о гарантиях была подписана премьер-министром Ирака, утверждена королем Фейсалом и передана в Совет Лиги Наций 27 июня. Получив сообщение о том, что в Ираке сохранится режим наибольшего благоприятствования для стран — членов Лиги Наций, Вашингтон потребовал аналогичных привилегий и для США. В Лондоне считали, что англо-американо-иракское соглашение от 9 января 1930 г. уже обеспечило США искомыми гарантиями, и отказались продолжать дискуссию[53]. Как следует из материалов архива Форин Оффис, для британских дипломатов был очевиден тот факт, что речь шла лишь о формальном резервировании прав и американские ноты «никоим образом не влияют на нынешнюю ситуацию»[54].

Через две недели после одобрения в Женеве Декларации о гарантиях в Ираке произошел политический кризис, вызванный протестом ассирийских племен против отмены иностранной опеки[55]. Накануне голосования в Ассамблее Лиги Наций по иракскому вопросу британский представитель сообщил, что ситуация в Ираке стабилизировалась и инцидент исчерпан: иракское правительство расселило ассирийцев мелкими общинами в северных округах страны[56].

3 октября 1932 г. на Ассамблее Лиги Наций Ирак был принят в Лигу в результате единогласного решения 52 стран. Примечательно, что накануне и после отмены мандата в Ираке изменился тон публикаций в британской прессе. Так, в передовице британского полуофициоза «Нир Ист» голосование по иракскому вопросу было названо очередным «блестяще разыгранным спектаклем», который «подрывает веру в совершенство человеческой справедливости». Острие британской критики вновь было направлено против ПМК, в отношении которой, по мнению редакции,

«приводит в замешательство тот факт, что... она является инициатором и исполнителем этого сомнительного эксперимента, хотя ее члены получили такую власть как незаинтересованные лица различных правительств». Журнал отмечал, что каждая держава пыталась получить дивиденды с иракского вопроса, исходя из собственных экономических соображений и оставляя в стороне решение реальных проблем Ирака. Урегулирование вопроса меньшинств должно быть результатом деятельности международного сообщества, а не самостоятельных усилий Ирака, делал вывод еженедельник, и в интересах Ирака придать проблеме международный резонанс, тем более что меньшинства скорее заинтересованы во вмешательстве внешних факторов, нежели настроены на сотрудничество внутри страны[57].

Действительно, в своем стремлении создать независимый национальный анклав ассирийские лидеры делали ставку на поддержку извне[58]. Мар-Шимун попытался договориться с Парижем о переселении своего народа в Сирию под защиту французского мандата. В результате у французов появлялся дополнительный аргумент в пользу сохранения мандатных режимов в полиэтничном Леванте. Попытка перехода беженцев через ирако-сирийскую границу привела к кровавой развязке. В кампании массового истребления ассирийцев принимали участие иракские правительственные войска, курды и некоторые арабские кочевые племена Сирии[59].

Англия была вынуждена оказать военную помощь Багдаду в подавлении ассирийских выступлений[60]. Европейские державы, в том числе Германия, Италия и Франция, одобрили действия Лондона. В частности, германские дипломаты в Женеве и Багдаде получили указания не вмешиваться в ассирийский вопрос и способствовать примирению между Англией и Ираком. В ходе беседы главы германской дипломатической миссии в Багдаде Ф. Гроббы с Ф. Хэмфри стороны согласились в том, что восстановление стабильности и порядка является непременным условием успешного продвижения германских экономических интересов в Ираке, и в этом деле Лондону и Берлину следует действовать сообща[61].

Ассирийская резня серьезно подорвала авторитет Ирака в глазах мирового сообщества, продемонстрировала политическую незрелость молодого арабского государства, получившего чрезмерно большие права. Это играло на руку британским имперским интересам: теперь с повестки дня на долгое время снимался

вопрос о пересмотре неравноправных отношений между Ираком и Англией. В то же время очевидно, что Великобританию не вполне устраивала цена, которую ей пришлось заплатить за смену формы своего контроля в Ираке. Угроза потери контроля над страной вынудила британское правительство пойти на многочисленные уступки. В результате политика «открытых дверей» вместо полной ликвидации была заменена режимом наибольшего благоприятствования для стран — членов Лиги Наций. К разработке иракской нефти был допущен аутсайдер — БОД, за спиной которой стояли интересы правительств Италии и Германии. Кроме того, усугубились проблемы национальных и религиозных меньшинств, что привело к политической дестабилизации на севере Ирака, в нефтеносных провинциях страны, где разворачивала свою деятельность ИПК. В этой связи Лондон пытался убедить мировую общественность в том, что Ирак не готов к независимости и бывший мандатарий снимает с себя ответственность за все последствия недальновидных решений Совета Лиги.

---

1 BOD to CO, 14 April 1931 // PRO. CO 730/160/2, file 88001B.

2 Minister of Communications and Works (Baghdad) to BOD, 18 May, 25 May, 6 June 1931; Simmons (BOD) to Minister of Finance (Baghdad), 27 May 1931 // Ibid.

3 FRUS. 1931. Vol. 2. Washington, 1946. C. 605–606.

4 Note on the interview with Cadman, 3 Dec. 1930; Minute of Flood (CO), 4 Dec. 1930 // PRO. CO 730/158/10, file 78354B, part 3.

5 HCr for Iraq to CO, 30 May 1931 // Ibid. CO 730/160/2, file 88001B.

6 Minister of Communications and Works (Baghdad) to BOD, 6 June 1931 // Ibid.

7 HCr for Iraq to CO, 5 July 1931 // Ibid; FRUS. 1931. Vol. 2. C. 606; The Near East and India. 2 July. 1931. C. 13.

8 Special Report on the Progress of Iraq during the period 1920–1931. L., 1931. C. 218–223. Ежегодное нефтяное потребление в Ираке в годы мирового экономического кризиса составляло в среднем 150 тыс. т, в том числе 100 тыс. т мазута; других видов топлива, в частности угля, страна не имела (Economic Conditions in Iraq 1933. L., 1933. C. 30).

9 Резкое сокращение объемов экспорта и основных посевных площадей, а также падение мировых цен на главные экспортные товары Ирака

(финики, зерновые, кожа, шерсть) привело не только к депрессии на внутреннем рынке, но также повлияло на обострение внутриполитической ситуации, за которой последовал ряд восстаний в курдских и шиитских районах.

10 Special Report. С. 223.

11 Minutes of the Twentieth Session of the Permanent Mandates Commission. Geneva, 1931. С. 118.

12 Ibid. С. 233.

13 The League from the Twelfth Session of the Assembly. Geneva, 1932. С. 44; The League from Year to Year (October 1 1930 — September 30 1931). Geneva, 1932. С. 90–91, 182–185; Agreements concluded between Palestine, Syria and Lebanon: Conclusion of the PMC // PRO. CO 732/46/2, file 89016; Memorandum by CO, 28 Aug. 1931; CO to Cadman (IPC), 20 Aug. 1931; Daily News. 19 June 1931 // Ibid. CO 732/46/4, file 89016, part 1.

14 Minutes of the Twentieth Session of the PMC. С. 228–229.

15 The Near East and India. 11 June. 1931. С. 653–654; Special Report. С. 19–20.

16 Действительно, желание британского правительства освободиться от мандатных обязательств в Ираке резко контрастировало с нежеланием Франции последовать английскому примеру в Сирии и Ливане (которые, по общему признанию, были в большей степени готовы к независимости в силу более длительных контактов с Западом), а также со стремлением Англии сохранить свой контроль в форме мандата в Палестине и Трансиордании. Британская сторона объясняла этот парадокс тем, что «французы все еще мыслят категориями XIX в., рассматривая свои восточные владения в качестве приза, а не обязанности», в то время как «в восточных странах XX века западный империализм старого образца уже не может дать ожидаемых результатов» (Survey of International Affairs 1934. С. 111–112, 287–288).

17 The Near East and India. 9 July. 1931. С. 31.

18 Report on the Work of League since the Twelfth Session of the Assembly. Geneva, 1932. С. 43–44; The League from Year to Year (October 1 1930 — September 30 1931). С. 182–185.

19 PMC (Geneva) to BOD, 5 Oct. 1931 // PRO. CO 730/168/12, file 88308; Secretary General of the League of Nations (Geneva) to British Foreign Office (London), 5 Oct. 1931 // Ibid. CO 732/46/3, file 89016, part 2.

20 Обоснованность аргументов иракского правительства в отношении «Гетти Ойл» в дальнейшем подтвердила информация, полученная по британским дипломатическим каналам. Как следует из отчета правления компании за 1931 г., в связи с депрессией на мировом рынке нефти и внушительным падением доходов, «Гетти Ойл» была вынуждена сворачивать свои буровые операции на концессионных территориях

в Западном полушарии и сокращать инвестиции в развитие производства. Lindsay (British Embassy, Washington) to FO, 5 Feb. 1932 // Ibid. FO 371/16042, E945/250/93.

21 Iraqi Ministry of Economics and Communications to the Council of Ministries (Baghdad), 9 Oct., 3 Nov. 1931 // Ibid. E646/250/93.

22 Special Report. С. 10–11.

23 Компромисс, достигнутый между ПМК и Великобританией, отчетливо виден и на другом примере. «Нынешнее военное устройство Ирака не соответствует тому, чтобы рассматривать эту страну как территориально единую и политически независимую, способную защитить себя от внешней агрессии собственными силами, — говорилось в итоговом докладе комиссии. — С другой стороны, если Ирак станет членом Лиги Наций, это будет самой лучшей гарантией безопасности». ПМК ссылалась на статью 4 англо-иракского договора 1930 г., которая предусматривала обязанность Англии «оказывать немедленную и всевозможную помощь Ираку в случае войны». Исходя из этих аргументов, комиссия делала вывод о том, что «Ирак выполнил данное условие в указанной интерпретации».

24 Публикуя полный текст обоих документов, еженедельник «Нир Ист» сопроводил их следующим комментарием: «Изучить и оценить храбрость письма ассирийцев, присланного в Женеву, — дело историков, но, к сожалению, храбрость не всегда сопровождается мудростью». Журнал считал угрозы эмиграции ассирийцев из Ирака пустыми, недоумевал по поводу неконструктивной позиции меньшинств в отношении иракского правительства: «Самое лучшее и большее, что могут сделать для себя ассирийцы, так это остаться в Ираке... и стать законопослушными гражданами нового арабского государства» (The Near East and India. 26 Nov. 1931. С. 584).

25 Survey of International Affairs 1932. L., 1935. С. 284–288; *Nisan M.* Minorities in the Middle East. L., 1991. С. 326; *McDowall D.A.* A Modern History of Kurds. L., N.Y., 1996. С. 218.

26 Minutes of the Twenty First Session of the permanent Mandates Commission. Geneva, 1932. С. 221–225.

27 The Near East and India. 29 Oct. С. 463; 19 Nov. С. 547. 1931; 14 Jan. 1932. С. 30.

28 Sixty Six Session of the Council of the League of Nations. Geneva, 1932. С. 174.

29 FRUS. 1931. Vol. 2. С. 607–610.

30 FRUS. 1932. Vol. 2. Washington, 1947. С. 672.

31 Ibid. С. 675–677.

32 Iraqi Council of Ministers to British Residency (Baghdad), 7 Feb. 1932 // PRO. CO 730/171/7, file 96329, part 1; HCr for Iraq to CO, 5 Feb. 1932;

His Majesty's Consul (Geneva) to FO, 7 Feb. 1932 // Ibid. FO 371/16042, E604/250/93; Cadogan (Geneva) to CO, 15 Feb. 1932 // Ibid. E832/250/93.

33 Цит. по: *Grobba F.* Die Manner und Machte im Orient. Gottingen, 1967. С. 90.

34 CO to FO, 20 Feb. 1932 // PRO. FO 371/16042, E914/250/93; The Times, 7 March 1932 // Ibid. E1044/250/93; The Sunday Times, 6 March 1932 // Ibid. CO 730/171/7, file 96329, part 1.

35 HCr for Iraq to CO, 26 Jan. 1932 // Ibid. FO 371/16042, E564/250/93; PD to FO, 26 Feb. 1932 // Ibid. E1025/250/93; Minute of Dixon (FO), 8 March 1932 // Ibid. E1044/250/93; CO to FO, 14 March 1932 // Ibid., E1333/250/93.

36 Данное требование являлось следствием конфликта, возникшего между Багдадом и ИПК в декабре 1931 г. по вопросу об увеличении суммы арендных платежей в связи с девальвацией британской валюты. ИПК сделала свой первый взнос в иракскую казну в мае 1931 г. в размере 400 тыс. ф. ст. В сентябре 1931 г. произошло снижение золотого стандарта, что привело к девальвации фунта: его стоимость уменьшилась с 85 до 120 шиллингов. Ко времени второго платежа Багдад потребовал пересмотреть сумму выплат в соответствии с изменением цены на золото. Конфликт был улажен в феврале 1932 г. в ходе визита Нури Саида в Лондон. ИПК под давлением британского правительства согласилась осуществлять платежи в стерлинговом эквиваленте по текущим ценам на золото в Лондоне. В результате сумма арендной платы в 409 тыс. ф. ст. на 1 января 1932 г. увеличилась до 578 тыс. ф. ст. (Afnan (Iraqi Legation, London) to CO, 21 Dec. 1931; IPC to Eastern Bank, 30 Dec. 1931; Eastern Bank (London) to Iraqi Branch (Baghdad), 30 Dec. 1931; HCr for Iraq to CO, 2 Jan. 1932; Minutes of CO, 2 Jan., 4 Jan., 5 Jan. 1932; CO to Treasure, 9 Jan. 1932 // Ibid. CO 730/160/9, file 88001, part 4; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 228. Л. 30а; там же. Д. 3193. Л. 19; *Mikdashi Z.* Op. cit. С. 63).

37 Confidential letter from Major Young to Sir F. Humphrys, 3 Feb. 1932 // PRO. CO 730/171/7, file 96329, part 1.

38 Interdepartmental correspondence of CO, Jan.–March 1932; Minutes of CO, Jan.–March 1932 // Ibid. CO 730/171/7, file 96329, part 1; Interdepartmental correspondence of FO, Jan.–March 1932; Minutes of FO, Jan.–March 1932 // Ibid. FO 371/16042, E493/E1025/E1333/E1454/ E1591/250/93.

39 Cadogan (Geneva) to CO, 15 Feb. 1932 // Ibid. FO 371/16042, E832/250/93; Minute of Bennett (FO), 11 Feb. 1932 // Ibid. E637/250/93; CO to FO, 25 Feb. 1932; FO to Cadogan (Geneva), 29 Feb. 1932 // Ibid. CO 730/171/7, file 96329, part 1.

40 Note on the Meeting held at the CO on 16 March 1932 // CO 730/171/7, file 96329, part 1; Note on the Meeting held at the CO on 16 March 1932; Note on

the Meeting held at the CO 13 April 1932; Interdepartmental correspondence of CO, 31 March, 9 April 1932; HCr for Iraq to CO, 10 March 1932 // Ibid. CO 730/171/8, file 96329, part 2; Minutes of FO, Feb.–April 1932 // Ibid. FO 371/16042, E637/E1333/E1423/E1591/E1771/E1774/ E1827/250/93.

41 CO to HCr for Iraq, 16 April 1932 // Ibid. FO 371/16042, E1939/250/93.

42 Заключительный раунд переговоров между БОД и иракским правительством проходил в Багдаде с 9 по 20 апреля 1932 г. БОД представлял адвокат компании Э. Симмонс, который по прибытии в Ирак 9 апреля заявил, что прервет обсуждение, если договор не будет подписан в течение 10 дней. 15 апреля главные участники переговоров с иракской стороны — король, премьер-министр, министры экономики и юстиции — ушли на праздничные каникулы, оставив вместо себя советников, и вернулись к работе лишь утром 20 апреля (15 апреля приходился на пятницу, выходной день. С 16 по 19 апреля в Ираке отмечали национальный праздник Курбан-байрам). Британские дипломаты назвали это стечение обстоятельств «фатальным невезением» (HCr for Iraq to CO, 21 April 1932; Minute of Dixon (FO), 7 May 1932 // Ibid. E2218/250/93).

43 HCr for Iraq to CO, 21 April, 5 May 1932 // Ibid. CO 730/171/9, file 96329, part 3.

44 На 1 января 1933 г. БОД должна была выплатить 100 тыс. ф. ст., на 1 января 1934 г. — 125 тыс. ф. ст., на 1 января 1935 г. — 150 тыс. ф. ст., на 1 января 1936 г. — 175 тыс. ф. ст., на 1 января 1937 г. и далее до начала регулярного экспорта — по 200 тыс. ф. ст. в год. Это решение было выработано по итогам длительных дискуссий между иракским правительством, которое настаивало на ежегодной ренте в 200 тыс. ф. ст., и БОД, предлагавшей формулу поэтапного увеличения платежей с 50 до 100 тыс. ф. ст. в год. Хэмфри объяснил суть компромисса следующим образом. Иракские министры, весьма заинтересованные в более высоких нефтяных доходах, все же приняли в расчет тот факт, что большая часть концессионной территории БОД еще не исследована. Исключением являлось месторождение Гайяра, но его нефть была низкого качества. У ИПК, чьи финансовые обязательства были значительно жестче, уже имелось в распоряжении богатейшее месторождение Баба-Гургур с высококачественной нефтью, а основные районы концессии были уже протестированы (HCr for Iraq to CO, 5 May 1932 // Ibid. FO 371/16043, E2699/250/93).

45 BOD Company Ltd. Convention made with the Government of Iraq on the 20 April 1932 // Ibid. E2699/250/93; BOD to CO, 28 April 1932 // Ibid. FO 371/16042, E2217/250/93.

46 Iraqi Ministry of Economics and Communications to E. Simmons (BOD), 20 April 1932, Iraqi Ministry of Economics and Communications to F. Ashton (BOD), 20 April 1932 // Ibid. FO 371/16042, E2218/250/93.

47 Extract from Economic Report by HCr for Iraq for May 1932 // Ibid. CO 730/171/10, file 96329, part 4.

48 В этой связи правление ИПК по инициативе Д. Кэдмана заявило протест правительству Ирака против предоставления БОД особых привилегий (Note on the Interview with Cadman, 25 April 1932 // Ibid. CO 730/171/9, file 96329, part 3).

49 Petroleum Times. 30 April 1932 // Ibid. FO 371/16043, E2265/250/93; Morning Post. 21 April 1932, The Times. 22 April 1932 // Ibid. FO 371/16042, E1939/250/93.

50 Popolo di Roma. 14 May 1932, Tribuna. 15 May 1932 // Ibid. FO 371/16043, E2914/250/93.

51 Minute of Rendel (FO), 21 May 1932 // Ibid. FO 371/16042, E2218/250/93; HCr for Iraq to CO, 5 May 1932; Minute of Rendel (FO), 13 June 1932 // Ibid. FO 371/16043, E2699/250/93; Admiralty to CO, 28 June 1932 // Ibid. E2397/250/93.

52 Survey of International Affairs. 1932. С. 205–208; The Near East and India. 26 May. 1932. С. 417.

53 Aide-memoire communicated by Mr. Thaw, US Embassy, 8 July 1932 // PRO. FO 371/16044, E3444/408/93; Memorandum by FO,11 July 1932 // Ibid. E3466/408/93; Simon (FO) to Atherton (US Embassy, London), 22 July 1932 // Ibid. E3644/408/93; FRUS. 1932. Vol. 2. С. 677–684. Позиция США была доведена до сведения Совета Лиги английскими представителями в Женеве в декабре 1932 г., уже после отмены мандата в Ираке.

54 Minutes of Rendel, 19 July 1932 // PRO. FO 371//16044, E3444/408/93.

55 1 июня 1932 г. весь личный состав ассирийских батальонов вручил английским властям коллективный рапорт об отставке и в ультимативной форме потребовал переселить их с семьями в Хаккиари или район Дахука. Британские военные объекты оказались без охраны, также под угрозу была поставлена карательная экспедиция в Южный Курдистан. В августе был достигнут компромисс, который не удовлетворил ни одну из сторон. По распоряжению Мар-Шимуна часть ассирийцев забрала рапорт об отставке. Взамен Англия пообещала допустить патриарха на заседания Совета Лиги Наций. Обещания вновь не были выполнены, что привело к открытому противостоянию ассирийцев с английскими и иракскими властями.

56 «Самые лучшие из имеющихся в Ираке земель были отданы ассирийцам, большая их часть комфортно размещена, и теперь они удовлетворены», — заявил лорд Сессиль в Совете Лиги Наций. Обозреватели отмечали, что выступление британского дипломата мало кого убедило, так как было известно, что в действительности ассирийцы размещены в болотистых малярийных районах. Но Совет Лиги принял это как должное. «Может быть, в Ираке высокоразвитое здравоохранение,

которое уже победило малярию, и ее уже нет в стране?» — подчеркивала пресса циничность принятого Лигой Наций решения по ассирийскому вопросу (The Near East and India. 13 Oct. 1932. С. 825). В 1932 г. курдское движение также было подавлено усилиями частей регулярной иракской армии и английских батальонов в ходе длительных боевых действий, воздушных бомбардировок с участием британских ВВС и карательных экспедиций, в состав которых, в том числе, входили ассирийские отряды.

57 The Near East and India. 13 Oct. 1932. С. 825.

58 В 1925 г. англичане использовали проблему расселения ассирийских беженцев как один из главных аргументов в пользу присоединения Мосула к Ираку и, кроме того, предъявили претензии на смежные районы, входившие в округ Хаккиари турецкого вилайета Ван. После детального изучения вопроса Лига Наций признала притязания на часть турецкой территории безосновательными. В 1931 г. ассирийцы попытались реанимировать старую британскую идею о создании буферного ассиро-курдского государства, куда входила бы часть Мосульского вилайета и прилегавшие к нему турецкие территории. В августе 1933 г. Мар-Шимун, апеллируя к христианским чувствам германских властей, просил Берлин использовать свое влияние в Лиге Наций и добиться положительного решения вопроса о переселении ассирийцев в Сирию либо в турецкий округ Хаккиари. Позиция Гитлера свелась к полному невмешательству в британские дела на Ближнем Востоке. Аналогичного мнения придерживалось итальянское правительство (*Grobba*. Op. cit. С. 81–84).

59 The Near East and India. 14 Sept. С. 754. 1933; Economist. 26 Aug. С. 405–406. 1933.

60 Примечательно, что Англия оказывала помощь иракской армии, в среде которой были сильны антибританские настроения, в подавлении выступлений племен, ориентированных на тесное сотрудничество с англичанами. Иракские националисты видели в разгроме ассирийцев символ ослабления Великобритании, и это подогревало их желание продолжать борьбу против бывшего мандатария. *Silverfarb*. Op. cit. С. 44–46; *Grobba*. Op. cit. С. 81–82; The Near East and India. 27 Sept. С. 754. 1934.

61 *Grobba*. Op. cit. С. 84.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой четверти XX в. стратегические и экономические интересы великих держав на Ближнем Востоке начали дополняться нефтяными аспектами, поэтому иракская нефть стала заложницей «высокой» политики. Ход и результаты развернувшегося в Ираке нефтяного соперничества напрямую зависели от международной ситуации в целом и, в свою очередь, влияли на расстановку сил на мировой арене, а также определяли особенности экономического и политического развития этого государства. Даже на его создание, статус и границы нефть оказала самое непосредственное влияние.

Нефтяной фонтан в Баба-Гургур знаменовал новую эру не только в истории Ирака, но и в системе международных отношений на Ближнем Востоке. Результаты геологических исследований устранили все сомнения в целесообразности дальнейших инвестиций в иракскую нефть и ускорили процесс определения узкого круга владельцев иракской концессии. В их число были допущены ведущие нефтяные компании Великобритании, США, Голландии и Франции, которым была обеспечена всемерная поддержка своей национальной дипломатии. Нефтяной альянс стал действовать в рамках первой в истории многонациональной корпорации «Ирак Петролеум Компани», и его участники взяли курс на установление монополии в нефтяном производстве не только Ирака, но и большинства стран региона. Открытие крупных месторождений в Киркуке также стимулировало процесс становления национальной нефтяной политики в индустриальных странах Европы, находившихся в жесткой зависимости от нефтяного импорта, прежде всего американского. В конце 1920-х годов на европейских рынках развернулась борьба между мировыми нефтяными трестами, входившими в ИПК, и местными правительствами, взявшими курс на нефтяную независимость. В методах этой борьбы, которая велась с переменным успехом, имелись как схожие, так и специфические черты, определявшиеся особенностями исторического развития

каждой отдельно взятой страны. В свете нынешней трансформации энергетической стратегии Европейского союза исторический опыт Великобритании, Франции, Германии, Италии представляет значительный интерес не только с академической, но и практической точки зрения.

Вопрос о разработке оказавшихся очень богатыми нефтяных источников Ирака не разрешался простым фактом их обнаружения. Напротив, перед компаньонами вставали довольно сложные проблемы, связанные, прежде всего, с целесообразностью форсирования темпов освоения иракских нефтяных ресурсов, с определением направления и конечного пункта нефтепровода к побережью Средиземного моря. Совокупность факторов чисто политического порядка и конфликт коммерческих интересов трестов, входивших в состав ИПК, задержали ввод в эксплуатацию уже открытых в Мосуле месторождений.

Широкомасштабные исследовательские операции ИПК, оправдав самые смелые прогнозы, кроме того, привлекли внимание крупного международного капитала и правящих кругов Италии и Германии, которые были лишены собственных источников нефти. В поисках основы для проведения самостоятельной нефтяной политики и освобождения от диктата мировых нефтяных трестов Берлин и Рим выступили с инициативой повторного «открытия дверей» на нефтеносных территориях Ближнего Востока. Грядущая отмена британского мандата на Ирак создавала благоприятные возможности для наступления на лидирующие позиции ИПК и Англии в регионе. Лондон не смог противопоставить нажиму аутсайдеров единый фронт, так как его главные союзники — Франция и Ирак — стремились воспользоваться ситуацией и вынуждали Уайтхолл к уступкам в военно-стратегических, политических и экономических вопросах. Не было единства и среди компаньонов ИПК. В силу своего стратегического положения и нефтяного потенциала Ирак фактически стал заложником конфликта западных держав, каждая из которых пыталась использовать Багдад в качестве разменной монеты в своих сложных, многоходовых дипломатических комбинациях. На очередном этапе борьбы за сферы влияния на Ближнем Востоке иракской нефти вновь отводилось особое место.

Урегулирование вопроса об условиях транзита нефтяной продукции Ирака к Средиземному морю, пересмотр концессии ИПК, вынужденное согласие Англии допустить аутсайдеров к разработке

нефтяных месторождений Мосула и форсирование выдачи нефтяной концессии БОД — все эти факторы стали важными составляющими в процессе подготовки принятия единогласного решения Ассамблеи Лиги Наций о предоставлении Ираку независимости в 1932 г. При этом каждое европейское правительство, вовлеченное в международный конфликт в связи с отменой мандатного режима в Ираке, в значительной степени рассматривало ключевые проблемы молодого арабского государства через призму своей нефтяной политики и фактически действовало в национальных интересах своей страны. Определение сроков начала иракского нефтяного экспорта и маршрута нефтепровода, участие итальянского и германского капитала в развитии нефтяной промышленности стран Ближнего Востока решались, в первую очередь, исходя из имперских приоритетов Англии, характера англо-французских и англо-американских отношений, и уже затем с учетом интересов Ирака и соседних с ним стран.

Принятые в рассматриваемый период решения многократно подвергались критике в научной, публицистической и мемуарной литературе. Так, например, Нубар Гульбенкян в своих воспоминаниях, изданных в 1965 г., отмечал, что ход истории подтвердил правоту его отца, настаивавшего на приоритете финансово-экономического аспекта при выборе маршрута нефтепровода и отдававшего предпочтение сирийскому направлению. Действительно, терминал в Хайфе был отрезан после провозглашения государства Израиль, и Триполи оставался единственным выходом мосульской нефти к Средиземному морю до прокладки нефтепровода Киркук — Баниас в 1952 г.[1] Но события второй половины XX в. опровергли и доводы Н. Гульбенкяна. Радикализация сирийской политики и обострение противоречий между Дамаском и Багдадом сделали весьма проблематичной перекачку нефти в Триполи. В 1965 г. сирийский баасистский режим перекрыл нефтепровод с целью увеличить свои доходы от нефтяного транзита. Десятилетие спустя Хафез Асад снова перекрыл трубу, пытаясь оказать давление на баасистские власти в Багдаде. Иракское правительство ответило сооружением новой линии к Средиземному морю через Турцию и расширением сети нефтепроводов и терминалов в южной части страны. Но конфликт с Ираном создал серьезную проблему с вывозом нефти через Персидский залив. Зигзаги международной и региональной политики таким образом объективно не

позволяли Ираку окончательно решить проблему транспортировки своей нефти к рынкам сбыта. Поэтому, на наш взгляд, нет оснований утверждать, что если бы на рубеже 1920–1930-х годов выбор был сделан в пользу единственного сирийского маршрута нефтепровода, у Ирака появились бы иные исторические альтернативы.

Первый нефтепровод к Средиземному морю с терминалами в Хайфе и Триполи был построен в рекордно короткие сроки, и уже осенью 1934 г. иракская нефть вышла на мировые рынки. Когда западный мир начал постепенно оправляться от экономического кризиса 1929–1933 гг., добыча нефти в Ираке стала быстро расти. Если в предшествующие годы она не превышала 120 тыс. т, то в 1934 г. ее объем увеличился до 967 тыс. т, а в 1935 г. она достигла 3,67 млн. тонн. Ирак занял 8-е место среди главных стран-производителей (1,6 % мировой добычи). Однако мощность нефтепровода (4 млн. т в год) ограничивала экспортные возможности Ирака, что позволило ИПК установить контроль над уровнем нефтедобычи и приостановить ее дальнейший рост.

Иракская нефть поступила на мировой рынок в период глубокой депрессии, перепроизводства, низких цен и больших запасов на складах. Мировая общественность удивлялась той поспешности, с какой был проложен нефтепровод. Объясняется этот факт противоречивыми коммерческими и государственными интересами групп, объединенных в ИПК. В значительной степени они не совпадали, но, исходя из разных приоритетов, все же пришли к общему знаменателю в вопросе о необходимости вывозить иракскую нефть. Сооружение нефтепровода из Ирака к Средиземному морю стало составной частью широкомасштабных мероприятий Англии и Франции по укреплению своих военно-стратегических позиций на Ближнем Востоке. Причины ускорения строительных работ в Ираке, кроме того, были связаны с региональными амбициями Ирака и Сирии.

К 1938 г. ИПК и ее филиалы установили монополию в нефтяном деле Ирака. В 1936 г. компания скупила итальянскую долю акций в БОД, и вскоре концессия 1932 г. перешла в распоряжение филиала ИПК «Мосул Петролеум Компани» (МПК). 29 июня 1938 г. другая дочерняя компания ИПК — «Басра Петролеум Компани» — получила эксклюзивные нефтяные права на оставшиеся районы, не входившие в состав концессий ИПК, БОД/МПК и ХОК. Так вся территория страны была сдана в концессии нефтяным

компаниям, фактически контролируемым английским капиталом и находившимся под сильным влиянием британского правительства. Кроме того, ИПК прилагала большие усилия для обеспечения своих интересов в зоне «красной черты». К началу Второй мировой войны филиалы ИПК приобрели права на поиск нефти на полуострове Катар, в Договорном Омане, Маскате, Сирии, Ливане, Трансиордании, на острове Кипр и в некоторых других районах.

Когда на рубеже 1920–1930-х годов аналитики просчитывали будущее первого независимого арабского государства, внимание акцентировалось на его богатых нефтяных ресурсах, которые считались залогом экономического процветания. Почему не оправдались, казалось бы, обоснованные прогнозы, тем более что помимо нефти Ирак располагал богатыми земельными и водными ресурсами, и в совокупности с развитием нефтяной отрасли сельское хозяйство имело вполне благоприятные перспективы. Анализ процесса предоставления Ираку независимости позволяет в определенной степени ответить на этот вопрос.

Хотя в межвоенный период Багдад санкционировал выдачу нескольких нефтяных концессий, охвативших в конечном итоге всю территорию Ирака, следует особо отметить, что этот процесс завершился до того, как страна приобрела независимость и вступила в Лигу Наций. (Исключение составляла концессия «Басра Петролеум Компани» в Бассорском вилайете, но ее условия были аналогичны концессии БОД, полученной еще до отмены британского мандата на Ирак.) Этот фактор стал одним из ключевых в развитии нефтяного сектора иракской экономики, он предопределял специфику политической и экономической истории страны, а также оказывал влияние на изменения в региональном балансе сил как в рассматриваемый период, так и в последующие десятилетия.

В поисках путей создания национальной нефтяной промышленности как основы экономического возрождения иракское правительство столкнулось с проблемой выбора между монополией и соперничеством иностранных нефтяных компаний. В 1920–1930-е годы в мире существовало всего несколько крупных корпораций, способных осваивать новые нефтеносные районы Ближнего Востока, и у Багдада не было оснований ожидать, что эти фирмы будут соперничать между собой, а не предпочтут действовать сообща. Кроме того, разработка новых месторождений

максимально быстрыми темпами в тех условиях привела бы к падению мировых цен на нефть и сокращению нефтяных доходов правительств стран-производителей. С учетом чрезвычайно низкого образовательного уровня населения Ирака в целом, отсутствия профессиональных кадров и управленческого опыта, а также политической нестабильности молодого квазидемократического государства нет причин предполагать, что быстрый рост притока твердой валюты, вызванный продажей крупных партий нефти на мировом рынке, привел бы Ирак к ускорению темпов экономического развития и тем более качественной трансформации иракской экономики.

Учитывая все эти факторы, следует признать, что в определенной степени иностранные нефтяные монополии действовали в интересах Ирака, обеспечивая его высокими доходами от продажи небольших партий нефти, тем самым сохраняя национальные минеральные ресурсы и закладывая базу для долгосрочного экономического развития страны. Вместе с тем не будем отрицать и того, что данный результат был скорее побочной производной общей коммерческой стратегии ИПК, при разработке которой национальные интересы страны-продуцента не относились к числу приоритетных. Багдад рассчитывал, что нефтяные доходы станут главным и самым крупным источником пополнения золотовалютного запаса государства, поэтому разработка и реализация программ экономической модернизации в первую очередь связывалась с форсированным развитием нефтяного сектора и подготовкой к проведению самостоятельной нефтяной политики. Но вопросы определения объемов нефтяного экспорта, цен на нефть или выбора покупателя оставались вне компетенции иракского правительства, и оно не могло влиять на процесс принятия решений в этой области, так как в распоряжении нефтяных компаний находились финансовые и технические ресурсы, квалифицированный персонал, информация, выход на мировые рынки. Стремясь ускорить развитие национального нефтяного сектора, иракские власти стали использовать те же методы, что правительства и нефтяные компании стран Запада — политический прессинг и угрозы, лоббирование и подкуп, блеф и двойные стандарты.

Реалии международной нефтяной политики на Ближнем Востоке в период с конца 1920-х до начала 1970-х годов также были непосредственно связаны со структурой ИПК. Компания

состояла из четырех национальных групп, каждая из которых стремилась проводить собственную коммерческую политику и при этом должна была оставаться в рамках внешнеполитического курса своей страны. Это создавало специфические проблемы для иракских властей и объективно ставило Ирак в неблагоприятные условия по сравнению с другими странами региона, где монополию приобретал гомогенный иностранный капитал. Несмотря на то что ИПК имела статус многонациональной компании, фактически это была британская фирма. Все ключевые посты в правлении ИПК и ее филиалов занимали англичане; большая часть материалов и оборудования для нефтепромыслов производилась на британских заводах. Тесные контакты, координация действий и обмен информацией между ИПК и Уайтхоллом происходили на регулярной основе как до, так и после получения Ираком независимости. Высшие британские чиновники всегда подчеркивали, что ИПК никоим образом не связана с британским правительством, но материалы британских ведомственных архивов опровергают этот тезис. Англосаксонские компаньоны в обмен на дипломатическую помощь в иракских делах всегда поддерживали британское правительство в реализации его политико-стратегических интересов в этой стране и в регионе.

Очевиден тот факт, что иракцы были недовольны засильем иностранного капитала в нефтяной отрасли и британским вмешательством во внутренние дела страны. Националистические круги Ирака акцентировали свое внимание именно на британском характере ИПК и ее доминировании именно в нефтяной промышленности. В итоге ИПК стала одним из символов ограничения независимости Ирака. Вместе с тем следует признать, что проблема ликвидации британского контроля привлекала иракских националистов больше, чем нарастание сепаратистских тенденций в стране, соперничество гражданских и военных лидеров, активное вмешательство армии в политическую жизнь. Популизм иракских политиков фактически дезориентировал иракскую общественность, не имея, однако, под собой рационального зерна будущего развития.

Вопросы отмены иностранной опеки над Ираком в 1928–1932 гг. и степени готовности страны к независимости решались исходя из политико-стратегических и экономических, в том числе нефтяных, интересов западных держав, зачастую без учета национальных интересов молодого арабского государства. Тем не менее не следует сводить ключевые проблемы современного иракского

общества к действию только нефтяного фактора, хотя с 1932 г. круг претендентов на иракскую нефть постоянно ширился, порождая массу рецептов решения этой проблемы вплоть до прямого военного вмешательства. Именно реалии международной и региональной политики, а также комплекс причин внутреннего порядка не позволили Ираку реализовать свой уникальный исторический потенциал.

---

1 Gulbenkian N. Pantaraxia. The Autobiography of Nubar Gulbenkian. L.: Hutchinson, 1965. С. 161.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
АДЖИП — «Ациенда Дженерале Италиана Петроли»
АПНК — Англо-Персидская нефтяная компания
БОД — «Бритиш Ойл Девелопмент Компани»
ИПК — «Ирак Петролеум Компани»
КФП — «Компани Франсез де Петроль»
МНК — Международный нефтяной картель
НИДК — «Нир Ист Девелопмент Компани»
ПМК — Постоянная мандатная комиссия Лиги Наций
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РДШ — «Ройял Датч Шелл»
ТПК — «Туркиш Петролеум Компани»
ХОК — «Ханакин Ойл Компани»
AIR — Air Ministry of Royal Air Force
APOC — «Anglo-Persian Oil Company»
BOD — «British Oil Development Company»
CO — Colonial Office
FO — Foreign Office
FRUS — Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers
HCr — High Commissioner
IPC — «Iraq Petroleum Company»
MEW — Ministry of Economic Warfare
PD — Petroleum Department
POWE — Ministry of Power
PRO — Public Record Office. National Archives of the Great Britain
T — Treasure
TPC — «Turkish Petroleum Company»

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивы

National Archives of the Great Britain.
Public Record Office. London

Air Ministry of Royal Air Force. AIR 2. File 1239; AIR 3. File 393.
Colonial Office. CO 730. Iraq Original Correspondence. Files 146, 147/1, 154/2, 158/6, 158/7, 158/8, 158/9, 158/10, 158/13, 160/2, 160/3, 160/6–9, 161/12, 168/12, 171/1, 171/7, 171/8, 171/9, 171/10.
Colonial Office. CO 732. Middle East Original Interdepartmental Correspondence. Files 46/2, 45/3, 46/4.
Foreign Office. FO 371. General Correspondence of the Foreign Office. Files 14511, 15308, 16041, 16042, 16043, 16044, 17831, 18925, 23215.
Ministry of Power. POWE 33. Files 265, 1709.
Treasure. T 161. Supply and Establishment Divisions. Files 573, 738, 813/1.

Архив внешней политики
Российской Федерации

Фонд 93 (Референтура по Ираку). Опись 1. Папка 1. Сводки иностранной прессы по Ираку. Дела: 1, 2, 12, 15.

Российский государственный архив
социально-политической истории

Фонд 532. Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1938 гг.). Опись 4. Дело 33.
Фонд 534. Красный Интернационал профсоюзов. Опись 3. Дело 808.

Российский государственный архив экономики

Фонд 413. Опись 13. Народный Комиссариат внешней торговли. Дела: 228, 3115, 3183, 3193, 3194, 3205, 3317, 3318, 3394, 3401, 3483.

Опубликованные документы и официальные материалы

Международный нефтяной картель. М., 1954.

Great Britain. Colonial Office.
Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on Administration of Iraq for the years 1928–1932. L., HMSO, 1929–1932.
Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on Administration of Iraq for the Period January to October, 1932. L., HMSO, 1933.
Special Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the Progress of Iraq during the period 1920–1931. L., HMSO, 1931.
Great Britain. Department of Overseas Trade. Economic Conditions in Iraq 1933. Report by C. Empson, Commercial Secretary to His Majesty's Embassy at Baghdad. L., HMSO, 1933.
Economic Conditions in Iraq 1933–1935. Report by J.P. Summerscale, Commercial Secretary to His Majesty's Embassy at Baghdad. L., HMSO, 1936.
Economic and Commercial Conditions in Iraq 1935–1937. Report by J.P.Summerscale, Commercial Secretary to His Majesty's Embassy at Baghdad. L., HMSO, 1938.
Great Britain. Information Department. Memorandum on the Termination of the Mandatory Regime in Iraq / Ed. by Royal Institute of International Affairs. L., HMSO, 1932.
League of Nation. Council. Report on the Work of League since the Last Session of the Assembly. 1928–1932. Geneva, 1929–1932.
Sixty Six Session of the Council of the League of Nations. Geneva, 1932.
League of Nation. Information Section. The League from Year to Year. 1928–1933. Geneva, 1930–1933.
League of Nation. Permanent Mandates Commission. Report to the Council of the League of Nations on the Work of the Sixteenth Session of the Permanent Mandates Commission (Geneva, November 6th — 20th 1929). Geneva, 1929.
Minutes of the Seventeenth (Extraordinary) Session Held at Geneva from June 3rd to 21st 1930, including the Report of the Commission to the Council and Comments by the Accredited Representatives of the Mandatory Power. Geneva, 1930.
Minutes of the Eighteenth Session Held at Geneva from June 18th to July 1st 1930, including the Report of the Commission to the Council and Comments by the Accredited Representatives of the Mandatory Power. Geneva, 1930.
Minutes of the Nineteenth Session Held at Geneva from November 4th to 19th 1930, including the Report of the Commission to the Council and Comments by the Accredited Representatives of the Mandatory Power. Geneva, 1931.
Minutes of the Twentieth Session Held at Geneva in June 1931 including the Report of the Commission to the Council and Comments by the Accredited Representatives of the Mandatory Power. Geneva, 1931.

Minutes of the Twenty First Session Held at Geneva from October 26 to November 13, 1931 including the Report of the Commission to the Council and Comments by the Accredited Representatives of the Mandatory Power. Geneva, 1932.

League of Nation. Secretariat. Economic Intelligence Service. International Trade in Certain Raw Materials and Foodstuffs by Countries of Origin and Consumptions. Geneva, 1936.

Public Finance 1928 — 1937. Vol. LVIII. Iraq. Geneva, 1938.

Oil Conservation and Fuel Oil Supply. N.Y., National Industrial Conference Board, Inc, 1930.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1929–1932. Washington, US Government Printing Office, 1942–1947.

The Middle East and North Africa in World Politics: A Documentary Record. British-French Supremacy 1914–1945. Vol. 2. / Ed. by J. Hurewitz. L., New Haven, 1979.

Мемуары, речи и статьи

Доббс Г. Мосульская нефть и вопрос о трубопроводе // Нефтяное хозяйство. 1930. № 11. С. 635–637.

Из путевых впечатлений американского геолога в Персии и Ираке // Нефтяное хозяйство. 1929. № 3. С. 464–465; № 8. С. 73–274.

Клингшпор В. Месопотамские месторождения // Нефтяное хозяйство. 1926. № 2. С. 296–298.

Кэдман о современных нефтяных проблемах: из речи на годичном собрании Американского нефтяного института // Нефтяное хозяйство. 1929. № 2. С. 284–286.

Уайт Д. Будущее нашего нефтеснабжения // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1922. № 1–4. С. 232–234.

Уайт Д. Мировые запасы нефти // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 1. С. 35–41.

Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., Социально-экономическая литература, 1961.

Cadman J.R. Ambassador for Oil. The Life of John, First Baron Cadman. L., 1960.

Chisholm A.H.T. The First Kuwait Oil Concession Agreement. A Record of the Negotiations 1911–1934. L., Franc Cass, 1975.

Churchill W.S. The World Crisis. N.Y., Charles Scribner's Sons, 1931.

Deterding H. An International Oilmen. L., 1934.

Dobbs H. Mosul Oil and the Pipe-Line // Nineteenth Century and After. Sept. 1930.

Glubb J.B. Britain and the Arabs: A Study of Fifty Years 1908 to 1958. L., 1959.

Grobba F. Die Manner und Machte im Orient: 25 Jahre diplomstischer Tatigkeit im Orient. Gottingen: Musterschmidt-Verlag, 1967.

Gulbenkian N. Pantaraxia. The Autobiography of Nubar Gulbenkian. L., 1965.
Peterson M. Both Sides of the Curtin: An Autobiography. L., 1950.
Philby H. Arabian Oil Ventures. Washington, D.C.: Middle East Institute, 1964.
Schacht H. 76 Jahre meines Lebens. Bad Worishofin, 1953.
Sinderson pasha. Ten Thousand and One Night. L., 1973.
Twitchell K.S. Saudi Arabia. With an Account of the Development of Its Natural Resources. Princeton University Press, 1947.

Периодические издания

Внешняя торговля СССР. М., 1929–1938.
Материалы по национально-колониальным проблемам. М., 1932–1935.
На зарубежном Востоке. Журнал Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП(б). М., 1932–1934.
Мировое хозяйство и мировая политика. М., 1928–1935.
Нефтяное хозяйство. М., 1925–1935.
Нефтяное и сланцевое хозяйство. М., 1922–1925.
Economist. L., 1928–1937.
Petroleum Times. L., 1928–1932.
The Near East and India. L., 1927–1935.
The Oil Petroleum Year Book. L. 1928–1932.

Справочники

Дипломатический словарь Т. 1–3. М., 1971.
Справочная книга по мировому нефтяному рынку. М.–Л., 1930.
Encyclopedia of the US Foreign Relations. Vol. 3. N.Y., Oxford, 1997.
*Nicolas D.*The Middle East: Its Oil, Economics and Investment Policies. A Guide to Sources of Financial Information. L., Mansell, 1981.
Shavit D. The United States in the Middle East: A Historical Dictionary. N.Y., L., Greenwood Press, 1988.
The Oil and Petroleum Manual. L., 1933.
Who is Who. L., 1928–1932.
World Biography. Vol. 1–2. N.Y., 1948.

Литература

А.Л. Тенденции монополистического развития американской нефтепромышленности // Нефтяное хозяйство. 1929. № 11–12.
Абузям В. Английский империализм и Ирак // Мировое хозяйство и мировая политика. 1928. № 10.
Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941. М., 1971.
Али Ода Али. Ирако-английские отношения (1914–1932). Автореферат к.и.н. М., 1992.
Алиев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004.

Анализ общественно-политических структур стран третьего мира. М., 1968.

Андреасян Р.Н., Эльянов А.Я. Ближний Восток и независимость. М., 1961.

Арбатов А. Иракский кризис в мировой политике: предыстория и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 9.

Арнот П. Мировая политика нефти. М.–Л., 1925.

Аршаруни Н.А. Нефть в экономике и политике арабских стран. М., 1975.

Байков Н. Нефтяная промышленность Ирака после 2003 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11.

Байков Н. Топливно-энергетический комплекс // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8.

Баскин В.С. Нефтяные монополии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1957.

Бахтизин Р.Н., Верещагин А.С. Битва за нефть. Россия в борьбе за «черное золото» (Конец XIX — середина XX вв.). Уфа, 2003.

Бейлс А.Дж.К. Международная безопасность после Ирака // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10.

Бейлс А.Дж.К. Уроки иракского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 9.

Богдановский С.Д. К вопросу о современной фазе развития мирового нефтяного рынка // Нефтяное хозяйство. 1928. № 8.

Богдановский С.Д. Мировая война за нефть (библиографический обзор) // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1925. № 5.

Богдановский С.Д. Мировая нефтепромышленность в 1928 г. // Нефтяное хозяйство. 1929. № 5.

Богдановский С.Д. Мировая нефтяная политика в 1929 г. // Нефтяное хозяйство. 1930. № 10.

Богдановский С.Д. Нефть и гегемония на море // Нефтяное хозяйство. 1925. № 10.

Богдановский С.Д. Нефтяной империализм. М.–Л., 1926.

Боев Ю.А. Критика буржуазных концепций политики империалистических государств на Ближнем Востоке: эпоха пробуждения Азии. Киев, 1979.

Бондаренко С. Ближний, Средний Восток и Северная Африка: развитие нефтегазовой отрасли // Азия и Африка сегодня. 2005. № 8.

Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г. Нефтяная эпопея. М.–Л., 1935.

Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.

Валиахметова Г.Н. Иракская нефть и великие державы, 1912–1928 гг. Уфа, 2000.

Великин А. Нефтяной рынок и нефтяная политика Италии за последние годы // Нефтяное хозяйство. 1929. № 7.

Вэлу-Когэн Р. Экономика нефтяной промышленности // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 8.

Гальперин А. «Нефтяной мир» // Нефтяное хозяйство. 1929. № 4.
Герасимов О.Г. Иракская нефть. М., 1969.
Германская нефтепромышленность и борьба трестов против советской нефти // Нефтяное хозяйство. 1932. № 6.
Глуходед В.С. Проблемы экономического развития Ирана (20–30-е гг.). М., 1968.
Гольдберг А. Собственные нефтяные ресурсы Германии // Нефтяное хозяйство. 1931. № 4–5.
Гофман К. Нарушение нефтяного мира // Нефтяное хозяйство. 1926. № 2.
Гофман К. Нефтяная политика и англосаксонский империализм. М., 1930.
Граф П. Нефть, нефтяной империализм и нефтяная политика. М., 1927.
Гурко-Кряжин В.А. Арабский Восток и империализм. М., 1926.
Гурко-Кряжин В.А. Ближний Восток и державы. М., 1925.
Гурко-Кряжин В.А. Мосул и Ирак // Международная жизнь. 1926. № 1.
Гутцайт З.И. Нефть Ближнего и Среднего Востока как объект борьбы капиталистических стран, 1913–1957. М., 1958.
Гушер А. Региональная безопасность. Ирак: война и ее последствия. Новая угроза дестабилизации международных отношений // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6.
Данциг Б.М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960.
Делези Ф. Нефть. М., 1923.
Денни Л. Америка завоевывает Британию: рекорд экономической войны. М.–Л., 1931.
Денни Л. Борьба за нефтяную монополию. М., 1934.
Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема. М., 1945.
Ди Нольфо Э. История международных отношений 1919–1999. Т 1. М., 2003.
Длин Н.А. Социально-экономическая эволюция несоциалистических стран Востока. М., 1968.
Доронина Н. Нефтяные концессии и смешанные общества в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки // Ученые записки МГИМО. Вып 16. М., 1971.
Дэвеннпорт Е.Г., Кук С. Р. Нефтяные тресты и англо-американские отношения. М., 1925.
Енукидзе Д. Империалистические противоречия на Ближнем Востоке // Мировое хозяйство и мировая политика. 1934. № 2.
Еремин Л.Н. Некоторые проблемы генезиса идеологии империализма в английской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.
Железные дороги Азии. Сб. ст. под ред. И. Авдакова, И. Азовского, Г. Широкова. М., 2004.

Жизнин С. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика (Союз нефтепромышленников России — Центр энергетической дипломатии и геополитики). М., 2005.
Земпер Г. Мировое нефтяное хозяйство после войны // Нефтяное хозяйство. 1928. № 7.
Ибрагимов Д.Ф. Запад и аравийские страны Персидского залива. М., 1991.
Иванян Э.А. Белый дом: президенты и политика. М., 1976.
Иванян Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. М., 1991.
Иголкин А. Русская нефть, о которой мы так мало знаем. М., 2003.
Израильсон Л. Значение крупнейших фирм и объединений в мировой нефтяной промышленности // Нефтяное хозяйство. 1927. № 10.
История внешней политики СССР. Т. 1 (1917–1945). М., 1986.
История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М.–Л., 1945.
История Курдистана / Под ред. М.С. Лазарева, Ш.Х. Мгои. М., 1999.
История США. Т. 3 (1918–1945). М., 1985.
Итоги и перспективы разработки иракской нефти // Азербайджанское нефтяное хозяйство. Баку, 1928. № 11.
Кане А. Нефтяная лихорадка. М., 1980.
Капиталистическая нефтяная промышленность под ударами кризиса // Мировое хозяйство и мировая политика. 1932. № 7–8.
Касаев Э. «Шок и трепет» иракской нефтяной политики // Международная жизнь. 2006. № 12.
Касаев Э. Багдадские «ловушки» для российского нефтяного бизнеса // Международная жизнь. 2007. № 9.
Клинова М. Безопасность и сотрудничество в энергетике: поиски стабильного баланса // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2.
Клод А. Куда идет американский империализм. М., 1951.
Козарез К. Империалистические противоречия на рынке нефти стран Ближнего Востока (1929–1949 гг.) // Внешняя торговля. 1950. № 2.
Кокшаров В.А. Деятельность американских нефтяных компаний в Саудовской Аравии (1933–1945), дисс. к.и.н. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1992.
Кокшаров В.А. Создание и деятельность компании «Бритиш Ойл Девелопмент» (1928–1936) // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.
Корсун Н.Г. Арабский Восток. Ирак. М., 1928.
Косач Г.Г. Коминтерн и первые иракские коммунисты: люди и время // Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. М., 2005.
Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке. М., 1975.

Крейнин Г.С. Экономика нефти. Очерки. М., 1930.
Крейнин Т. Пути развития мировой нефтедобычи // Нефтяное хозяйство. 1931. № 4–5.
Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987.
Л.И. Германский нефтяной рынок // Нефтяное хозяйство. 1930. № 6.
Л.И. Деятельность главнейших нефтяных предприятий в США // Нефтяное хозяйство. 1930. № 5.
Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос. М., 1989.
Ланда Р.Г. Социология современного Востока. М., 2006.
Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран (Проблемы многоукладного переходного общества). М., 1978.
Леспаньоль де ля Трамери П. Мировая борьба за нефть. М., 1925.
Лисичкин С.М. Нефтяная промышленность стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. М., 1962.
Лифшиц Л.Д. Таможенные пошлины на нефтепродукты во Франции // Нефтяное хозяйство. 1929. № 1.
Луцкий В.Б. Очерки по истории арабских стран. М., 1959.
Любимов А. Ирак // Нефтяное хозяйство. 1927. № 10.
Любимов А., Хейфец Л. Нефтяное снабжение и нефтяная политика Германии // Нефтяное хозяйство. 1928. № 11–12.
Любимов А. Нефтепромышленность Германии на повороте // Нефтяное хозяйство. 1932. № 11–12.
Макеев Д.А. Внешнеторговые связи СССР со странами Арабского Востока в 1922–1929 гг. М., 1983.
Манукян А.А., Козарез К.Н. Капиталистический рынок нефти. М., 1953.
Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979.
Мгои Ш. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991.
Ментешашвили А.М. Ирак в годы английского мандата. М., 1969.
Меркс Ф. Черная кровь. М., 1978.
Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948.
Минцендорф Я. Влияние кризиса на деятельность «Шелла» // Нефтяное хозяйство. 1931. № 8–9.
Миняжетдинов И.Х. Попытки прорыва советской «экономической дипломатии» в Ирак и советско-иракские торговые отношения в период 1924–1931 гг. (по архивным материалам) // Ученые записки Центра арабских исследований ИВ РАН. Вып. 4. М., 2006.
Миняжетдинов И.Х. Российско-иракские отношения: проблема периодизации // Ученые записки Центра арабских исследований ИВ РАН. Вып. 4. М., 2006.
Миняжетдинов И.Х. Россия — Ирак: из истории становления отношений // Азия и Африка сегодня. 2005. № 6.

Мировые запасы нефти и сдвиги в их оценке // Нефтяное хозяйство. 1930. № 2.
Мирский Г. Ирак в смутное время (1930–1941). М., 1961.
Митров В.И. Нефтеперерабатывающая промышленность Англии // Нефтяное хозяйство. 1932. № 2.
Морозова И.Н. Особенности мирового рынка нефти последней четверти XX века и роль арабских продуцентов Персидского залива // ВОСТОК (ORIENS). 2002. № 3.
Морэтт Ф. Мировые рынки сырья. Л., 1925.
Нефтеперерабатывающая промышленность Франции // Нефтяное хозяйство. 1933. № 5.
Нефть в мировой политике и экономике последних лет (из материалов торгового представительства РСФСР в Германии) // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 1.
Ниринг С. Американская империя. М.–Л., 1926.
Новейшая история арабских стран Азии (1917–1985) / Под ред. В.В. Наумкина. М., 1988.
О'Коннор Т.Э. Г.В. Чичерин и советская внешняя политика, 1918–1930. М., 1991.
О'Коннор Х. Империя нефти. М., 1958.
Обстановка в Ираке: перспективы развития. Ситуационный анализ // Россия в глобальной политике. 2006. № 3.
Овезов К. Из истории советско-иракских экономических связей, 1925–1963. Автореферат к.и.н. М., 1967.
Оганесян Н.О. Национально-освободительное движение в Ираке (1917–1958). Ереван, 1976.
Олимпиев А.Ю. Ближний и Средний Восток: актуальные проблемы международных отношений. М., 2004.
Осипов А.И. Экономическая экспансия США в арабских странах. М., 1980.
Павлович М. Борьба за Азию и Африку. М., 1923.
Павлович М. Восток в борьбе за независимость. М., 1980.
Павлович М. Мировая борьба за нефть. М., 1922.
Пак П. Ирак: история и современность. М., 1981.
Пегов С., Алитовский С. Ирак. М., 1966.
Первушин Н. Новый порядок ввоза нефтепродуктов во Францию // Нефтяное хозяйство. 1929. № 7.
Переработка иракской нефти // Нефтяное хозяйство. 1935. № 1.
Перло В. Американский империализм. М., 1951.
Перло В. История финансовых магнатов. М., 1958.
Перло В. Нефтяной империализм США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 1967. № 12.
Петросян В.С. Ирако-турецкие отношения: К проблеме Мосула (по зарубежным публикациям) // Восток. 2000. № 1.

Политика великих держав на Арабском Востоке в новейшее время. Владимир, 1982.
Политическая история стран Азии в XX в. Т. 1–2. М., 1997.
Поляков В. Обеспечение мировой экономики энергоносителями в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6.
Померанцев А. Мировая нефтеперерабатывающая промышленность // Нефтяное хозяйство. 1930. № 2.
Попов К.М. Мировая нефтеторговля в 1928 г. (Статистико-экономический очерк) // Нефтяное хозяйство. 1929. № 10.
Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики. М., 1992.
Примаков А.Е. Персидский залив: нефть и монополии. М., 1983.
Рачков Б.В. Нефть и мировая политика. М., 1972.
Розанов А. Борьба за советскую нефть // Нефтяное хозяйство. 1930. № 5.
Розанов А. Государственная нефтяная политика и политика нефтяных трестов в США // Нефтяное хозяйство. 1930. № 8–9.
Розанов А. Мировой кризис и нефтяная промышленность США // Нефтяное хозяйство. 1930. № 11; там же. 1931. № 1.
Розанов А. Проблема цен на мировом нефтяном рынке // Нефтяное хозяйство. 1930. № 7.
Розанов А. Сверхприбыль в нефтяной промышленности и ее источники // Нефтяное хозяйство. 1930. № 3.
Розанов Л. Нефтяная политика Франции // Нефтяное хозяйство. 1931. № 10–11.
Саид А. Восстания арабов в XX веке. М., 1960.
Санталов А.А. Империалистическая борьба за источники сырья. М., 1953.
Санталов А.А. Предполагаемая роль иракской нефти на мировом рынке // Нефтяное хозяйство. 1934. № 10.
Санталов А.А. Пути концентрации американской нефтепромышленности // Нефтяное хозяйство. 1934. № 5.
Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока: земельная аристократия в 19–20 вв. М., 1991.
Сергеев П. Проблемы мировой энергетической безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 12.
Сивков А. Мировая борьба за нефть. М., 1926.
Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2008.
Соболев Е.В. Американский капитал в нефтяных предприятиях Персидского залива (1923–1938 гг.). Уфа, 2007.
Согрин В.В. Современная историография Великобритании. М., 1991.
СССР и Турция, 1917–1979 гг. М., 1981.
Старченков Г.И. Нефть и газ в экономике и политике Турции (XIX — начало XXI вв.). М., 2003.

Стерлинг Л.Г. Американский капитал в германской нефтяной промышленности // Нефтяное хозяйство. 1930. № 6.
Телегина Е. Энергетические технологии и развитие мировой экономики в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 6.
Трофимова О. Трансформация Ирака: уроки и ошибки прошлого // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5.
Туганова О.Э. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1967.
Туманян Т.Г. Ирак в системе международных отношений на Ближнем Востоке, 1921–1941. Автореферат дисс. к.и.н. СПб., 1996.
Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX вв. М., 1991.
Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
Тьюгендхет К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес. М., 1978.
Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость, 1917–1969. М., 1970.
Феоктистов. Мировая нефтепромышленность в 1929 г. // Нефтяное хозяйство. 1930. № 5.
Финансовое положение капиталистических нефтетрестов // Нефтяное хозяйство. 1933. № 5.
Фиников С. Германская химия и мировая нефтепромышленность // Нефтяное хозяйство. 1929. № 6.
Фишер Л. Нефтяной империализм. М., 1926.
Фурсенко А.А. Династия Рокфеллеров. Л., 1970.
Фурсенко А.А. Нефтяные войны (конец XIX — начало XX вв.). М., 1985.
Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика (1880–1918). М.–Л., 1965.
Хворостяный И.М. Политика, нефть, доллары. Киев, 1983.
Хоффман К. Советская нефть в мировой политике // Нефтяное хозяйство. 1930. № 6.
Худадов В. Иракская нефть и средиземноморский рынок // Нефтяное хозяйство. 1930. № 4.
Худадов В. Иракский нефтепровод и перспективы развития иракской нефтяной промышленности // Нефтяное хозяйство. 1931. № 8–9.
Худадов В. Когда можно ожидать начала разработки Месопотамского нефтяного района // Нефтяное хозяйство. 1929. № 5.
Худадов В. Франция и нефть // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1925. № 1.
Худадов В. Эволюция морского транспорта за пять лет 1924–29 гг. // Нефтяное хозяйство. 1929. № 11–12.
Чихон Э. Банкир и власти. М., 1977.

Шапиро Г. Иракская нефть на мировом рынке // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 3.
Шафир Я. «Нефтяная независимость» и подготовка к войне // Нефтяное хозяйство. 1934. № 4.
Шафир Я. Мировой нефтяной рынок в 1932 г. // Нефтяное хозяйство. 1933. № 2.
Шафир Я. Нефть и война // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 6.
Шафир Я. Падение акций крупнейших мировых нефтяных концернов // Нефтяное хозяйство. 1932. № 7.
Шнейдер Е. Состояние мировой нефтяной промышленности и торговли в 1931 г. // Нефтяное хозяйство. 1932. № 3.
Шульце Э. Борьба за персидско-месопотамскую нефть. М., 1924.
Экономидес М., Олини Р. Цвет нефти. Крупнейший мировой бизнес: история, деньги и политика. М., 2004.
Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М., 1956.
Viator. Избрание Гувера и американская нефтяная политика // Нефтяное хозяйство. 1929. № 6.
Viator. Лондонская нефтяная конференция // Нефтяное хозяйство. 1929. № 10.
A Companion to the History of the Middle East / Ed. by Y. Choueiri. Oxford, UK and Malden, MA, Blackwell Publishing, 2005.
Analyzing Middle East Foreign Politics / Ed. by G. Nonneman. L., N.Y., Routledge, 2005.
Anderson I. The Standard-Vacuum Oil Company and United States Asia Policy, 1933–1941. Princeton: Princeton University Press, 1975.
Anderson R.R., Seibert R.F., Wagner J. Politics and Changes in the Middle East: Sources of Conflict and Accommodation. Upper Saddle River, New Jersey, Prentice Hall, 1998.
Andrew Ch.M. France, Britain and the Peace Settlement: A Reconsideration // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L.: Holmes and Meier, 1988.
Antonious G. The Arab Awakening. The Story of Arab National Movement. L., Hamish Hamilton, 1945.
Badeau J. The American Approach to the Arab World. N.Y., Harper & Row, 1968.
Baker R. Oil, Blood and Sand. N.Y., D. Appleton-Century Company, 1942.
Baram Ph.J. The Department of States in the Middle East 1919–1945. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1978.
Bartlett C.J. The Global Conflict. The International Rivalry of the Great Powers, 1880–1990. L., N.Y., Longman, 1995.
Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princenton (N.J.), 1978.

Beaumont P. Iraq: Environmental, Resource and Development Issues // Iraq: Power and Society / Ed. by D. Hopwood. Oxford: St.Antony's College, 1993.
Berberoglu B. Turmoil in the Middle East. Imperialism, War and Political Instability. Albany, State Univercity of New York Press, 1999.
Bilovich J. The Quest for Oil in Bahrain, 1923–1930 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Birdwood L. Nuri as-Said: A Study in Arab Leadership. L., Cassell, 1969.
Blair J. The Control of Oil. N.Y., Pantheon Books, 1976.
Bohlen Ch. Witness to History 1929–1969. N.Y., W.W. Norton & Company, 1973.
Brooks B. Peace, Plenty and Petroleum. Lancaster, Pennsylvania, Jacques Cattell Press, 1944.
Brown L.C. International Politics and the Middle East: Old Rules and Dangerous Game. L., I.B. Tauris & Company, Ltd. Publishers, 1984.
Bryson Th.A. American Diplomatic Relations with the Middle East 1784–1975. A Survey. Metuchen, New Jersey, Scarecrow Press, 1977.
Bullard R. Britain and the Middle East from Earliest Times to 1950. L., Fisher, Knight and Company, 1951.
Callaghan J. Great Power Complex: British Imperialism, International Crisis and National Decline, 1914–1941. L., Chicago, 1997.
Caroe O. Well of Power: The Oilfields of South-Western Asia. L., Macmillan & Company, 1951.
Catherwood Ch. Churchill's Folly/ How Winston Churchill Created Modern Iraq. N.Y., Caroll and Graft Publishers, 2004.
Cattan H. The Evolution of Oil Concessions in the Middle East and North Africa. N.Y., Dobbs Ferry, 1967.
Chatelus M. Iraq and Its Oil: Sixty-five Years of Ambitions and Frustration // Iraq: Power and Society / Ed. by D. Hopwood. Oxford, St.Antony's College, 1993.
Chester E.W. United States. Oil Policy and Diplomacy. A Twentieth Century Overniew. Westpost, Greenwood Press, 1983.
Clarke A. Bahrain Oil and Development, 1929–1989. Boulder, International Research Center, 1990.
Cleveland W. A History of the Modern Middle East. Boulder, CO, Westview Press, 2004.
Combs J.A. A History of American Foreign Policy. N.Y., Alfred A. Knopf, 1986.
Crystal J. Oil and Politics in the Gulf: Rules and Merchants in Kuwait and Qatar. Cambridge University Press, 1991.
Dann U. British Persian Gulf Concepts in the Light of Emerging Nationalism in the Late 1920-s // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.

Davis E. Memories of State: Politics, History and Collective Identity in Modern Iraq. Berkeley and Los Angeles, CA and L., UK, University of California Press, 2005.
DeGaury G. Three Kings in Baghdad, 1921–1958. L., Hutchinson, 1961.
DeGolyer E.D. Some Aspects of Oil in the Middle East // The Near East and the Great Powers. Cambridge, 1951.
DeNovo J.A. American Interest and Politics in the Middle East, 1900–1939. The University of Minnesota Press, 1963.
DeNovo J.A. On the Sidelines: The United States and the Middle East Between the Wars, 1919–1939 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holms and Meier, 1988.
Dobson A. Anglo-American Relations in the Twentieth Century, Friendship, Conflict, the Rise and Decline of Superpowers. L., N.Y., Routledge, 1995.
Durand D. La politique petroliere internationale. Paris, 1960.
Edens D.G. Oil and Development in the Middle East. N.Y., L., Praeger, 1979.
Edwards P.G. Anglo-Italian Relations, 1924–1929. Oxford University Press, 1971.
Ehteshami A. Globalization and geopolitics in the Middle East: Old Games, New Rules. L., N.Y., Routledge, 2007.
Engler R. The Politics of Oil: A Study of Private Power and Democratic Directions. N.Y., The Macmillan Company, 1961.
Fanning L.M. American Oil Operations Abroad. N.Y., L., McGraw-Hill Book Co, 1947.
Fanning L.M. Foreign Oil and the Free World. N.Y., McGraw-Hill Book Co, 1954.
Fanning L.M. The Rise of American Oil. N.Y., Harper & Brothers, 1936.
Feis H. Petroleum and American Foreign Policy. Stanford University Press, 1944.
Ferrier R.W. The History of the British Petroleum Company. Vol. I. The Developing Years 1901–1932. Cambridge University Press, 1982.
Fieldhouse D.K. Western Imperialism in the Middle East 1914–1948. Oxford University Press, 2006.
Finnie D.N. Pioneers East: The Early American Experience in the Middle East. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1967.
Finnie D.N. Desert Enterprise: The Middle East Oil Industry in Its Local Environment. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1958.
Fisher S.N. The Middle East: A History. N.Y., 1959.
Fitzgerald E.P. Compagnie Francaise des Petroles and Defence of the Red Line regime in Middle Eastern Oil, 1933–1936. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.h-net.org/~business/bhcweb/publications/BEHprint/v020/p0117-p0126.pdf
Fontain P. Bataille pour le petrole francais. Paris, 1957.
Foster H.A. The Making of Modern Iraq: A Product of World Forces. Normann, University of Oklahoma Press, 1935.

Frieden J.A. Oil and Evolution of US Policy toward the Developing Areas, 1900–1950: An Essay in Interpritation // Oil in the World Economy / Ed. by R.W. Ferrier and A.A. Fursenko. L., N.Y., Routledge, 1989.
Gathorne-Hard G.M. A Short History of International Affairs, 1920–1939. L., Oxford University Press, 1950.
Gause F.G. Oil Monarchies: Domestic and Security Challenges in the Arab Gulf States. N.Y., Council of Foreign Relations Press, 1994.
Gibb G. The History of Standard Oil Company (New Jersey). The Resurgent Years, 1911–1927. N.Y., Harper & Row, 19.
Gomaa A.M. The Syrian Throne: Hashemite Ambition and Anglo-French Rivalry, 1930–1935 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holms and Meier, 1988.
Goode J.F. Negotiating for the Past: Archeology, Nationalism and Diplomacy in the Middle East, 1919–1941. University of Texas Press, 2007.
Grayson R.S. Austen Chamberlain nad the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–1929. L., Portland OR, Frank Cass, 1997.
Haj S. The Making of Iraq, 1900–1963: Capital, Power and Ideology. N.Y., State University of New-York Press, 1997.
Halliday F. The Middle East in International Relations: Power, Politics and Ideology. Cambridge, UK and N.Y., Cambridge University Press, 2005.
Hamilton Ch.W. Americans and Oil in the Middle East. Houston, Texas, Gulf Publishing Company, 1962.
Hancock W.K. Survey of British Commonwealth Affairs. Vol. 1–2. L., 1937–1942.
Hartshorn J.E. Oil Companies and Governments. An Account of International Oil Industry in Its Political Environment. N.Y., Praeger, 1963.
Hasan M.S. The Role of Foreign Trade in the Economic Development of Iraq, 1864–1964 // Studies in the Economic History of the Middle East / Ed. by M.A. Cook. L., 1970.
Hewins R. Mr. Five Per Cent: The Biography of Caloust Gulbenkian. L., Hutchinson, 1957.
Hildebrand K. Vom Reich Weltreich Hitler. NSDAP und koloniale Frage 1919–1945. München, 1969.
Hillgruber A. The Third Reich and the Near and Middle East, 1933–1939 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Hinnebusch R. The International Politics in the Middle East. Manchester University Press, 2003.
Hirst D. Oil and Public Opinion in the Middle East. L., 1966.
Hogan M. Informal Entente: The Private Structure of Cooperation in Anglo-American Diplomacy 1918–1928. Columbia, University of Missouri Press, 1977.
Hoskins H. Middle East Oil and United States Foreign Policy. Washington, D.C., Legislative Reference Service, Library of Congress, 1950.

Hourany A. A History of the Arab People. L., FF, 1991.
Howard H. The King-Crane Commission: An American Inquiry in the Middle East. Beirut, Khayats, 1963.
Hubel H. Germany and the Middle East Conflict // Germany and the Middle East, Patterns and Prospects / Ed. by Sh. Chubin. L., Printer Punlishers, 1992.
International Interests in the Gulf Region / Ed. by The Emirates Center for Strategic Studies and Research. L., N.Y., I.B. Tauris, 2005.
International Relations in the Middle East / Ed. by L. Fawcett. Oxford University Press, 2005.
Ireland Ph.W. Iraq: A Study in Political Development. N.Y., Russel and Russel, 1970.
Iriye A. The Cambridge History of American Foreign Relations. Vol. 3. The Globalizing of America, 1913–1945. N.Y., Cambridge University Press, 1993.
Issawi Ch. An Economic History of the Middle East and North Africa. N.Y., Columbia University Press, 1982.
Issawi Ch., M. Yeganeh. The Economics of Middle Eastern Oil. N.Y., 1962.
Jacoby N. Multinational Oil: A Study in Industrial Dynamics. N.Y., Macmillan Publishing Co, 1974.
Jones G. The «Old Aunts»: Governments, Politicians and the Oil Business // Businessmen and Politics. Studies of Business Activity in British Politics, 1900–1945 / Ed. by J. Turner. L., Heinemann, 1984.
Kaufman B.I. The Arab Middle East and United States. Inter-Arab Rivalry and Superpower Diplomacy. N.Y., TWAYNE, 1996.
Keating A. Mirage: Power, Politics and the Hidden History of Arabian Oil. Amherst, N.Y., Prometheus Books, 2005.
Kedourie E. Great Britain, the Other Powers and the Middle East before and after the World War // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Kedourie E. Politics in the Middle East. Oxford University Press, 1993.
Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflicts from 1500 to 2000. L., Fontana Press, 1989.
Kent M. Moguls and Mandarins: Oil. Imperialism and the Middle East in British Foreign Policy, 1900–1940. L., Frank Cass, 1993.
Khadduri M. Arab Contemporaries: The Role of Personalities in Politics. Baltimore, L., The John Hopkins University Press, 1973.
Khadduri M. Independent Iraq 1932–1958: A Study in Iraqi Politics. L., 1960.
Kimche J. The Second Arab Awakening: The Middle East 1914–1970. N.Y., Holt, Rinehart and Winston, 1970.
Klebanoff Sh. Middle East Oil and U.S. Foreign Policy with Special Reference to the U.S. Energy Crisis. N.Y., Praeger Publisher, 1974.
Kokxhoorn N. Oil and Politics: The Domestic Roots of US Expansion in the Middle East. Bern, Frankfurt/Main, 1977.

Krasner S. Defending the National Interest, Raw Material Investment and U.S. Foreign Policy. Princeton University Press, 1978.
Al-Kuwari A.K. Oil Revenues in the Gulf Emirates. Patterns of Allocations and Impact on Economic Development. Durham, 1978.
Langley K.M. The Industrialization of Iraq. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1962.
Laqueur W.Z. The Soviet Union and the Middle East. L., 1959.
Larson H. The History of Standard Oil Company (New Jersey). New Horizons, 1927–1950. N.Y., Harper & Row, 1971.
Lawrence J. The Rise and Fall of British Empire. L., 1995.
Leatherdale C. Britain and Saudi Arabia, 1925–1939: The Imperial Oasis. L., 1983.
Lee M.M. German Foreign Policy 1917–1933. Continuity or Break? Leamington Spa, Hamburg, N.Y., 1987.
Leeman W.A. The Price of Middle East Oil. An Essay in Political Economy. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1962.
Lenczowski G. American Presidents and the Middle East. L., Duke University Press, 1990.
Lenczowski G. Oil and State in the Middle East. Ithaca, Cornell University Press, 1960.
Lenczowski G. Russia and the West in Iran 1918–1948. N.Y., Greenwood Press, 1968.
Lenczowski G. The Middle East in the World Affairs. Ithaca, L., Cornell University Press, 1952.
Lens S. The Forging of the American Empire. The History of American Imperialism from Revolution to Vietnam. N.Y., 1974.
Lippman W. United States Foreign Policy: Shields of the Republic. Boston, 1943.
Lloyd L. Peace Trough Law: Britain and the International Court in the 1920s. L., Boydell Press, 1997.
Longhurst H. Adventure in Oil: The Story of British Petroleum. L., 1959.
Longrigg S.H. Iraq 1900 to 1950: A Political, Social and Economic History. Oxford University Press, 1953.
Longrigg S.H. Oil in the Middle East: Its Discovery and Development. L., N.Y., Toronto. Oxford University Press, 1955.
Main E. Iraq: From Mandate to Independence. L., Allen and Unwin, 1935.
Manpower and Oil in Arab Countries. Beirut: Economic Research Institute, American University of Beirut, 1960.
Mansfield P. A History of the Middle East. L., 1992.
Mansfield P. The Arab World: A Comprehensive History. N.Y., 1976.
Mansfield P. The Arabs. N.Y., 1978.
Al-Marayati A.A. Diplomatic History of Modern Iraq. N-Y., 1961.
Marcel V. Oil Titans: National Oil Companies in the Middle East. L., Chatham House, 2006.

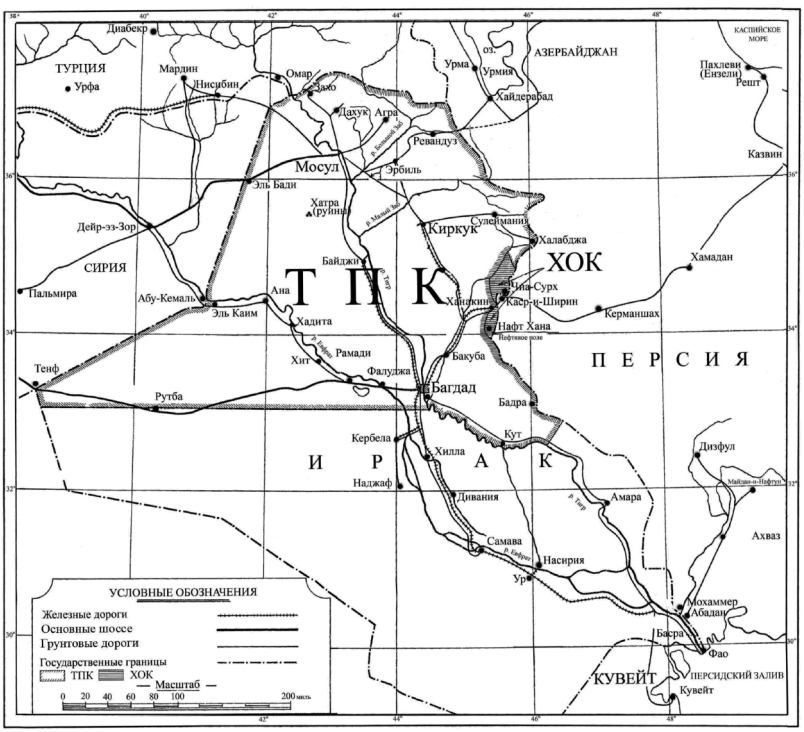
Marlowe J. The Persian Gulf in the Twentieth Century. L., 1962.
Marr Ph. The Modern History of Iraq. Colorado University Press, 1985.
Mejher H. Banking and the German Oil Industry, 1890–1939 // Oil in the World Economy / Ed. by R.W. Ferrier and A.A. Fursenko. L., N.Y., Routledge, 1989.
Mejher H. Die Politic und das Oil im Nahen Osten. Bd. I. Der Kampf der Machte und Konzerne vor dem Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1980.
Mejher H. Imperial Quest for Oil: Iraq 1910–1928. L., 1976.
Melka R. The Axis and the Arab Middle East: 1930–1945. A Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Minnesota Michigan, University Microfilm Inc, 1966.
Middle East Historiography: Narrating the Twentieth Century / Ed. by I. Gershoni. Seattle, L., University of Washington Press, 2006.
Mikdashi Z. A Financial Analysis of Middle Eastern Oil Concessions, 1901–1965. N.Y., 1966.
Mikesell R.F. Arabian Oil. America's Stake in the Middle East. Chapel Hill: The University of North California Press, 1949.
Miller A.D. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980.
Monroe E. Britain's Moment in the Middle East, 1914–1956. L., Methuen, 1965.
Morris J. The Hashimite Kings. L., 1959.
Al-Mosawi M. Iraq's Oil. The People's Struggle Against Oil Companies' Covets. Baghdad, Ministry of Information, 1973.
Mosley L. Power Play. The Tumultuous World of Middle East Oil 1890–1973. L., 1973.
Mughraby M.A. Permanent Sovereignty over Oil Resources: A Study of Middle East Oil Concessions and Legal Change. Beirut, Middle East Research Center, 1966.
Nash G.D. United States Oil Policy 1890–1964. Business and Government in Twentieth Century America. University of Pittsburg Press, 1968.
Al-Nasrawi A. Financing Economic Development in Iraq. The Role of Oil in the Middle Eastern Economy. N.Y., L., Praeger, Inc, 1967.
Nicosia F.R. Fritz Grobba and the Middle East Policy of the Third Reich // National and International Politics on the Middle East / Ed. by E. Ingram. L., 1986.
Nisan M. Minorities in the Middle East. A History of Struggle and Self-Expression. Jefferson (North Carolina), L., McFarland and Company, Inc., 1991.
Noushi A. Luttes petrolieres au Proche-Orient. Paris, 1970.
Odell P. Oil and World Power: Background to the Oil Crisis. Harmondsworth, 1975.
Olmstead A.L. The US Energy Crisis of 1920 and the Search for New Oil Supplies // Oil in the World Economy / Ed. by R.W. Ferrier and A.A. Fursenko. L., N.Y., Routledge, 1989.

Ovendale R. The Middle East since 1914. L., N.Y., 1992.
Owen R. States, Power and Politics in Making of the Modern Middle East. L., N.Y., Routledge, 1994.
Penrose E. International Oil Companies and Governments in the Middle East // The Middle East: Oil, Politics and Development / Ed. by J.D. Anthony. Washington, American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1975.
Penrose E. Iraq: International Relations and National Development. L., Ernest Benn Boulder, Westview Press, 1978.
Penrose E. The Large International Firms in Developing Countries. The International Petroleum Industry. L., 1968.
Picard E. Relations between Iraq and Its Turkish Neighbor: From Ideological to Geostrategic Constraints // Iraq: Power and Society / Ed. by D. Hopwood. Oxford, St. Antony's College, 1993.
Polk W.R. The United States and the Arab World. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1969.
Polk W.R. Understanding Iraq. N.Y., Harper Perennial, 2005.
Pratt L. The Strategic Context: British Policy in the Mediterranean and the Middle East, 1919–1939 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holms and Meier, 1988.
Al-Qaysi H. An Economic Appraisal of Iraq Petroleum Concessions. A Comparative Study. Ph.D thesis. Columbia University, 1966.
Rabinovich I. Oil and Local Politics: The French-Iraqi Negotiations of Early 1930s // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holms and Meier, 1988.
Rand Ch. Making Democracy Safe Oil: Oilmen and Islamic East. Boston, 1975.
Randall S.J. United State Foreign Oil Policy, 1919–1948: For Profit and Security Kingston, Monreal: McGill-Queen's University Press, 1985.
Al-Rasheed M.A. History of Saudi Arabia. Cambridge University Press, 2003.
Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. L., N.Y., 1995.
Richards A. A Political Economy of the Middle East. Boulder, CO and L., 2007.
Rondot J. La Compagnie Francais des Petroles. Paris, 1962.
Roy Y. Official Soviet Views on the Middle East, 1919–1939 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Rubin B. America as a Junior Partner: Anglo-American Relations in the Middle East, 1919–1939 // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Rumaihi M. Beyond Oil: Unity and Development in the Gulf. L., Al Saqi Books, 1986.
Al-Sabah Y. The Oil Economy of Kuwait. L., Kegan Paul International, Ltd., 1980.
Sachar H. Europe Leaves the Middle East, 1936–1954. N.Y., 1972.

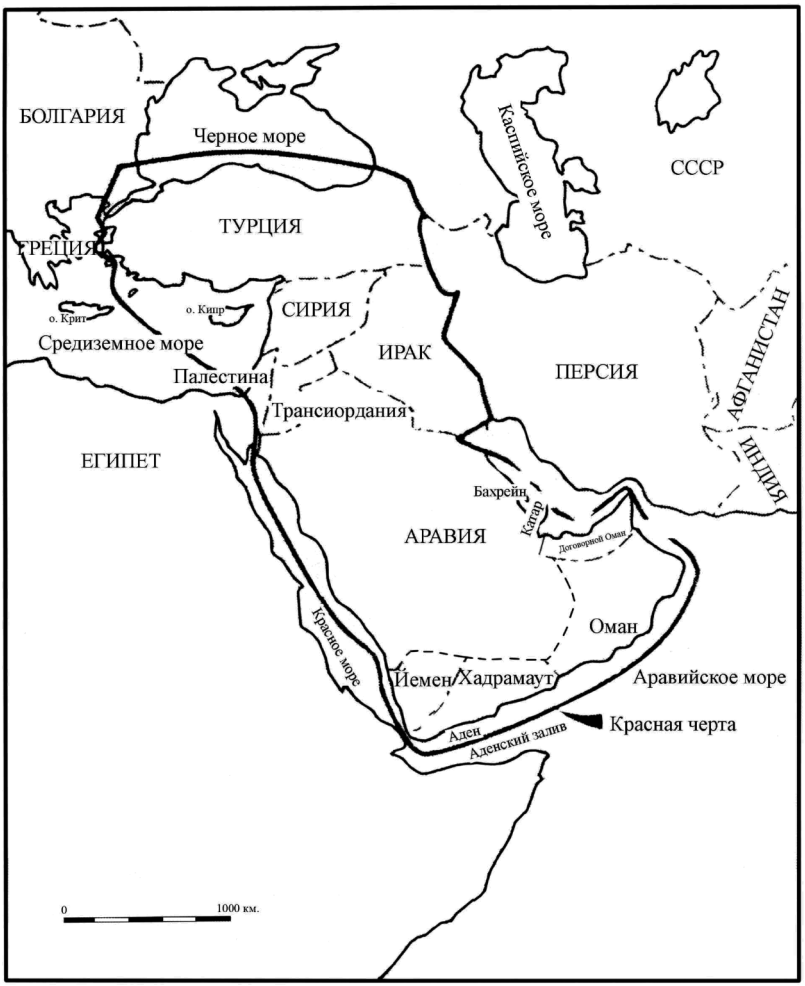
Sampson A. The Seven Sisters. The Great Oil Companies and the World They Made. L., 1978.
Sassoon J. Economic Policy in Iraq 1932–1950. L., Oxford University Press, 1987.
Schulzinger R.D. American Diplomacy in the Twentieth Century. N.Y., Oxford University Press, 1994.
Schulzinger R.D. U.S. Diplomacy Since 1900. Oxford University Press, 2002.
Segre C.G. Liberal and Fascist Italy in the Middle East, 1919–1939: The Elusive White Stallion // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Shankleman J. Oil, Profits and Peace: Does Business Have a Role in Peacemaking. Washington, D.C., United States of Peace Press, 2007.
Sharaby H.B. Governments and Politics of the Middle East in the Twentieth Century. Princenton, 1962.
Shikara A.A. Iraqi Politics 1921–1941. The Interaction between Domestic Politics and Foreign Policy. L., LAAM, Ltd, 1987.
Shwadran B. The Middle East, Oil and the Great Powers. N.Y., 1955.
Shwardan B. The Power Struggle in Iraq. N.Y., Council for Middle Eastern Affairs Press, 1960.
Siksek S.G. The Legal Framework for Oil Concessions in the Arab World. Beirut, Middle East Research Center, 1966.
Silverfarb D. Britain's Informal Empire in the Middle East. A Case Study of Iraq, 1929–1941. Oxford, N.Y., Toronto, Oxford University Press, 1986.
Simon R.S. Iraq between Two World Wars: The Militarist Origin of Tyranny. N.Y., Columbia University Press, 2004.
Sluglett P. Britain in Iraq 1914–1932. L., Ithaca Press, 1976.
Sorenson D. An Introduction to the Modern Middle East. Boulder, CO, Westview Press, 2008.
Speiser E.A. The United States and the Near East. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1947.
Spielman W.C. The United States and the Middle East: A Study of American Foreign Policy. N.Y., 1959.
Stiebach U. Germany and Gulf // Germany and the Middle East: Pattern and Prospects / Ed. by Sh. Chubin. L., Printer Publishers, 1992.
Stivers W. Supremacy in Oil: Iraq, Turkey and the Anglo-American World Order, 1918–1930. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1982.
Stocking G.W. Middle East Oil. A Study in Political and Economic Controversy. Nasville, Vanderbilt University Press, 1970.
Stoff M. Oil, War and American Security. New Haven, Yale University Press, 1980.
Stookey R.W. America and the Arab States: An Uneasy Encounter. N.Y., 1975.
Stuart G. The Department of State: A History of Its Organization, Procedures and Personnel. N.Y., Macmillan Company, 1949.

Survey of International Affairs 1928–1934 / Ed. by A.J. Toynbee. L., Royal Institute of International Affairs, 1929–1935.
Tanzer M. The Political Economy of International Oil and the Undeveloping Countries. Boston, 1969.
Tarbush M.A. The Role of Military in Politics: A Case Study of Iraq to 1941. L., 1983.
Tauber E. The Emergence of the Arab Movements. L., 1993.
The American Petroleum Industry. Vol. 2. The Age of Energy, 1899–1959 / Ed. by Williamson H. Evanston, Northwestern University Press, 1963.
The Origin of Arab Nationalism / Ed. by R.Khalidi. N.Y., Columbia University Press, 1991.
Tillman H. Deutschland Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1965.
Tillman S.P. The United States in the Middle East: Interests and Obstacles. Bloomington, Indiana University Press, 1982.
Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2002.
Turner L. Oil Companies in the International System. L., 1978.
US Policy in Post-Saddam Iraq: Lessons from the British Experience / Ed. by M. Eisenstadt, E. Mathewson. Washington, The Washington Institute for Near East Policy, 2003.
Venn F. A Struggle for Supremacy? Great Britain, the United States and Kuwaiti Oil in 1930-s. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.essex.ac.uk/history/working-papers/fvenn-paper.pdf
Venn F. Oil Diplomacy in the Twentieth Century. L., Basingstoke, MacMillan, 1986.
Wall B.H. Teagle of Jersey Standard. New Orleans, 1974.
Wallach J.L. The Weimar Republic and the Middle East: Salient Points // The Great Powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by U. Dann. N.Y., L., Holmes and Meier, 1988.
Ward Th. Negotiations for Oil Concessions in Bahrain, El Hasa (Saudi Arabia), the Neutral Zone, Quatar and Kuwait. N.Y., 1965.
Weil M.A. Pretty Good Club: The Founding Fathers of the U.S. Foreign Service. N.Y., 1978.
Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad From 1814 to 1879. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1974.
Williams A. Britain and France in the Middle East and North Africa, 1914–1967. L., N.Y., 1968.
Wright Q. Mandates under League of Nations. University of Chicago, 1930.
Yapp M.E. The Near East since First World War. L., N.Y., 1991.
Yergin D. The Prize. The Epic Quest for Oil, Money and Power. N.Y., 1991.
Young J.W. Britain and the World in the Twentieth Century. L., N.Y., Sydney, Auckland, Arnold, 1997.

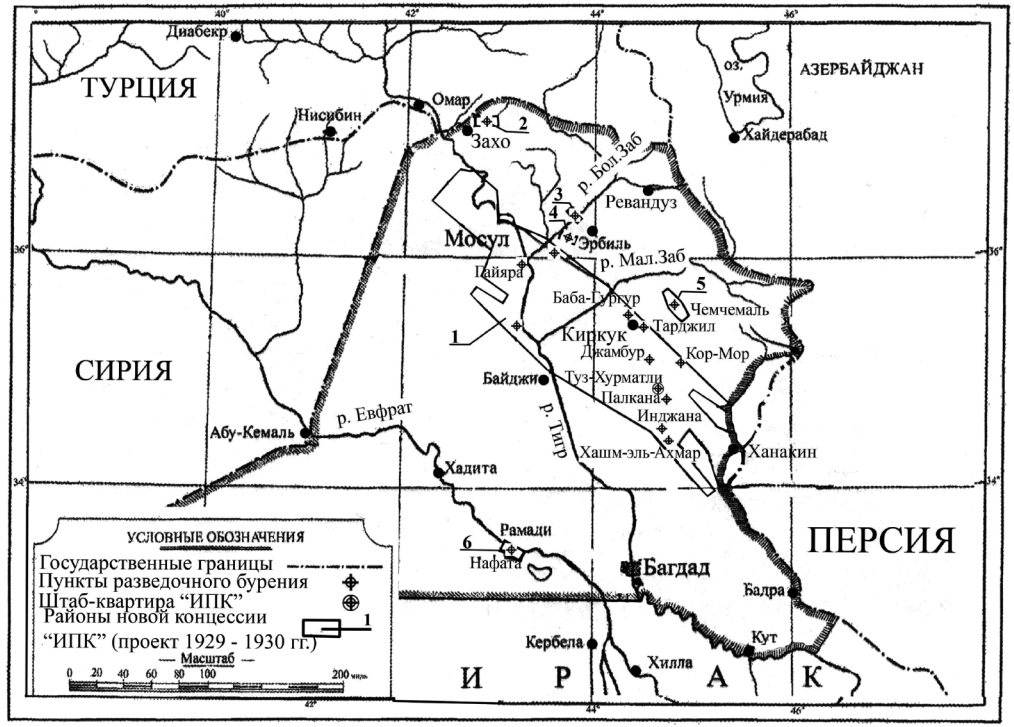
ПРИЛОЖЕНИЕ I



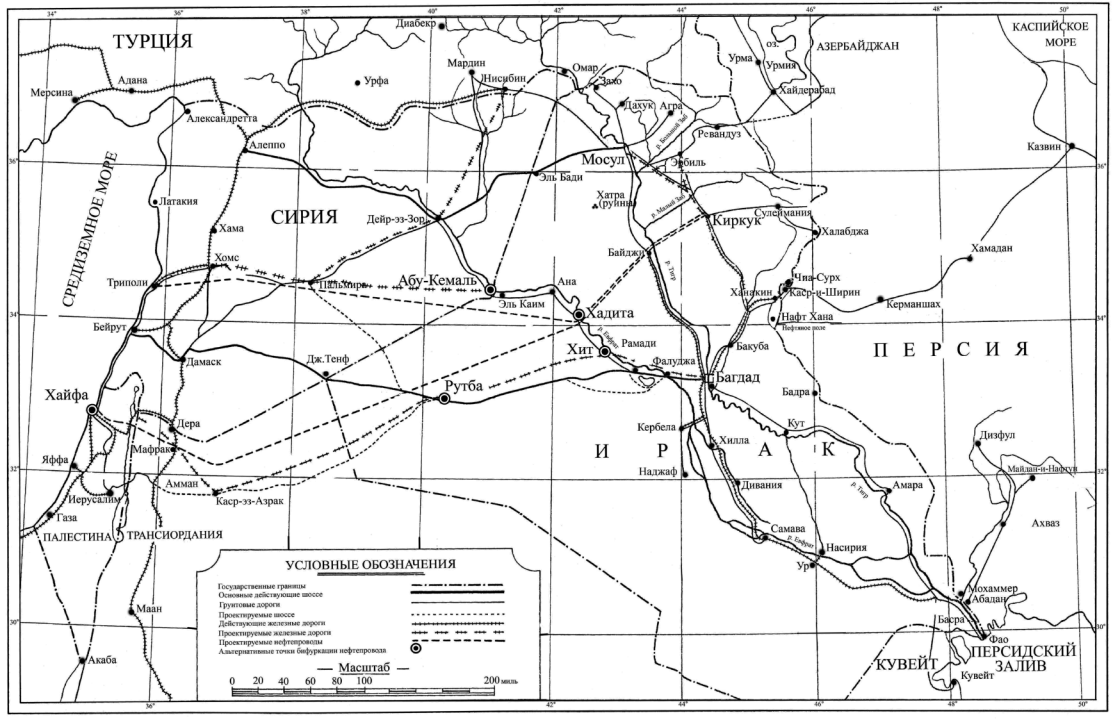
Карта 1. Нефтяные концессии в Ираке, 1925 г. (составлена по: Great Britain. Colonial Office. Special Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the Progress of Iraq during the period 1920–1931. L.: HMSO, 1931. С. 118–223)



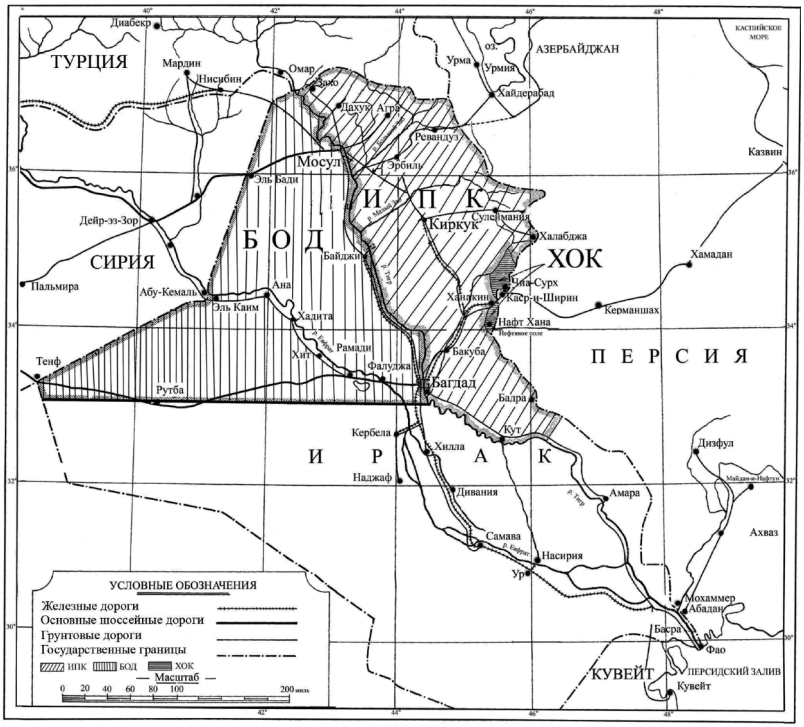
Карта 2. Район «красной черты» по соглашению ТПК от 31 июля 1928 г. (составлена по: Randall S.J. United State Foreign Oil Policy, 1919–1948: For Profit and Security. Kingston, Monreal: McGill-Queen's University Press, 1985. С. 39)



Карта 3. Районы разведочного бурения ИПК в 1927–1931 гг. (составлена по: National Archives of the Great Britain. Public Record Office. London. Colonial Office 730/158/8)



Карта 4. Основные коммуникации Ирака и прилегающих территорий (составлена по: Great Britain. Department of Overseas Trade. Economic Conditions in Iraq 1933. Report by C. Empson, Commercial Secretary to His Majesty's Embassy at Baghdad. L.: HMSO, 1933)



Карта 5. Нефтяные концессии в Ираке, 1932 г. (составлена по: Great Britain. Department of Overseas Trade. Economic Conditions in Iraq 1933. Report by C. Empson, Commercial Secretary to His Majesty's Embassy at Baghdad. L.: HMSO, 1933)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Таблица 1

Абсолютные показатели мировой добычи нефти в 1925–1929 гг.
(в млн. барр.)

Основные районы добычи нефти	Страны	Год начала добычи	1925	1926	1927	1928	1929
Северная Америка	США	1859	758,9	770,9	901,1	901,5	1010,0
Южная Америка	Венесуэла	1917	19,7	37,4	63,1	106,0	135,0
	Колумбия	1922	0,5	6,4	15,0	19,0	20,4
	Перу	1896	9,1	10,8	10,1	12,0	13,0
	Эквадор	1924	0,1	0,4	0,5	1,1	1,3
	Аргентина	1908	5,8	6,5	8,6	9,1	9,0
	Тринидад	1909	4,6	5,0	5,7	7,8	8,2
	Всего по району		39,8	66,5	103,0	155,0	186,9
Ближний Восток	Южная Персия	1913	33,9	35,8	39,7	42,1	43,0
	Ирак	1927	—	—	0,2	0,7	09
	Египет	1911	1,2	1,3	1,3	1,8	1,9
	Всего по району		35,1	37,1	41,2	44,6	45,8
Кавказ	**СССР ***	1863	53,9	62,9	77,0	87,8	95,5
	Всего 4 главных района		887,7	937,3	1122,3	1188,9	1338,2
Второстепенные области и районы			177,1	158,6	138,8	133,1	128,8
	Общая добыча		1064,8	1095,9	1261,1	1322,0	1467,0

* Показатели нефтедобычи Кавказского и Уральского районов.

Источник: Нефтяное хозяйство. 1930. № 1. С. 128–129.

Таблица 2

Относительные показатели мировой добычи нефти в 1925–1929 гг.
(в млн. барр.)

Основные районы добычи нефти	Прирост в % к предыдущему году				Прирост 1929 г. в % к 1925 г.	Участие в % к мировой добыче				
	1926	1927	1928	1929		1925	1926	1927	1928	1929
Северная Америка	1,6	16,9	–	12,0	33,1	70,4	70,3	71,5	68,2	68,8
Южная Америка	68,3	54,9	50,4	20,6	373,1	4,1	6,2	8,1	11,7	12,7
Ближний Восток	5,4	11,5	8,3	2,7	30,1	3,1	3,4	3,3	3,4	3,1
Кавказ*	16,5	22,4	14,0	8,8	76,9	5,0	5,7	6,1	6,6	6,5
Итого главных	5,6	19,7	5,9	12,6	50,8	83,4	85,6	89,0	89,9	91,1
Второстепенные	-9,8	-13,7	-4,1	-3,2	-27,3	16,6	14,4	11,0	10,1	8,9
Мировая добыча	2,9	15,1	4,1	10,9	37,7	100	100	100	100	100

* Показатели нефтедобычи Кавказского и Уральского районов.

Источник: Нефтяное хозяйство. 1930. № 1. С. 128–129.

Таблица 3

Контроль иностранных групп над нефтедобычей (за пределами США)
(в тыс. барр. в сутки)

Год	Британский и голландский капитал			Американский капитал			Советская Россия	
	Добыча	% к иностранным источникам	% к иностранным источникам (за искл. СССР)	Добыча	% к иностранным источникам	% к иностранным источникам (за искл. СССР)	Добыча	% к иностранным источникам
1918	163,2	40,4	47,9	129,9	32,1	38,2	63,9	15,8
1921	278,2	33,7	37,2	415,2	50,2	55,6	79,3	9,6
1922	263,3	31,4	35,6	421,9	50,4	57,0	97,8	11,7
1927	391,6	39,7	50,4	293,0	29,7	37,7	208,9	21,2
1928	470,5	40,5	51,0	354,1	30,5	38,4	239,5	20,6
1929	541,2	41,0	52,2	392,1	29,7	37,8	282,1	21,4
1930	573,6	40,1	54,2	368,1	25,7	34,8	372,5	26,0
1931	522,5	36,5	53,1	332,5	23,2	33,8	449,1	31,3
1932	550,1	38,4	54,6	328,3	23,0	32,6	425,2	29,6

Источник: Fanning L.M. American Oil Operations Abroad. N.Y., L. 1947. С. 64–65.

Таблица 4

Контроль иностранных групп над производством сырой нефти за пределами США
(в тыс. барр. в сутки)

	Западное полушарие		Восточное полушарие						Мировая нефтедобыча (за искл. США)	
			Европа и Африка		Ближний и Средний Восток		Дальний Восток			
	барр.	%	барр.	%	барр.	%	барр.	%	барр.	%
1918 г.										
Американские компании	129,714	66,8	0, 230	0,2	—	—	—	—	129,944	32,1
Брит. и голланд. компании	59,173	30,5	20,207	16,9	23,624	100,0	60,174	90,0	163,178	40,4
Компании других стран	5,384	2,7	35,344	29,5	—	—	6,688	10,0	47,416	11,7
Всего	194,271	100,0	55,781	46,6	23,624	100,0	66,862	100,0	340,538	84,2
Российские компании	—	—	63,861	53,4	—	—	—	—	63,861	15,8
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	194,271	100,0	119,642	100,0	23,624	100,0	66,862	100,0	404,399	100,0
в %	48,1		29,6		5,8		16,5		100,0	
1921 г.										
Американские компании	409, 842	71,1	5,274	4,3	—	—	0,098	0,1	415,214	50,2
Брит. и голланд. компании	145,690	25,2	11,123	9,1	45,679	100,0	75,689	92,6	278,181	33,7
Компании других стран	21,228	3,7	26,788	21,8	—	—	5,956	7,3	53,972	6,5
Всего	576,760	100,0	43,185	35,2	45,679	100,0	81,743	100,0	747,367	90,4
Советская Россия	—	—	79,364	64,8	—	—	—	—	79,364	9,6
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	576,760	100,0	122,549	100,0	45,679	100,0	81,743	100,0	826,731	100,0
в %	69,8		14,8		5,5		9,9		100,0	
1922 г.										
Американские компании	417,130	76,4	4,583	3,1	—	—	0,145	0,2	421,858	50,4
Брит. и голланд. компании	109,214	20,0	13,651	9,4	60,951	100,0	79,469	93,3	263,285	31,4
Компании других стран	19,363	3,6	29,508	20,3	—	—	5,538	6,5	54,409	6,5
Всего	545,707	100,0	47,742	32,8	60,951	100,0	85,152	100,0	739,552	88,3
СССР	—	—	97,786	67,2	—	—	—	—	97,786	11,7
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	545,707	100,0	145,528	100,0	60,951	100,0	85,152	100,0	837,338	100,0
в %	65,2		17,4		7,3		10,0		100,0	

Таблица 4 (продолжение)

	Западное полушарие		Восточное полушарие						Мировая нефтедобыча (за искл. США)	
			Европа и Африка		Ближний и Средний Восток		Дальний Восток			
	барр.	%	барр.	%	барр.	%	барр.	%	барр.	%
1927 г.										
Американские компании	283,833	61,9	5,695	1,9	—	—	3,505	3,1	293,033	29,7
Брит. и голланд. компании	151,163	33,0	26,062	8,6	109,660	100,0	104,760	91,9	391,645	39,7
Компании других стран	23,161	5,1	63,308	20,8	—	—	5,671	5,0	92,140	9,4
Всего	458,157	100,0	95,065	31,3	109,660	100,0	113,936	100,0	776,818	78,8
СССР	—	—	208,943	68,7	—	—	—	—	208,943	21,2
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	458,157	100,0	304,008	100,0	109,660	100,0	113,936	100,0	985,761	100,0
в %	46,5		30,8		11,1		11,6		100,0	
1928 г.										
Американские компании	340, 172	60,5	9,338	2,7	—	—	4,609	3,5	354,119	30,5
Брит. и голланд. компании	201,679	35,8	30,215	8,7	120,694	100,0	117,994	91,0	470,582	40,5
Компании других стран	20,716	3,7	69,825	20,0	—	—	7,120	5,5	97,661	8,4
Всего	562,567	100,0	109,378	31,4	120,694	100,0	129,723	100,0	922,362	79,4
СССР	—	—	239,571	68,6	—	—	—	—	239,571	20,6
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	562,567	100,0	348,949	100,0	120,694	100,0	129,723	100,0	1161,933	100,0
в %	48,4		30,0		10,4		11,2		100,0	
1929 г.										
Американские компании	375,010	57,9	9,903	2,5	—	—	7,190	4,7	392,103	29,7
Брит. и голланд. компании	251,915	38,9	35,724	8,7	117,652	100,0	135,920	89,6	541,211	41,0
Компании других стран	20,398	3,2	75,098	18,7	—	—	8,645	5,7	104,132	7,9
Всего	647,314	100,0	120,725	29,9	117,652	100,0	151,755	100,0	1037,446	78,6
СССР	—	—	282,194	70,1	—	—	—	—	282,194	21,4
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	647,314	100,0	402,919	100,0	117,652	100,0	151,755	100,0	1319,640	100,0
в %	49,1		30,5		8,9		11,5		100,0	

Таблица 4 (продолжение)

	Западное полушарие		Восточное полушарие						Мировая нефтедобыча (за искл. США)	
			Европа и Африка		Ближний и Средний Восток		Дальний Восток			
	барр.	%	барр.	%	барр.	%	барр.	%	барр.	%
1930 г.										
Американские компании	345,754	54,8	10,485	2,0	—	—	11,946	7,5	368,185	25,7
Брит. и голланд. компании	266,568	42,3	43,141	8,4	127,572	100,0	136,326	85,4	573,625	40,1
Компании других стран	18,368	2,9	89,550	17,4	—	—	9,501	6,0	117,419	8,2
Всего	630,708	100,0	143,176	27,8	127,572	100,0	157,773	98,9	1059,229	74,0
СССР	—	—	370,782	72,2	—	—	1,805	1,1	372,587	26,0
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	630,708	100,0	513,958	100,0	127,572	100,0	159,578	100,0	1431,816	100,0
в %	44,1		35,9		8,9		11,1		100,0	
1931 г.										
Американские компании	302,518	54,0	14,732	2,4	—	—	15,300	11,0	332,550	23,2
Брит. и голланд. компании	238,701	42,6	47,262	7,8	123,578	100,0	113,001	80,4	522,542	36,5
Компании других стран	19,254	3,4	100,136	16,4	—	—	9,640	6,9	129,030	9,0
Всего	560,473	100,0	162,130	26,6	123,578	100,0	137,941	98,3	984,122	68,7
СССР	—	—	446,685	73,4	—	—	2,462	1,7	449,147	31,3
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	560,473	100,0	608,815	100,0	123,578	100,0	140,403	100,0	1433,269	100,0
в %	39,1		42,5		8,6		9,8		100,0	
1932 г.										
Американские компании	293,671	53,0	16,703	2,8	—	—	17,952	12,2	328,326	23,0
Брит. и голланд. компании	241,278	43,6	54,528	9,2	137,164	100,0	117,207	79,3	550,177	38,4
Компании других стран	19,048	3,4	101,709	17,1	—	—	8,853	6,0	129,610	9,0
Всего	553,997	100,0	172,940	29,1	137,164	100,0	144,012	97,5	1008,113	70,4
СССР	—	—	421,544	70,9	—	—	3,746	2,5	425,290	29,6
Мировая нефтедобыча (за искл. США) в барр.	553,997	100,0	594,484	100,0	137,164	100,0	147,758	100,0	1433,403	100,0
в %	38,6		41,5		9,6		10,3		100,0	

Источник: Fanning L.M. American Oil Operations Abroad. N.Y., L. 1947. С. 206–210.

Таблица 5

Расстояние между Триполи и другими портами нефтеэкспорта
(в морских милях)

	До западноевропейских портов				До средиземноморских портов			
	Гавр	**Лондон**	**Антверпен**	**Гамбург**	**Марсель**	**Генуя**	**Неаполь**	**Триест**
Триполи	2230	2395	2435	2685	740	715	515	915
Батум	3540	3705	3745	3995	1965	1870	1560	1740
Констанца	3150	3315	3355	3605	1575	1480	1170	1345
Абадан (через Суэц)	6390	6555	6595	6845	4830	4740	4430	4615
Сингапур	8080	8245	8285	5535	6525	6435	6125	9310
Маракайбо	4235	4385	4339	4675	4580	4735	4870	5540
Гальвстон	4815	4965	5010	5255	5430	5585	5720	6390
Лос-Анджелес (через Панаму)	7555	7705	7750	7995	7975	8130	8263	8935

Источник: Внешняя торговля. 1934. № 4. С. 21.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аль-Азхари Джафар 49, 143
Амаретти В.103
Американский нефтяной институт 12, 24, 99
Англо-Америкэн Ойл Компании 43
Англо-Персидская нефтяная компания, АПНК 9, 16, 17, 19, 24, 25, 27–29, 31, 33, 37, 38. 40–43, 58, 62, 76, 77, 79, 80, 83, 92, 97, 112, 113, 119, 136, 137, 140, 150
Англо-Саксон Петролеум Компани 17
Атлантик Рифайнинг Компании 33, 37, 38
Асад Хафез 177
Ациенда Дженерале Италиана Петроли, АДЖИП 62, 183

Бардиллон 73, 74
Барзанджи М. 100
Барзани Ахмед и Мустафа 101
Барон Шарль 39
Басра Петролеум Компании 178, 179
Бахрейн Петролеум Компани, БАПКО 68
Беранже Анри 100
Бергиус Фридрих 71
Бертело Ф. 126
Бирма Ойл Компани 37, 42
Бокановский 39
Бох Х. 13
Бош К. 71
Браун Томас 86, 87, 102, 103, 111, 114
Браун У. 65, 103
Бритиш Доминионс Эншюренс 103
Бритиш Мексикэн Ойл Компании 65
Бритиш Ойл Девелопмент Компани, БОД 3, 5, 7, 9, 14. 39, 44–49, 51, 53, 56, 57, 59, 60, 62–66, 73, 75, 76, 84–89, 9–95. 97, 100–104, 107, 108, 111, 113. 114, 118, 121, 128–131, 134. 135, 138, 139, 141, 145, 150, 152, 153, 157–165, 168, 172, 173, 177–179
Бритиш Фосфат Компании 103
Бритиш Юнион Ойл Компани 65, 103
Булл Г. 36
Бэйкер Ф. 65, 103
Бэрри Ч. 65

Вакуум Ойл Компани 29 37,42
Ван-Риз М. 95
Вемисс Вестер 44, 65, 103
Восточный банк 136

Галф Ойл Корпорейшн 37, 38, 42, 68, 79
Гардинг У. 99
Гаррони М. 72

Геологическое бюро США 33
Гетти Ойл Компани 84, 85, 101, 153, 157, 169
Гитлер Адольф 174
Гробба Фриц 111, 167
Гувер Герберт 81, 82, 99

Гульбенкян Калуст Саркис 9, 12, 15–19, 24, 37, 38, 111–113, 118, 132, 140, 143, 144, 145
Гульбенкян Нубар 177
Гутехоффнугс хютте 86

Д'Арси Эксплорейшн Компани 17, 33
Дамлуджи Абдулла 152
Детердинг Генри 22, 27, 28, 30, 38–40, 80, 83, 89, 91–94
Диккенсон А. 103
Доббс Генри 113, 114, 143
Дойче банк 9
Дэн-Тоули 59, 108, 112, 124

Жиро Поль 103

Заки М.А. 157, 160

ИГ Фарбениндустри 61, 71
Инверфорс 65, 86, 101, 103, 108
Ирак Петролеум Компани, ИПК 3, 49–53, 55–59, 64, 65, 67, 69, 73–77, 79–81, 83–89, 91–97, 101, 102, 104, 106–147, 149–155, 157, 160, 161, 163–165, 168, 171–173, 175–176, 178–181
Истерн энд Дженерал Синдикейтед, ИДС 68

Кассль Людвиг 61, 103
Керзон 72
Кинг Г.К. 66
Компани Франсез де Петроль, КФП 10, 15, 17, 21, 31, 37–40, 53, 54, 77, 83, 87, 92, 100, 109, 150, 183
Компани Франсез де Раффинаж 21
Коттин 55
Крейн Чарльз Р. 46, 66, 127
Кулидж 99
Кэдман Джон 19, 22, 24, 37, 46, 39, 50, 52, 59, 76, 93, 94, 97, 102, 104, 106, 110, 111, 114, 116–119, 121–129, 131, 132, 137, 140, 141, 144–146, 150, 153, 173
Кэмпбэлл 114

Леттер Д. 65
Лига Наций 10, 47–49, 51, 59–65, 70, 73–77, 83, 84, 87–91, 94–97, 102–105, 107, 111, 120, 129–131, 139, 153, 155–162, 165, 166, 168, 170, 173, 174, 177
Липписэ Филипп 126, 129, 131, 133
Литтен 64

Макдональд Рамсей 81
Мар-Шимун 158, 167, 173, 174
Мартелли А. 103
Маунтейн Э. 65, 103, 160
Международный нефтяной картель, МНК 23, 25, 32, 35, 36, 40, 66, 67, 79, 92
Мейхер Гельмут 129
Мексикэн Петролеум Компани 33, 37
Мерлин М. 95
Мерсье Эрнст 31, 150
Мола Армандо 86, 87, 102, 103
Муссолини Бенито 72, 161
Мэнвилл Э. 65, 103

Нефтесиндикат 30, 43
Нир Ист Девелопмент Компани, НИДК 10, 1517, 22, 31, 33, 37. 53, 68, 79, 112, 140

Отто Вольф 86

Пан-Америкэн Петролеум Компани 37
Партисипейшн энд Инвестмент Компани 17
Пачачи Мухаммед 37, 132
Петретти А. 103
Пино Л. 87
Пирсонс энд Санс Компани 153, 157

Рабинович П. 126
Раппард М. 94

Раппель М. 103
Рафидан Ойл Компани 136
Рикетт Ф.У. 86, 101, 102
Ройял Датч Шелл, РДШ 9, 31, 42, 61, 62, 79, 80, 83, 92, 98, 112, 113, 137
Рокфеллер Дж. 43
Рэд Лайн Ойл Компани 65

Саид Нури 87, 106, 110, 111, 114, 116, 117, 118, 121, 122, 127144, 146, 160, 161, 163, 171
Сессиль 173
Симмонс Э. 172
Синклер Ойл Корпорейшн 33, 38
Склирос Дж. 118, 122–124, 133
Слаглетт Питер 110
Слоун Александр 84, 85, 152,
Стандард Ойл оф Калифорния, СОКАЛ 53, 68
Стандард Ойл оф Нью-Джерси 19, 22, 29, 33, 37, 40, 43, 61, 79, 109
Стандард Ойл оф Нью-Йорк, Сокони 19. 29, 30, 33, 37, 42, 79
Стимсон Г. 152
Стэнли 64, 85, 86

Тексас Ойл Компани 33, 42, 68
Теодоли Маркус 63, 74
Тигл Уильям 22, 40, 109
Туркиш Петролеум Компани, ТПК 3, 9–19, 22–24, 31, 32. 34–37, 44–49, 51, 54, 62, 67, 68, 72, 88, 121, 132
Уитли 106
Уолкер А. 65
Федеральная комиссия по охране ресурсов США 82, 99
Ферайнигде Штальверке 86
Фишер К. 71

Хайдар Рустум 136, 147
Ханакин Ойл Компани, ХОК 24, 41, 67, 73, 74, 97, 136, 146, 153, 154, 178
Хашими Ясин 132
Хашимиты династия 55, 126, 147, Фейсал 10, 45, 102, 110, 111, 114, 117, 118, 121, 126, 131, 144, 147, 160, 166, Али 126, 147
Холт 55
Хэй 55
Хэлл Х. 117
Хэмфри Фрэнсис 86, 87, 102, 108, 110, 117, 118, 120, 122, 123, 128–130, 132, 133, 153, 155, 162, 163, 167, 172

аль-Чадарчи Рауф 47

Шанцер К. 72
Шелл Транспорт энд Трейдинг Компани, группа «Шелл» 16, 23, 27–29, 37, 38, 40, 42, 43, 80, 83, 98, 99, 112

Элпайн Р. 65
Этюд Финансье д'Энтреприз 157
Эфнан Х. 113, 117, 118, 143
Эштон Ф. 164

Янг Г.В. 94, 155

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абадан 19, 25, 80, 129
Абу-Кемаль 58, 108, 109, 117, 124, 128
Австрия 13, 23
Азия Западная 80, Юго-Восточная 12, Малая 16
Акнакарри 23, 40
Албания 63
Александретта 55, 57
Алеппо 57
Альванди 24
Америка Северная 27, 39, 78, Южная 14, 26, 41, 78, 80, Латинская 5, 6. 12, 23, 32, 137
Амман 118, 124, 125, 142
Анкара 13
Аравийский полуостров 16, 68
Афганистан 93
Африка Северная 78, Восточная 80, Западная 42, Южная 42

Баба-Гургур 14, 15, 45, 59, 76, 97, 107, 121, 154, 165, 172, 175
Багдад 13, 45–47, 52, 55, 57, 58, 64, 69, 76, 84, 87, 88, 94, 101, 102, 104, 106, 111, 113, 114, 117–119, 122–124, 126–129, 132–134, 136, 138, 142, 144, 160, 163, 167, 172, 177
Байджи 69
Баниас 177
Барзан 101
Басра 57, 59, 69, 102, 104
Бахрейн 53, 68
Бей-Акр 134
Бейрут 87, 123, 138, 145
Бей-Хассан 67
Бельгия 17
Берлин 111, 160
Бирма 42
Ближний Восток 5–9, 15–17, 19, 20, 22, 32, 33, 36, 41, 42, 50, 53–55, 58, 61, 63–66, 69, 72, 78–83, 85, 98, 100–102, 112, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138–140, 156, 174–180
Ван 95, 174
Вашингтон город 84
Великобритания, Англия 6, 8–10, 16, 19, 20, 22, 27, 29, 31–33, 37, 39, 41, 43–45, 49–54, 56, 58, 61, 63–65, 68–72, 78, 80–83, 90, 92, 94–96, 100, 101, 104, 105, 108, 110–112, 117, 120, 123, 126, 129, 130, 135, 138–142, 144, 155–161, 163, 165, 167–170, 173–178

Венгрия 23
Венесуэла 27, 42, 77, 98

Гавр 79
Гайяра 14, 35, 67, 107, 115, 116, 127, 128, 130, 157, 172
Германия 6, 9, 21, 23, 31, 32, 41, 60–62, 64, 65, 70, 71, 88, 89, 91, 94–96, 103, 114, 128–130, 139, 141, 145, 157, 160, 165, 167, 168, 176
Гибралтар 78
Голландия 32, 175
Голландская Ост-Индия 42, 78, 80, 137
Греция 78

Дальний Восток 27, 57, 80
Дамаск 55, 126, 1338
Дарданеллы 78
Джамбур-Таук 67
Джебель-Хамрин 13, 67
Дахук 173
Дэйр-эз-Зор 57, 58, 133

Европа 22, 26–28, 32, 41, 58, 60, 62, 63, 79, 80, 111, 140, 157, 165, 175, 176
Евфрат 57, 108, 124, 127
Египет 42, 80, 98

Женева 48, 49, 64, 73, 83, 88, 89, 91, 97, 107, 114, 129, 130, 155, 158–160, 162, 165–167, 170, 173

Заб Малый 67

Иерусалим 124, 125
Индийский океан 27, 42, 80
Индия 54
Иордан 57
Ирак 8, 10–25, 32–37, 41, 44–59, 61–67, 69, 73–86, 88–91, 93–122, 124–170, 172–182
Испания 31
Италия 20, 23, 31, 32, 41, 56, 62–65, 71, 72, 79, 80, 88, 89, 91, 94–96, 101–103, 114, 128–130, 139, 141, 145, 157, 160, 162, 165, 167, 168, 176

Кавказ 26
Каср-эль-Азрак 142
Катар 179
Кипр 179
Киркук 13, 14, 35, 44, 46, 63, 67, 69, 76, 78–80, 83, 86, 108, 113, 115, 124, 127, 129, 134, 154, 175, 177
Колумбия 77
Кор-Мор 67
Красное море 57, 58
Кувейт 16
Курдистан 100, 103, 105, 173

Левант 54, 55, 131, 167
Лондон 49, 65, 71, 85, 87, 106, 110, 111, 113, 114, 116, 117, 121–123, 125–127, 131–133, 138, 142, 152, 160, 163, 166, 171
Лотарингия 70

Марсель 39
Мафрак 142
Мексика 23, 32, 42
Мексиканский залив 135
Маскат 179
Мендели 35
Мертвое море 58
Месопотамия 9, 10, 22, 34, 54, 93, 121
Мосул 10, 13, 31, 35, 53, 58, 69, 72, 83, 86, 100, 103, 107, 127, 141, 158, 174, 176, 177

Наджма 67
Нафт-Хана 24, 25, 76, 154
Неджд 68

Оман Договорной 179
Остенд 17

Палестина 16, 42, 55, 59, 78, 94, 98, 107, 110, 112, 122125, 138, 140, 142, 146, 155, 158, 169
Пальмира 58, 108, 128, 133
Париж 76, 87, 92, 93, 109, 123, 133, 138
Персидский залив 54, 5759, 68, 69, 83, 102, 177
Персия 12, 19, 26. 33, 41, 54, 57, 58, 61, 62, 78, 80, 81, 83, 86, 93, 100, 102, 127, 137, 177, 178
Польша 70

Рамади 35
Рим 87, 111, 161
Румыния 63, 78, 80, 92, 99
Рутба 109, 118, 121, 124, 125, 127, 128, 142

Сена 39
Силезия 70
Сирия 16, 42, 55–59, 78, 94, 98, 109, 112, 117, 123, 126, 131, 133, 136, 138, 140, 146, 155. 156, 158, 167, 169, 174, 178, 179
Средиземное море 11, 16, 18, 20, 25, 44, 54, 56–58, 74, 75, 78, 81, 83, 85, 108, 110, 116, 117, 119, 126, 128, 131, 134, 139, 152, 154, 155, 160, 163, 164, 176–178
СССР 14, 20, 26, 28–31, 38, 39, 41–43, 62, 63, 78, 81, 83, 93, 100, царская Россия 5, 29
Стамбул 100
Суэцкий канал 58, 59, 78, 80
США 5, 6, 9, 10, 12, 14–16, 20, 22, 23, 26. 29, 31–33, 41, 42, 52, 53, 56, 61, 63, 66, 72, 77, 80, 81–85, 96, 98, 99, 108, 135, 152, 159, 160, 166, 173, 175

Тадмор 108
Тегеран 86, 150
Тигр13, 36, 67, 69, 107, 108, 115, 130, 133, 140, 153, 157, 163, 165
Тикрит 127
Тихий океан 79
Трансиордания 55, 59, 78, 94, 110, 122, 123, 125, 138, 140, 142, 146, 155, 158, 169, 179
Триполи 55–57, 69, 108110, 112, 114–117, 119, 121, 128. 142, 144, 145, 177, 178
Туз-Хурматли 35
Турция 35, 72, 78, 100, 136, 177

Фата 108
Франция 9, 10, 15, 16, 20–23, 31, 32, 38, 39, 41, 52–58, 64, 70, 71, 76, 78, 79, 81–83, 87–89, 91–93, 95, 96, 100–102, 108, 109, 111–114, 117, 120, 123, 125, 126, 128–130, 138–142, 145, 147, 155, 156, 162, 165, 167, 169, 175, 176, 178

Хаббания 104
Хадита 118, 124. 125, 127, 130, 131
Хайфа 45, 55–59, 69, 87, 106, 108–110, 112, 114–119, 123, 125, 127, 128, 131, 133, 134, 136, 142, 145, 161, 177, 178
Хаккиари 100, 173, 174
Ханакин 13, 19, 24, 25, 33, 57, 67, 80
Хит 35, 127, 142
Хомс 57, 108, 128

Чемчемаль 67
Чехословакия 23
Чиа-Сурх 24, 41

Швейцария 89, 94, 95, 96, 145
Шотландия 22, 40
Шуайба 104

Эльзас 70

Яффа 138

SUMMARY

G. N. Valiakhmetova. Oil and Independence: A Case Study in the Termination of the British Mandate on Iraq, 1928–1932

This monograph is devoted to the history of granting independence to Iraq in view of international oil policy in the period between two World Wars. The author contends that to a large extent it was oil which was the causa proxima in the conflict between the great powers in the League of Nations over the termination of mandatory regime in Iraq. Per se it was the next stage in the fight for the sphere of influence in the Middle East with the Iraqi oil being a first priority. The western governments considered and solved Iraqi key problems primarily on account of their oil policy, actually acting of their own national interests and exploiting Bagdad as a small change in their complicated multi-way diplomatic politics. Consequently, the fight for Iraqi oil was an organic part of the existing system of international relations and reflected its current state. The country's readiness for independence was defined from political, strategic and economic western interests as well as western oil interests but not from the national interests of the young Arab state. However, in the author's opinion one should neither reduce the sources of modern Iraqi society problems to the period of the League of Nations mandate nor relate them to its rich oil resources. Since 1932 the number of claimants to Iraqi oil had been permanently increasing, concurrently giving rise to numerous formulae of the solution of the problem – to the extent of direct military intervention. Besides, alongside with international and regional policy realities, there were some inner factors. All this made it impossible for Iraq to fulfill its unique historical potential. The research has been conducted with the use of the material of the National Archives of Great Britain and Russian state archives as well as little-known and rarely used sources.

The book is intended for the attention of historians, social scientists and all those who are interested in international policy.

Научное издание

Валиахметова Гульнара Ниловна

НЕФТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ.
К истории отмены британского мандата на Ирак
1928–1932 гг.

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор М. С. Баландина
Корректор Л. В. Хохлова
Верстка А. В. Ельцева

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.
Сдано в набор 01.10.09. Подписано в печать 22.12.09.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 14. Уч-изд. л. 12.
Тираж 200 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев
103031, Москва ГСП, ул. Рождественка, 12